

Ильяс ДАУДИ

БОЛЬШАЯ ИГРА в АФГАНИСТАН

«Игра так велика, что одним взглядом можно окинуть только маленький её участок» — Р. Киплинг

«Большая игра» - геополитическое соперничество Российской империи и Британской Индии на рубеже 19-го и 20-го веков за господство в Центральной и Южной Азии. Широкое применение метафора «Большая игра» получила в 1901-м году после публикации романа Редьяра Киплинга «Ким».

ЧАСТЬ I.

Нашему поколению, рождённому в 1960-е годы, считаю, очень повезло. Дети и внуки народа-победителя, мы успели пожить в «великом, могучем» Советском Союзе, не застав к счастью, сплошной коллективизации и волн политических репрессий. Родившись через двадцать лет после Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945, когда ещё были свежи придания, мы с большим интересом слушали рассказы своих отцов и дедов о бессмертном подвиге нашего народа.

РАЗГОВОР С ДЕДОМ. Случай на войне.

Был мартовский вечер 1979 года. Мой дед (по-татарски «бабай») Ахмадулла Идрисов уже несколько часов, не вставая с рабочего места, шил к сроку очередной заказ - партию каракулевых шапок.

Пристально наблюдая за доведёнными до автоматизма движениями Ахмадуллы бабая, за шитьём на швейной машинке «Zinger», я посмотрел на обрубок его правой ноги. Её ампутировали выше колена после ранения, полученного при прорыве из окружения на Брянском фронте в 1942 году.

Сев напротив, я попросил Ахмадуллу бабая рассказать какой-нибудь интересный случай, приключившийся с ним на войне. Он задвинул выше на лоб потёртую от времени тюбетейку и, погрузившись в мысли, произнёс «Эй заманнар», означающее ёмкое «времена знаковых событий», и продолжил: «Не знаю, интересным покажется тебе этот случай или нет, но в нём, без преувеличений, решалась моя жизнь.

В июле 1942 года, в составе 112-й кавалерийской дивизии, я участвовал в сражениях на рубеже деревень Алёшки и Малые Борки. Кони тогда сильно устали и были голодны. Проезжая мимо одной из деревень, в центре поля я увидел несколько стогов сена. Желая накормить коня, я подскакал к одному из них, стал стягивать верхний слой сена и сгребать его в кучу. Как выяснилось позже, это увидел председатель местного колхоза и пожаловался в особый отдел дивизии.

Вечером, отыскав по моим и коня приметам, меня арестовали, обвинив в хищении колхозной собственности. Изъяв личное оружие, на ночь спустили в погреб одного из домов и приставили часового.

Рано утром меня подняли, связали за спиной руки и по Закону «от седьмого-восьмого», или Указу «7/8», принятым Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, повели на расстрел. Несмотря на то, что размер хищения не превышал стоимости трёх колосков, отсюда более известное название закона «о трёх колосках», приговор по нему в условиях военного времени приводился в исполнение «на месте», предусматривая также конфискацию имущества.

Двое из расстрельной команды отвели меня на край деревни, заставили снять сапоги и, вскинув стволы, уже прицелились. Я быстро в полголоса прочитал суру «Йа син», облегчающей душевное состояние уходящего в мир иной, и приготовился к смерти. Завершая творить молитву, едва я произнёс «Аллаху акбар», как услышал доносящийся издали голос моего командира эскадрона, громко кричавшего: «Стойте, стойте, остановитесь».

За ночь он оббежал вышестоящее командование и начальство особого отдела, убедил их в отсутствии у меня корысти и лично за меня поручился, назвав «особо отважным бойцом». Вот так я избежал приведения приговора в исполнение».

Для меня, двенадцати летнего юноши, рассказ деда был непонятным и волнующим, я никак не мог понять, зачем на войне стрелять в своего из-за какого-то сена. Желая поскорее отвлечься от тяжёлых воспоминаний, Ахмадулла бабай взял в руки костыли, и пересел с рабочего места ближе к телевизору.

В это время в эфире телепередачи «Международная панорама» ведущего политического обозревателя Александра Бовина шёл репортаж из афганского города Герат. Голос за кадром комментировал, что «социально-экономические и политические реформы Правительства Демократической Республики Афганистан (ДРА) привели к всплеску социальной напряжённости на западе страны, где радикально настроенные исламисты при поддержке военных и вмешательстве иранских шиитских кругов, используя недовольство части гражданского населения, третьего по численности города Герат, подняли антиправительственный мятеж, повлёкший многочисленные жертвы. В числе погибших оказались и три советских гражданина».

Не отрывая взгляд от телевизора, я спросил тогда деда, к чему, по его мнению, приведут эти события: «Этим только не закончится», - с грустью ответил Ахмадулла бабай.

В дни Гератского мятежа в марте 1979 года Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммад Тараки обратился к руководству СССР с очередной просьбой об оказании ДРА военной помощи – вводе на её территорию Советских войск. На что А.Н. Косыгин, Председатель Совета министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС, дал тогда исчерпывающий ответ:

«Ввод наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит международную общественность, повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это, по существу, будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом.

Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований.

Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится.

Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает».

20 марта 1979 года. Совещание членов Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева с Генеральным секретарем ЦК НДПА Н.М. Тараки. (Совершенно секретно. Особая папка)

В дальнейшем, события покажут, что подавление Гератского мятежа в марте 1979 года, а немного позже ещё в семи афганских провинциях, не выведут Правительство Н.М. Тараки из внутривластного кризиса. Ответ советских руководителей на просьбу о вводе нашей Армии в Афганистан в марте 1979 года декларировал нежелание такого вмешательства.

Однако ход внутриафганских и международных событий к декабрю 1979 года всё же сподвигли руководство СССР к принятию решения о вводе войск в Афганистан.

20 декабря 1979 года Ахмадуллы бабая не стало, а через неделю 27 декабря, начался ввод Ограниченного контингента Советских войск в республику Афганистан.

АЗНАКАЕВО, весна 1984 года

Прошло пять лет. В 1984 году я успешно завершал среднюю школу и достиг к тому времени разряд «Кандидата в Мастера спорта СССР» по боксу.

Во вторник, 17 апреля 1984 года, у сводной группы 10-х «а» и «б» классов проходили занятия по электротехнике в Учебно-Производственном Комбинате (УПК). В данной группе обучался и Рустам, младший брат Фаниса Гильфанова, выполнявшего с 1982 по 1984 годы интернациональный долг в республике Афганистан.

При удобном случае я расспрашивал Рустама о точном месте службы Фаниса в ДРА, о его боевых буднях. Как будущему призывнику, мне это было очень интересно.

Прозвенел звонок, учащиеся сели за свои парты, начался урок. Спустя минуту кто-то, приоткрыв дверь, попросил преподавателя выйти. В коридоре стояли старший офицер Районного Военного Комиссариата (РВК) - майор и две сотрудницы районного исполкома г. Азнакаево. После короткого разговора седовласый преподаватель вернулся в класс подавленным.

Он тихо назвал фамилию и имя - Гильфанова Рустама, попросил взять с собой портфель и вместе с ним вышел из класса. В коридоре визитёры Рустаму, что-то сообщили. Преподаватель, оставил группе рабочее задание и предупредив, что ненадолго отлучится, пошёл проводить визитёров и Рустама к выходу из здания школы.

Дождавшись, пока преподаватель выйдет, в класс буквально вбежал, опоздавший с перемены учащийся 10-Б Фаяз Латыпов, одноклассник и близкий друг Рустама Гильфанова, ставший невольным свидетелем разговора в коридоре. Ошеломлённый трагической вестью, он тут же поделился ею с группой: «Брат Рустама, Фанис Гильфанов погиб в Афганистане. Привезли гроб».

Могли ли мы, учащиеся 10-х «А» и «Б» классов, Азнакаевской средней школы №2 в апреле 1984 года хотя бы мысленно допустить, что, спустя год, пятеро из нас, в числе призванных на срочную службу в Вооружённые силы, попадут служить в ДРА, а Фаяз Латыпов (*Латыпов Фаяз Мазгарович (1967-1986), кавалер ордена «Красной Звезды»*), как и Фанис Гильфанов (*Гильфанов Фанис Азгамович (1963-1984)*), оставит там свою жизнь.

Рустам Гильфанов, несмотря на гибель брата в Афганистане, оставшись единственным сыном, по исполнению 18-ти лет, весной 1985 года, не встретив возражения матери, также направится служить в Армию.

АСАДАБАД, провинция КУНАР, апрель 1984 года

Фанис Гильфанов, в конце марта 1982 года, в составе первой группы призывников был направлен в «сержантскую учебку» Туркестанского Военного Округа, в город Ашхабад, Туркменской ССР.

Спустя шесть месяцев, в октябре 1982 года, окончив сержантские курсы, младший сержант Гильфанов Ф.А. для дальнейшего прохождения службы был направлен в состав Ограниченного контингента Советских войск в республике Афганистан (ОКСВА) в 66-ю отдельную мотострелковую бригаду (66 ОМСБр) в 7-ю мотострелковую роту 3-го мотострелкового батальона, дислоцированного в городе Асадабад провинции Кунар.

Провинция Кунар расположена на востоке республики Афганистан, на границе с Исламской республикой Пакистан (ИРП). Контроль над этой приграничной провинцией имел важное стратегическое значение.

В боевых действиях против Советских войск на стороне незаконных вооружённых формирований афганской оппозиции участвовали также и иностранные наёмники из ИРП, Иордании, Египта и других стран. Из ИРП, данным формированиям через провинцию Кунар, вглубь территории ДРА, поступала военная помощь.

7-я рота 3-го мотострелкового батальона 66-й ОМСБр, где проходил службу Фанис Гильфанов, принимала активное участие в боевых действиях.

Находясь в полной изоляции и на значительном удалении от главных сил 66-й ОМСБр и других частей ОКСВА, в близости к Пакистанской границе, 3-й «Асадабадский» мотострелковый батальон, на ряду с участием в войсковых операциях в составе бригады в зоне её ответственности, в своей боевой деятельности проводил регулярные самостоятельные рейды и засады в провинциях Кунар и Лагман.

За период службы старшего сержанта Гильфанова Фаниса - с октября 1982 года по апрель 1984 года, в 7-й мотострелковой роте, не выходящей из боевых действий, погибло более тридцати пяти военнослужащих.

В бою у населённого пункта Ганджгаль в провинции Кунар 16 мая 1983 года 7-я мотострелковая рота понесла безвозвратные потери в количестве 17-ти воинов, а у населённого пункта Суруби 11 апреля 1984 года, 7-я рота понесла потери, по разным данным - от 12 до 15 погибшими.

Так, в общих чертах, об обстоятельствах последнего боя Фаниса Гильфанова и товарищей, вспоминал солдат 7-й мотострелковой роты Сергей Тиунов:

11 апреля 1984 года группы десанта 7-й мотострелковой роты в составе 1,2,3,4-го взводов из аэродрома Джелалабад, вертолётами Ми-8 были высажены в районе боевых действий у населённого пункта Суруби (Соруби).

В задачи роты входило оказание огневой поддержки десантникам, ранее направленным на помощь подразделениям спецназа, несущим потери после столкновения с превосходящими силами мятежников.

Подразделения спецназа в данном районе осуществляли разведывательно-поисковые действия по обнаружению отряда мятежников, складов с оружием и боеприпасами. При прочёсывании населённого пункта, группа спецназа оказалась в западне и потеряла погибшими пять человек.

При попытке отбить тела погибших товарищей, спецназ натолкнулся на шквальный огонь противника. На помощь им были направлены десантники и подразделения 66-й мотострелковой бригады: разведка, дшб, мотострелки и миномётчики.

7-я мотострелковая рота, направленная на выручку нашим подразделениям, вышла на огневой рубеж, где также вступила в бой с отрядом мятежников. В завязавшемся бою, 1-й и 4-й взвод, поддерживая безостановочный огонь, прикрывали отход друг друга и постоянно меняли позиции со 2-м и 3-м взводами.

При очередной смене позиций, 2-му и 3-му взводам не удалось своевременно занять огневые позиции и обеспечить прикрытие отхода 1-го и

4-го взводов. Это привело к сосредоточению плотного огня противника на позиции последних.

2-й и 3-й взвод, до последнего, как могли, устойчивым огнём с флангов поддерживали бойцов 1-го и 4-го взводов. Однако с ближайших гор к атакующим мятежникам стягивалось многочисленное подкрепление.

Отряд противника, одетый в чёрную униформу, был хорошо виден в прицел снайперской винтовки СВД, некоторые из них даже шли в полный рост, рассчитывая такой бравадой воздействовать психологически и подавить моральный дух бойцов 7-й роты.

По мнению выживших солдат 7-й мотострелковой роты, в отряде мятежников находились иностранные наёмники и бойцы пакистанского спецназа «Черные аисты». По имеющимся сведениям из ИРП в Панджерское ущелье двигался отряд мятежников большой численности. На позицию 2-го взвода из девяти бойцов цепью в полный рост двигалось более десятка людей «в чёрном».

Подпустив наёмников на близкое расстояние, 2-й взвод открыл по ним огонь. Определённый отрезок времени атакующие наступали цепью, а затем стали падать по одному и вскоре залегли. После скоротечной перестрелки группа мятежников, стала перебежками отступать на безопасное расстояние, унося с собой убитых и раненных, а часть из них переместилась на позицию, где на переднем крае вели бой - 1-й и 4-й взвод.

По радиации запрашивалась помощь авиации, однако по причине наступления темноты, воздушной поддержки так и не последовало. На помощь 7-й роте выдвинулась бронетехника, способная поддержать огнём из пушек и пулемётов, но было уже поздно.

По радиостанции связист - из состава окруженных взводов вещал: «У нас есть убитые и раненные. В живых осталось мало, кругом духи». После выхода радиста в эфир, интенсивность огня мятежников по позициям взводов 7-й роты возросла, усилившись гранатомётным огнём.

Вскоре выстрелы стали стихать, наступила ночь. Под покровом ночи подошла броня, под её прикрытием, оставшиеся в живых бойцы 7-й мотострелковой роты, выдвинулись к позициям 1-го и 4-го взвода.

Когда подошли к месту, где шёл бой, обнаружили тела погибших воинов, они были сильно изрешечены пулями. Оружие советских воинов мятежники унесли с собой. При эвакуации с поля боя один тяжело раненный боец сообщил, что раненых «духи» расстреливали в упор.

Тела погибших погрузили на броню БМП и в сопровождении бойцов 3-го взвода, отправили в тыл. Бойцы же 2-го взвода остались на месте боя прикрывать отход БМП с телами погибших воинов.

Важно отметить, в бою у Суруби 11 апреля 1984 года, подавляющее число погибших солдат, в числе которых был и заместитель командира 1-го мотострелкового взвода Фанис Гильфанов, были уже демобилизованы, срок их службы истёк, они ждали отправки домой.

Четверо военнослужащих 7-й мотострелковой роты 66-й отдельной мотострелковой бригады, с которыми более полутора лет плечом к плечу воевал старший сержант Гильфанов Ф.А. были удостоены званий Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга в республике Афганистан, - это: лейтенант Стомба А.И. (посмертно); лейтенант Демченко Г.А. (посмертно), старший лейтенант Амосов С.А. (посмертно), рядовой Гаджиев Н.О (посмертно).

В Книге Памяти погибших в Афганистане о Фанисе написано: «ГИЛЬФАНОВ Фанис Азгамович, младший сержант, командир отделения, родился 17.03.1963 в селе Муслумово Татарской АССР. Татарин. Работал в Азнакаевском управлении буровых работ. В Вооруженные Силы СССР призван 28.03.82 Азнакаевским ОГВК.

В Республике Афганистан с октября 1982. Неоднократно принимал участие в боевых операциях. 11.04.1984 подразделение, в составе которого он находился, выполняло боевую задачу и попало в засаду. В завязавшемся бою Гильфанов погиб. За мужество и отвагу, Гильфанов Ф.А. награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно). Похоронен в городе Азнакаево. В школе, где он учился, установлена мемориальная доска».

Проститься с Фанисом пришли преподаватели школы, все, с кем он рос, учился, дружил, занимался боксом. Вспомнилось, как в свою последнюю тренировку в марте 1982 года, Фанис пришёл налысо постриженным, так стриглись перед призывом в Армию, и по её завершению, уже в раздевалке, подсел к ребятам и сказал: «Всё пацаны! Медкомиссию уже прошёл, ухожу в Армию. Увидимся через два года».

Учился Фанис в нашей Азнакаевской средней школе №2. Семья их рано потеряла отца и мама Дания апа одна поднимала двух сыновей - старшего Фаниса и младшего Рустама, учившегося со мной в параллельном «Б» классе.

В 1981 году Фанис окончил десять классов и перед армией устроился на работу в Азнакаевское УБР (управление буровых работ). Вечерами после работы он продолжал посещать тренировки и приходить в наш двор к товарищам. Несмотря на старшинство Фаниса, у нас сложились добрые приятельские отношения.

В конце марта уже истекли два года службы Фаниса, а он так и не возвращался. В начале апреля, за беседой, Рустам сообщил, что некоторое время назад, батальон Фаниса в рамках ротации был передислоцирован из Асадабада в Джелалабад и в своём последнем письме он просил родных больше ему не писать, объясняя это скорой демобилизацией.

В апреле 1984 года, родные Фаниса ждали его возвращения домой.

ПОГИБШИЕ в населённом пункте СУРУБИ

1. сержант Гильфанов Фанис Азгамович зам.командира взвода 1 МСВ 7-й МСР
2. рядовой Мальгинов Роман Борисович пулемётчик 1 МСВ 7-й МСР

3. рядовой Пашкевич Юрий Иванович наводчик-оператор БМП 1 МСВ 7-й МСР
4. младший сержант Карпусь Михаил Васильевич командир отделения, гранатомётчик 1 МСВ 7-й МСР
5. рядовой Приписцев Анатолий Викторович гранатомётчик 1 МСВ 7-й МСР
6. рядовой Шумихин Григорий Артурович старший гранатомётчик 1 МСВ 7-й МСР
7. рядовой Кудрявцев Юрий Александрович гранатомётчик 1 МСВ 7-й МСР
8. рядовой Лаптев Валерий Васильевич наводчик 1 МСВ 7-й МСР
9. младший сержант Билоченко Василий Анатольевич снайпер 1 МСВ 7-й МСР
10. Список погибших неполный

ПИСЬМО СОЛДАТА 2-го взвода 7-й мотострелковой роты старшего сержанта Сергея Тиунова, оставшегося в живых:

«Фамилии всех погибших устанавливаются. Всего погибло 15 человек. В живых, из 1-го взвода остался Андрей Бурлов, который в мае 1984 года на Панджшере подорвался на mine. С 1-го взвода живым остался Сергей Ступаков, в начале боя командир роты Сергей Боговиков забрал у него пулемёт и приказал выносить с поля боя, раненого в живот бойца. По прибытию в расположение бригады, после разбора случившегося, роту доукомплектовали бойцами из других подразделений, после чего, в составе 66-й ОМСБр она была направлена на Панджшер, где 8 мая 1984 года погиб наш командир роты Сергей Боговиков».

Провожали в последний путь Фаниса всем городом. Остались, чтобы похоронить и сопровождавшие гроб, военнослужащие Советской Армии, офицер и два солдата. Возможно, в Афганистане, они служили не с Фанисом, а в другой воинской части, просто им не повезло – приказано доставить тело погибшего на Родину. Многие азнакаевцы подходили к ним, расспрашивали об обстоятельствах гибели Фаниса и вообще о той войне.

Траурное шествие проходило мимо средней школы №2, в которой 10 лет, учился Фанис. В прошествии короткого времени, на стене у входа в школу, была установлена мемориальная доска с его именем. Рядом с ней, по злему року судьбы, ровно через два года, в апреле 1986-го появилась вторая мемориальная доска с именем Фаяза Латыпова, также героически погибшего в Афганистане.

С КОГО НАЧИНАЛАСЬ РОДИНА

Говоря о том, кто для меня есть Родина, скажу: Это два моих деда, с началом Великой Отечественной войны, летом 1941 года, ушедшие на фронт и защищавшие нашу Родину, которые, несмотря на полученный в боях физический недуг, не сломались. Мои Деды (Бабаи):

- по-отцу – Мисбахетдин бабай (Мисбахетдин, сын Мухаммад-Сафы Сафин), был сержантом артиллеристом, в боях был дважды ранен, при штурме Берлина был тяжело контужен, потерял слух.

- по-матери – Ахмадулла бабай (Ахмадулла, сын Газиза Идрисов), был рядовым кавалеристом, воевал в составе 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, сформированной из числа башкир и татар.

За храбрость, проявленную в сражениях Великой Отечественной войны, оба были награждены правительственными наградами.

В трудные, голодные послевоенные годы, оба стали многодетными отцами и, несмотря на тяготы, подняли, дали им достойное образование. Жизненный путь Мисбахетдина и Ахмадуллы бабаев для меня были примером воли, стойкости и мужества.

Родина - это мои родители: отец Сафин Дильшат Мисбахетдинович, инженер нефтетранспортного предприятия и мама Сафина Райса Ахмадулловна, акушер-гинеколог, «Заслуженный Врач РСФСР», Заведующая Азнакаевским Родильным домом, почётный житель города Азнакаево, посвятившая себя спасению новорожденных детей и матерей.

Родина - это мои старшие товарищи и сверстники - во дворе, в школе, в секции бокса, те с кем я вырос, с кем воевал, лечился в госпиталях в Афганистане и ТуркВО.

О людях, которые мне дороги и оставили добрый след в моей жизни, это повествование.

ЮНОСТЬ

*Юность моя, ты гори - не сгорай!
Юность моя, ты друзей собирай!
Руки свои дайте, друзья,
С вами бесстрашная юность моя!
Л. Ошанин*

Родился я в январе 1967 года в рабочем посёлке, ставшем впоследствии городом Азнакаево, на юго-востоке Татарской АССР, в семье с советскими ценностями и с традиционным татарским - мусульманским укладом жизни.

Корни моих предков исходят из двух татарских аулов Куктэка и Куштиряк, расположенных по обе стороны устья реки Ик, служащей административной границей Татарской и Башкирской республик, Азнакаевского и Бакалинского районов соответственно.

Детство и юность с переездами проходили в дворах посёлка, полных детворы разного возраста, играющей в футбол, хоккей, в караван верблюдов, в лапту и другие.

К началу каждой весны дворовые ребята Азнакаево своими руками изготавливали различные поражающие средства: рогатки, самострелы, поджиги, плавил свинец, из которого потом отливали различные формы, в том числе, макеты пистолетов. Тащили с ближайшихстроек карбид, клали в какую-нибудь ёмкость, заливали его водой и взрывали. Увлечения были опасными и порой приводили к травмам, но пацанов это не сдерживало - такая была жизнь.

Хоккейная коробка, футбольные поля, подвалы и чердаки домов, были неизменной средой обитания азнакаевских ребят, объединённых в команды, по территориальному принципу.

Костяк дворовых пацанов составляли юноши, родившиеся в 1960-е годы. Названия дворам давали самые экзотичные: *Ватикан, Центр, Тяп-Ляп, Союз, Центр, Шанхай, Керчь, Нахальный* и другие. Невзирая на возраст, внутри дворов, пацаны были дружны и сплочённые, а за его пределами, в стычках с другими командами, отвоёвывали «место под солнцем» на кулаках.

Причина соперничества дворовых команд состояла в доминировании в местах культурного и спортивного досуга города: в кинотеатре, на летней танцевальной площадке в городском парке, в городском открытом летнем бассейне, на открытом хоккейном корте.

Появление в стычках, первой крови, по неписанным законам улицы, завершало противоборство. Для начала конфликта, могли быть использованы примитивные требования: «Дай закурить (прикурить)!», а у кинотеатра «Восток» - «отвали карманную мелочь!»

В 1977 году, когда мне исполнилось 10 лет, моя Мама была назначена заведующим Азнакаевским Родильным домом. Высокое назначение способствовало выдаче нашей семье трёх-комнатной квартиры в престижном трёхэтажном доме в центре города на улице Ленина.

Так я стал представителем одного из наиболее престижных дворовых сообществ - «Центр», в котором жила, преимущественно, городская интеллигенция. Принимая в команду «центровых», старшие по возрасту пацаны объяснили мне меру ответственности и дали напутствие.

Учитывая, что в большинстве своём, «центровые» являлись сыновьями, городской интеллигенции, были разносторонне развиты, играли на музыкальных инструментах - гитарах, клавишных и ударных инструментах, культурные занятия, они совмещали с различными видами боевых искусств - борьбой и боксом.

Один из подвалов нашего дома был оборудован под спортивный зал – с боксёрскими мешками, грушами, штангами, гирями и гантелями.

Другой, принадлежавший главному редактору единственной в городе газеты МАЯК, искусно разрисованный внутри портретами известных рок-музыкантов групп: Битлз, АВВА, Элтона Джона, КИСС, Смоуки - по просьбе его младшего сына, был оснащён, редкой по тем временам, профессиональной музыкальной аппаратурой: усилителями, колонками, комплектом гитар, ударной установкой с барабанами и тарелками.

По вечерам дворовые пацаны слушали и исполняли отечественную популярную и английскую рок-музыку: *Юрий Антонов, Машина времени, Битлз, Дип Пёрпл, Лед Цеппелин, Пинк Флойд, Элтона Джона, Юрай Хип и других.*

Как и многие сверстники, я был увлечён игрой на гитаре, рок-н-роллом, интересовался рок-культурой и, наряду с нашими - отечественными исполнителями, слушал английских рок-музыкантов. Музыку я совмещал

занятием спортом. К моменту переезда в «центр», за спиной у меня было уже два года занятия боксом, так, по всем параметрам, я подходил ко двору «Центр».

Пацанская среда Азнакаево была жёсткой, всегда надо было быть готовым за себя постоять. В памяти о детстве и юношестве осталось много эпизодов, когда являясь младшим по возрасту, я мгновенно реагировал на попытку притеснения и вступал в конфликт со старшими по возрасту пацанами. Ввязавшись в конфликт, чтобы сохранить лицо, они не отступали, а я, не выпуская их противоборства, не победив окончательно.

В секцию бокса я пришёл по примеру двух моих дядей 1959 и 1961 годов рождения, старших меня на 6 и 8 лет. Они были младшими сыновьями Ахмадуллы бабая и жили в городе Туймазы Башкирской АССР, расположенного в 75-ти километрах от Азнакаево.

Дяди были преуспевающими спортсменами, призёрами юношеских и юниорских первенств по боксу, во всём для меня являлись образцом для подражания. Бокс формировал волю и мастерство, а смелость и решительность мы испытывали в активной среде улиц, школ, пионерских и спортивных лагерей.

Боксёрское сообщество города было представлено двумя боксёрскими школами: Добровольным обществом «Труд» в «Доме Физкультуры» и «Трудовыми резервами» в ГПТУ №28. Азнакаевские боксеры хорошо знали друг друга и, взрослея, становились наставниками младшим, передавая им опыт и мастерство.

Одновременно с занятиями в секции бокса я посещал музыкальную школу по классу аккордеон. Родители считали, что физическое развитие должно быть сбалансировано с культурным, а их решение для меня было законом. Музыкальная школа располагалась в небольшом двухэтажном здании над Районным отделением Милиции.

После игры на аккордеоне из Музыкальной школы я на крыльях летел на тренировку по боксу, в «Дом физкультуры», находящийся на расстоянии ста метров, застроенных гаражами. Там, в межгаражном пространстве, на время тренировки, я оставлял папку с нотами и забирал сумку со спортивной формой.

Бокс поглощал меня без остатка. Придя домой со школы, я быстро делал школьное домашнее задание и бежал в спортивный зал, где с полной самоотдачей выкладывался на тренировках и спаррингах.

АЛЬБЕРТ ШАЙХУТДИНОВ и ТУРНИР его ПАМЯТИ

В 1980-м году город Азнакаево потрясло трагическое событие: в морском походе героически погиб наш земляк из Азнакаевского района – матрос-подводник Краснознамённого Северного Флота Альберт Шайхутдинов, который ценой своей жизни спас от гибели экипаж подводной лодки.

Для увековечивания его памяти в Азнакаево был учреждён ежегодный межреспубликанский турнир по боксу среди юношей. Для азнакаевских юношей-боксёров было престижно стать победителем этого турнира.

Справка: ШАЙХУТДИНОВ Альберт Зайнутдинович, старшина 2 статьи, 1959 года рождения, командир отделения газотурбинистов боевой части 5 сторожевого корабля СКР-87 130-й бригады, уроженец Татарской АССР, Азнакаевского района, деревни Октябрь-Булат, командир отделения газотурбинистов БЧ-5 НК войсковой части 20436 Северного Флота. В Вооруженных Силах СССР с 03.05.1978 года, призван Азнакаевским РВК Татарской АССР.

«...Всю свою жизнь отдал делу служения Родине, являлся примером для своих товарищей в выполнении воинского служебного долга. Имел 18 поощрений от командования за успехи в боевой и политической подготовке.

При аварии на газотурбинной установке не растерялся и не бросил свой боевой пост. Охваченный пламенем бросился к пульту управления и в аварийной обстановке остановил машины, чем предотвратил более тяжёлые последствия, аварийный взрыв корабля. Погиб при исполнении служебных обязанностей, выполнив свой воинский долг до конца, с честью, как герой...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 февраля 1981 года №3939-х года, старшина 2 статьи Шайхутдинов Альберт Зайнутдинович за проявленное мужество награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно). Красной Звезды №3711197, орденская книжка И-117677. Орден «Красной Звезды» с орденской книжкой вручены отцу награждённого.

Выписка дана с полным соблюдением текста оригинала. Основание: ЦА МО, картотека учета награжденных. Основание: ЦА МО РФ, фонд 33, опись 950449с, дело 375, лист 82.

Я помню, с каким нетерпением с товарищами по команде мы ждали начала турнира памяти Альберта Шайхутдинова и других соревнований у себя в городе и на выезде, какой эмоциональный подъём испытывали от визита нашего тренера Нияза Хамидуллина к директору школы со списком спортсменов, освобождённых от занятий на время соревнований.

Помногу тренируясь, стогая вес, участвуя в первенствах, я всё же поддерживал хорошую успеваемость в школе.

В начальных классах я учился под наблюдением родителей, отнимая у них время и нервы, а иногда и с применением внушения. Однако вскоре я начал стараться и обрёл самостоятельность, познав успех в учёбе.

Убывая на соревнования или сборы, я всегда брал с собой учебники и тетради, в свободное от тренировок и поединков время занимался самостоятельно и возвращался с опережением на две, три темы вперёд.

Так, вернувшись с состязаний, я неизменно садился за первую парту, бывало, что и с синяком под глазом, ссадинами или рассечением и, не комплексуя, активно работал на уроке, уверенно отвечая по пройденным темам. Это позволило мне «на пятёрки» окончить среднюю школу, с одной лишь четвёркой по русскому языку.

ТЯЖЁЛОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1970-е годы в дни школьных каникул и в выходные я постоянно приезжал погостить к Ахмадулле бабаю и бабушке (по-татарски «эби») Кариме эби в город Туймазы, который мне был таким же родным местом, как Азнакаево.

Старая длинная улица Василия Чапаева простиралась в частном секторе от железнодорожного вокзала до новостроек. На Чапаева жители тесно общались друг с другом, ходили в гости, а в случае нужды помогали, чем могли.

Несмотря на более чем двадцатилетний срок после Победы в Великой Отечественной войне (ВОВ) и удалённости достигнутых фашистскими дивизиями рубежей, многое всё же на Чапаева напоминало о пережитой жителями улицы, страшной трагедии. Большое число семей на улице Чапаева потеряли в Великой Отечественной войне своих близких и родных.

Характерной картиной того времени базаров и рынков советских городов были десятки инвалидов войны без двух ног, перемещающихся на деревянных сидучках с колёсиками, приводимых в движение брусками с отверстием для ухвата. Туймазинский базар был тому подтверждением.

К воротам городского базара, расположившегося неподалёку от улицы Чапаева, с раннего утра скапливалось до двадцати ветеранов-инвалидов ВОВ. Собирались они обычно у лавки, где торговали папиросами, одни в поисках подручной работы, другие в поисках порции горькой.

Я застал время, когда в начале семидесятых годов, на калитках частных домов туймазинцев красной краской в ряд - радиусом десять сантиметров наносились «звёзды» по количеству членов семьи, воевавших на фронтах ВОВ, а обведённые чёрной полосой значили гибель родственника.

Запомнилось, как прискорбно было видеть на некоторых калитках большую часть звёзд, обведённых чёрной полосой. На одной из ближних к дому Ахмадуллы бабая соседской калитке пять из шести нанесённых звёзд были обведены чёрной линией.

Все мужчины с Чапаева, достигшие призывного возраста, а некоторые и умышленно увеличив возраст, ушли воевать на Великую Отечественную войну, многие потеряли в ней своих близких.

ДЕД АХМАДУЛЛА

Летом 1941 года в городе Туймазы формировался 9-й запасной кавалерийский полк 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, в его состав был зачислен и Ахмадулла бабай. Моей Маме, 1935 года рождения, старшей по возрасту из детей, не исполнилось тогда и шести лет.

Когда Ахмадулла бабай ушёл на фронт, по воспоминаниям Карима эби, моя Мама целыми днями - с утра до вечера, не переставая, много раз

повторяла фразу: «Только бы Папа вернулся домой живым, пусть даже без руки или без ноги, но только бы вернулся живым», да так часто, что от этого болела голова. По её твёрдому убеждению, «возвращение деда Ахмадуллы живым с войны, у Всевышнего вымолила именно моя Мама».

В бою при прорыве из окружения на Брянском фронте в 1942 году Ахмадулла бабай был тяжело ранен. Крупный осколок артиллерийского снаряда, разорвавшийся под его конём, глубоко вошёл в бедро, и на ноге началась гангрена. Врачи были вынуждены ампутировать верхнюю треть бедра.

В октябре 1942-го года, пройдя лечение в полевом, а затем и в Главном военном клиническом госпитале им. Н.Н. Бурденко, Ахмадулла бабай возвращался домой. Учитывая огромное количество изувеченных воинов, с целью оградить их от душевных страданий, причинённых отказом некоторых родственников принять их с тяжёлым недугом, в годы ВОВ, был установлен особый порядок сопровождения их к близким.

Процедура осуществлялась с участием уполномоченного от Наркомата обороны СССР «сопровождающим» и офицером районного военного комиссариата (РВК).

Ахмадуллу бабая и сопровождающего, прибывших на железнодорожный вокзал Туймазы, на перроне встречал уведомлённый телефонограммой офицер РВК, который, взяв личные документы, оставил обоих ждать на вокзале, а сам направился к его родным, чтобы рассказать о степени полученного им увечья и выяснить их готовность забрать инвалида.

Выразив желание забрать мужа – инвалида-ампутанта, Карима эби подписала соответствующий акт, после чего офицер РВК возвратился на вокзал и вместе с сопровождающим проводил Ахмадуллу бабая домой. В случаях отказа семьи забрать инвалида, его направляли в Дом инвалидов, которых в то время в Советском Союзе было множество.

Невзирая на полученное Ахмадуллой бабаем тяжёлое увечье, дома, с огромной радостью его встречала семья - Карима эби и двое детей, другие семеро родились уже с 1943-го до 1961 годы. Для близких и родных было счастьем, что он остался жив.

Приближался к концу 1942 год, шла война, надо было прокормить семью. Вернувшихся инвалидами было много, и привлечь их было не к чему, а найти работу ампутанту без ноги особенно сложно. Поэтому по подсказке моего прадеда Мухаммат Вагиза Мухамметшарипова, Ахмадулла бабай, имея с детства навыки к скорняжному делу, стал шить кожаные и меховые предметы одежды и обувь: дублёнки, шапки, унты, сапоги, ботинки.

Покупая на базаре или у частных поставщиков пушнину, меховое и кожаное сырьё, Ахмадулла бабай дни и ночи напролёт шил, а Карима эби и моя Мама, как старшая из детей, продавали эти изделия на базаре. Благодаря освоенному ремеслу и тяжёлому труду, семья Ахмадуллы бабая и Карима эби имели возможность, раз в неделю покупать мясо, а в течении трёх десятков лет поднять и выучить 9 детей.

ЮНОШЕСКИЕ БЛАГОДЕЯНИЯ

Прошли годы, у Ахмадуллы бабая и Карима эби родились внуки, в их числе я - старший. В дни, когда я у них гостил, мы с «чапаевскими» ребятами собирались и разрабатывали план действий и распределяли обязанности по оказанию возможной помощи одиноким бабушкам – матерям и вдовам погибших воинов, живущих на нашей улице.

Для этого накануне мы обходили их дома и спрашивали, чем мы могли бы им помочь. Газа в домах тогда ещё не было, топили паленьями, поэтому в ближайшей округе мы пилили высохшие деревья, кололи дрова, вскапывали и засаживали огороды.

Дома вдов более чем за три десятка лет после Великой Отечественной войны без мужских хозяйских рук, сильно обветшали и отличались от остальных. Поэтому мы как могли, приводили их в порядок: красили фасады домов, деревянные ворота, заборы.

Запомнилось, как постаревшие вдовы были растроганы проявленной к ним заботой и душевно благодарили за содействие. Карима эби, услышав от соседней похвалу за нашу помощь, в шутку роптала, мол, я жена одноногого инвалида войны, помогли бы и мне чем-нибудь.

Благоддеяния, нашедшие своё отражение в произведении Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», не были для того времени явлением выдающимся, скорее обычным, как свидетельство наличия в советских людях понятия, «о неоплатном долге перед старшими поколениями», принёсших в жертву свои жизни и здоровье во имя спасения Родины.

*Мир перед нами велик и широк!
Легендарного времени крестники
Поднимаются рядом ровесники
За любовь и за мир, поколение моё!
«Юность моя, ты гори не сгорай!» Л. Ошанин*

МОСКВА, ИНСТИТУТ

Настал конец июня 1984 года, прошло два месяца, как простились с Фанисом Гильфановым. К этому времени, оставив позади учёбу в школе и выпускные экзамены, я получил пятибалльный аттестат и поехал пытаться счастья, поступая в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина (МИНХ и ГП им. И.М. Губкина), проще говоря, в «керосинку».

Успешно преодолев вступительные экзамены, будучи зачислен на первый курс «керосинки» я поселился в трёхместную комнату одного из корпусов, студенческого городка, построенного к открытию Летних Олимпийских игр 1980 года. Соседями по комнате стали только что

приехавшие со стройотряда из Норильска студенты третьего курса, за спиной которых были и армия, и рабфак.

Один из соседей был туркмен по национальности. Его часто навещал земляк из соседнего района, который сильно хромал и был немногословен.

Как-то раз, во время очередного визита я спросил, что у него с ногой. Он ответил, что в ДРА, в районе Газни, он с взводом попал в засаду, и выжил лишь он, и ослепший от ранения командир взвода.

Наступил 1985 год. Учёба в институте давалась легко, жизнь в столице нравилась. По-прежнему большой интерес для меня представляли новости с Афганской войны. Часто, поздними вечерами, прикинув к транзистору, я слушал передачи радиостанций «Свобода» или «ВВС», в которых выступали бывшие советские военнослужащие, по разным обстоятельствам, попавшие в плен.

Оказавшись в плену в Афганистане, через Пакистан, они переправлялись дальше, в страны Западной Европы, в Канаду и США. В радио-эфире они рассказывали о больших потерях Советского контингента в Афганистане, о жестоких неуставных взаимоотношениях в солдатской среде, о бесчинствах советских военных в отношении гражданского населения.

У каждого выступавшего была своя история. Я не давал оценку их поступку, не испытывал к ним неприязни или сочувствия, их выбор для меня был непонятен.

События в моей жизни в 1984-м и начале 1985-го годов: гибель Фаниса, история хромого ветерана-туркмена, интервью бывших советских солдат, а также то, что мои ровесники с оружием в руках защищали южные рубежи нашей Родины, не давали мне покоя, всё больше укрепляя моё стремление оказаться на Афганской войне.

*Пусть нам бессонные вьюги грозят,
Но мы не знаем дороги назад.
Время светит надеждами новыми,
На борьбу и на подвиг готовыми,
За любовь и за мир поколение моё!
«Юность моя, ты гори не сгорай!» Л. Ошанин*

ФАНУЗ ГАРЕЕВ

В конце января 1985 года, успешно сдав зимнюю сессию, я выехал домой в Азнакаево на студенческие каникулы. В вагон фирменного поезда «Москва – Уфа», в котором я ехал на Родину, зашёл крепкий парень, показавшийся мне знакомым.

Он также остановил свой взгляд и, вероятно, чтобы развеять сомнения, окликнул меня по имени, я согласительно кивнул.

Я вспомнил его, это был один из членов туймазинской сборной по боксу, ехавший, как и я, на каникулы, но только из Ленинграда, куда перевёз

всю сборную юношей и юниоров переехавший туда жить передовой туймазинский тренер Николай Исаев. Так, под стук вагонных колёс, между нами завязалась долгая беседа.

Он сообщил мне горькую весть о гибели в Афганистане, в мае 1984 года, Фануза Гареева - капитана туймазинской сборной по боксу. С Фанузом я был хорошо знаком, это был техничный и перспективный боксёр, которого ждали высокие пьедесталы.

Во время школьных каникул, находясь в гостях у Ахмадуллы бабая, чтобы не останавливать тренировочный процесс, я посещал туймазинские спорткомплексы «Химмаш» и кинотеатра «Космос», поддерживал дружеские отношения с туймазинскими боксёрами, но в товарищеских встречах сборных команд двух городов представлял Азнакаево.

Из рассказа туймазинца узнал, что, окончив десятилетку, Фануз отправился в Узбекистан в город Фергану в «Школу высшего спортивного мастерства», откуда и был призван в Армию в Туркестанский Военный Округ.

В учебной воинской части он продолжал заниматься боксом, стал победителем Первенства Вооружённых сил СССР 1983 года, достигнув звания «Мастер Спорта СССР». Но, как смелый и порядочный парень, после завершения «учебки», Фануз не стал использовать свои высокие спортивные достижения, чтобы уклониться от отправки в ДРА, а отложил спортивную карьеру до возвращения из Армии.

В Афганистане, Фануз Гареев, как и погибший в апреле 1984 года Фанис Гильфанов был зачислен в состав 66-й отдельной мотострелковой бригады, только в разведывательную роту.

В «Книге Памяти Погибших в Афганистане» о Фанузе, написано: «ГАРЕЕВ Фануз Тимерханович, младший сержант, командир мотострелкового отделения, родился 01.06.1964 в городе Туймазы Башкирской АССР. Татарин. Учился в высшей школе спортивного мастерства города Фергана. В Вооруженные Силы СССР призван 02.11.82 Ферганским ГВК Узбекской ССР.

В Республике Афганистан с декабря 1983. Его отделение находилось в головном дозоре и продвигалось по указанному маршруту. На одном из участков маршрута дозор был обстрелян противником. Проявив высокие профессиональные навыки, Гареев Ф.Т. организовал оборону отделения и обеспечил вступление в бой главных сил подразделения. В ходе выполнения боевой задачи был тяжело ранен и от полученных ран скончался 20.05.1984.

За мужество и отвагу награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно). Похоронен в городе Туймазы. В школе, в которой учился Гареев Ф.Т., установлена мемориальная доска. В спортивной школе бокса города Туймазы проводится ежегодный турнир по боксу, посвящённый памяти Фануза Гареева.

Земляки из Татарской и Башкирской АССР, выполнявшие воинский и интернациональный долг в республике Афганистан, и являются для меня теми, «с кого начинается Родина!»

СЛУЧАЙ в ВОЕНКОМАТЕ

Так к марту 1985 года я окончательно пришёл к тому, что в один из дней написал заявление о добровольном призыве в Армию с просьбой направить служить в Демократическую Республику Афганистан и отнёс в отдел призыва Брежневского Районного Военного Комиссариата «Брежневский РВК».

В отделе призыва РВК мои действия оценили как весьма странные, и ход заявлению не дали. Поняв, что обращение застопорилось, я написал новое, но уже на имя Военного комиссара Брежневского РВК полковника Б.А. Накашидзе и записался к нему на приём.

Полковник меня принял, внимательно прочитал моё заявление, а затем переспросил, верно ли, он понял мою просьбу и, получив утвердительный ответ, тут же порвал его, а меня выгнал.

Несмотря на это, я продолжал приходить в РВК. Утром одного дня у дверей военкомата мы вновь встретились с полковником Б.А. Накашидзе.

Поняв, что я твёрд в намерении, он пригласил меня в свой кабинет и, решив действовать дипломатично, по-отцовски стал взывать к здравому смыслу:

«Не понимаю тебя! Ты что? Смерти ищешь? Многие, как могут, пытаются уклониться, а ты добровольцем на войну, рвёшься? Ты ведь у нас студент - верно? Вот иди и учись! Надо будет, мы тебя сами вызовем, а иначе позвоню твоему ректору, он с тобой вмиг разберётся». И опять порвал моё заявление.

На это я достал из портфеля новый экземпляр заявления, положил полковнику на стол и прихлопнув сверху ладонью, сказал: «У меня их много, целый портфель». Б.А. Накашидзе вскипел, вскочил с места, взял меня под локоть и быстро повлёк к выходу из кабинета: «Пойдём».

Вывел меня в забитую народом приёмную и, стараясь сохранить спокойный тон, сказал: «Посмотри, вся приёмная мои земляки. Пришли своих сыновей да племянников от армии отмазать, а ты добровольно на войну просишься». Я ему в ответ: «Всё равно туда пойду».

Он махнул рукой, быстро широким шагом вернулся к письменному столу, силой давя пером на бумагу, наложил резолюцию и вынес показать: «Вот, видишь? Подписал. Чёрт с тобой! Будешь ты по этим горам бегать».

СПОР и ПРИЗЫВНАЯ КОМИССИЯ

Конец марта, я успешно прошёл медкомиссию и ждал повестки на призыв. Завершив очередную учебную неделю, по субботам в полдень на

футбольном поле студенческого городка МИНХ и ГП им. И.М. Губкина наша сборная «студентов из Татарии» традиционно играла мини-футбол со сборными командами других факультетов или иностранных землячеств нашей «керосинки».

Победив в матче сборную студентов из африканского континента, мы получили стандартный приз - десять трёхлитровых банок с томатным соком.

Наслаждаясь питьём сока, я заметил в группе молодых людей, пришедших поболеть за татарскую сборную, Сашу Зюзина, моего земляка из города Азнакаево, с которым ходил в один детский сад «Звёздочку». В школы мы пошли разные и потому близко в последние годы не общались.

Оба были рады встрече, вспомнили прошлое, поделились планами на будущее. Саша, также как и я, поступал в «керосинку», но не добрал баллы, и решил год до армии скоротать в Московском профильном профтехучилище.

К радости обоих узнали, что уже прошли медкомиссию и в ближайшие дни ждали повестку на отправку в Армию. Обсуждая тему призыва, даже поспорили на трёхлитровую банку томатного сока, кто уйдёт раньше. Итоги спора договорились подвести после демобилизации.

Через несколько дней я получил повестку о призыве с указанием даты убытия моей команды - 12 апреля. Сложив в чемоданы зимнюю одежду, чтобы было, что одеть после армии, поехал в Азнакаево попрощаться с родными. Поел напоследок приготовленные Мамой, любимые пирожки, часто вспоминаемые в ходе армейской службы и, вернувшись в Москву, провёл в общезжитии скромные проводы, пригласив только самых близких товарищей.

12 апреля утром призывников от Брежневского РВК на автобусах повезли в городской сборный пункт (ГСП) военного комиссариата Москвы на улице Угрешская, где перед убытием к месту службы предстояло пройти городскую призывную комиссию.

Помещения двухэтажного, огороженного забором с колючей проволокой здания «ГСП на Угрешке», были забиты очередями, раздетых догола призывников с папками личных дел в руках.

В семи кабинетах ГСП проводили освидетельствование строгие врачи в белых халатах: терапевты, хирурги, невропатологи, окулисты, психиатры, отоларингологи, стоматологи.

Заняв очередь в один из кабинетов, взгляд мой зацепился за знакомый затылок черноволосого молодого человека, которым оказался Саша Зюзин. Я хлопнул его по плечу, мы обнялись и посмеялись, вспомнили про спор на банку сока и договорились, что придя на дембель, скинемся и выпьем вместе.

С этого момента и до отправки в Афганистан мы не расставались: на построениях в ГСП, во время отправки, и в вагоне поезда, отходящего с Курского вокзала, и в учебной разведывательной роте.

Узнав о времени отправки поезда, попрощаться с призывниками на жд-вокзал пришли родители, родственники, соседи, друзья, подруги, любимые

девушки, у некоторых даже жёны. Гулянья на перроне были шумные, весёлые.

Оставшееся с проводов, спиртное и еда, украдкой распивалось и закусывалось. Молодёжь громко пела песни под гитару, их заглушал звук играющего рядом магнитофона с песней Александра Новикова:

*Вы уезжаете, слова уже все сказаны,
Что впереди решили Вы давно.
Мы обменяемся двумя пустыми фразами,
Вы для приличия помашете в окно.*

Новобранцы набились в вагоны, как сельди в бочке, и состав тихонько тронулся, продолжая доносить стихи песни:

*Вы уезжаете под мерное стучание,
А я шагаю следом взять билет...
Мы с Вами встретимся, теперь уже случайно.
Туда где Вы, билетов в кассе нет...*

О фактическом маршруте «Москва – Курск» стало известно, когда по вагонам, набравшего ход поезда, пошёл военный патруль сопровождения - офицер и солдаты.

КУРСК и ПОЕЗД в ТУРКЕСТАН

Прибыв в город Курск, московские новобранцы были размещены в воинской части, расположенной в черте города. Домашнюю еду съели по дороге, а от солдатской, в первый день, воротили нос. Уже на второй день к еде начали присматриваться, а на третий стали всё сметать со столов.

В середине апреля по утрам было ещё холодно. Новобранцев впервые сводили в армейскую баню, после которой гражданскую одежду поменяли на военное хб.

В Курске мы прошли ещё одну медкомиссию, и по её итогам в личном деле появилась запись: «К службе в странах с жарким климатом годен». Все ребята были горды, что едут на войну. А я был рад, что военком Б.А. Накашидзе сдержал обещание.

Четыре дня пребывания в Курске были заняты строевой и физической подготовкой, участвовали в парко-хозяйственных работах, трое, из общего числа московских новобранцев, привлекались к канцелярским работам в штабе части, помогая в оформлении документов.

В их числе был Сергей Сидоренко или просто Сидор, шустрый активный паренёк из Луганской области, выросший без матери, но хорошо приспособленный к жизни.

Сидор всегда был в центре событий, либо принимал в них активное участие. Никогда не мог оставить без внимания, «что не так лежит», о таких говорят: «Романтик с большой дороги».

Никто в начальный период службы так не тянулся к знаниям, как Сидор. К примеру, в его прикроватной тумбочке, при осмотре казармы, обнаружили русско-английский технический словарь. Это всех развеселило.

Каждое утро, когда все московские новобранцы уходили на развод, для проведения парко-хозяйственных работ, Сидор, натянув чёрные конторские нарукавники, с важным видом и гордо поднятой головой шёл в штаб.

Будучи подручным у офицера штаба, занятого оформлением документов московских новобранцев, Сидор, как ему казалось, имел доступ к закрытой информации.

Так, одним вечером, вернувшись из штаба, он с чувством значимости, строго «по секрету», сообщил двум своим приятелям, что команда «20А», состоящая из московских призывников, будет направлена в Афганистан.

Те, в свою очередь, разрезвонили всем остальным в казарме. Однако ни для кого в тот момент это тайной уже не являлось.

В середине апреля в воздухе чувствовался скорый приход тёплых дней, в громкоговорителе, установленном на плацу воинской части, звучал припев песни «Паромщик» в исполнении Аллы Пугачёвой:

*Разлук так много на земле и разных судеб,
Надежду дарит на заре паромщик людям.
То берег левый нужен им, то берег правый,
Влюблённых много, он один у переправы.*

На пятый день в обеденное время у первого КПП была замечена суета, на территорию части въехал автобус с солдатами одетыми в нетипичную, для средней полосы военную форму: светлое хб, вместо привычных для взгляда сапог - берцы, на головах панамы, лица загорелые. Сомнений не было, это «покупатели» из ТуркВО.

Наутро новобранцев в сопровождении солдат из ТуркВО доставили на железнодорожный вокзал Курска, на перроне перед посадкой в поезд провели поверку и убедившись, что все на месте, скомандовали грузиться в вагоны.

Заняв, кто успел, места получше – внизу или на верхней полке, новобранцы стали глядеть в окно трогającego поезда. Выйдя за черту города Курск и набрав ход, эшелон мчал на юг.

Преодолевая часы пути, деревья с набухшими почками сменяли уже распутившие ярко-зелёные листья, их в свою очередь, стройные тополя с ветками, строго устремлёнными вверх.

Оставляя на пути следования пейзажи средней полосы, новобранцы наслаждались бескрайними просторами степи, переходящей в выжженную пустыню кызылкумов и каракумов, Западного Казахстана и Туркмении, где перед ними представляли казахские жилища, напоминающие землянки, и выглядывающие из них смуглые лица местной детворы, казахские кладбища с монументальными надгробиями и пантеонами, барханы и двугорбые верблюды.

Запомнился вкус впервые отведанного туркменского чурека и кислого молока, купленного у местного населения в кратковременные остановки в Туркменистане.

Нередки были случаи, когда на железнодорожных станциях среднеазиатских республик: казахи, туркмены, узбеки не брали с новобранцев денег, а бесплатно угощали едой: лепёшками, яйцами, молоком, простоквашей и другими продуктами.

Было частым явлением, когда в минуты одновременной стоянки на станциях, из поездов, следующих в противоположном направлении, в открытые окна новобранцев пассажиры бросали консервы, сигареты и другие полезные в дороге вещи.

В пути поезд часами простаивал в пустыне, а населённые пункты пролетал без остановок.

ДЕМБЕЛЬ на ВОКЗАЛЕ

Спустя четверо суток пути, поезд въехал в южный Узбекистан и, проехав небольшое расстояние, остановился на маленькой железнодорожной станции. Новобранцы тут же облепили открытые окна вагонов. Их взгляду представился пустынный перрон, на котором было тихо и безлюдно.

Была тёплая туркестанская ночь, в небе ковёр из звёзд, на столбе фонарь с тускло светящей лампой, подталкиваемый тёплым ветерком, поскрипывая, медленно качался, слабо освещая платформу компактного одноэтажного вокзала.

Через минуту из здания вокзала вышел демобилизованный солдат – загорелый, подтянутый, фуражка задвинута на затылок, китель знатно подогнан и добротнo выглажен, золотистые пуговицы кителя расстёгнуты, на петлицах танковые эмблемы, на груди сверкает медаль «За Отвагу».

Не обращая внимания на остановившийся поезд, и созерцающие из окон лысые физиономии, дембель встал, широко расставив ноги, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Вдохнув полной грудью дыма, вскинул голову вверх, наслаждаясь звёздным пейзажем, и о чём-то задумался.

Наблюдавший за происходящим, лежа на верхней полке, Сидоренко, как только мог громко, чтобы солдат наверняка услышал, спросил: «Служивый, ответь! Два года эти ...! Быстро пролетят?»

Дембель, не опуская взгляд на Сидора, снова затянулся и застыл на несколько секунд, словно пролистал в памяти события армейской службы. Но выйдя из круговорота воспоминаний, он посмотрел в окно, из которого прозвучал вопрос и негромко ответил: «Как знать, ... как знать».

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ – ОТБОР в РАЗВЕДРОТУ

В полночь поезд с новобранцами прибыл на самый юг Республики Узбекистан в приграничный город Термез. При выходе из вокзала нас

посадили на КамАЗы и повезли куда-то в пустыню. Приблизительно в 3.15 утра мы были у места нашей службы.

Учебная воинская часть ТуркВО располагалась на крайнем юге Узбекистана, в двух километрах от афганской границы, представляя собой «полигон» в пустыне Термезского района.

В первый месяц службы новобранцам надлежало пройти курс молодого бойца и принять присягу, на два следующих передислоцироваться в горный учебный центр в Шерабадском районе, чтобы освоить навыки военной службы, в соответствии с военно-учётной специальностью.

У штаба части, спешившимся с КамАЗов новобранцам, приказали строиться. В это время местные старослужащие, приметив себе объект поживиться, предприняли попытку снять с запястья Сидора наручные часы.

Но Сидор не спасовал, а объединив усилия с новым армейским товарищем, Николаем Немноновым, оказал местным старослужащим достойное сопротивление, и это заметили подошедшие к строю военные в маскхалатах без знаков отличия.

Их было трое, старший, не высоко роста, громко спросил: «Мастера спорта, кандидаты в мастера спорта, разрядники - боксёры, самбисты, борцы, дзюдоисты, каратисты, а также те, кто «по недоразумению», имел проблемы с законом – шаг вперёд!»

Я смекнул, идёт отбор в специальное подразделение. Опрос начали с вышедших из строя Сергея Сидоренко и Николая Немнонова. «В разведроде служить хотите?» Сидоренко в ответ спросил: «А ты кто?» «Не ты, а вы! - поправил старший группы, - я командир разведывательного взвода».

Николай Немнонов был «Кандидатом в мастера» по дзюдо, а Сидоренко, успевший за время в пути с ним близко подружиться, назвал «коричневый пояс по карате». Обладал ли Сидор им в действительности, осталось «за кадром».

Я сделал шаг вперёд и, повернувшись в пол оборота, зазвал Александра Зюзина. Он в ответ: «Но я же не боксёр и не борец».

- Ты спортсмен, выходи! – настаивал, я.

Саша вышел и встал рядом. Разведчики подошли вплотную к вышедшим из строя, всматривались в лица, выборочно расспрашивали о занятиях на гражданке, о виде спорта и достижениях. Очередь дошла и до нас. Я назвал свои спортивные регалии.

Старший одобрительно кивнул, сказав: «Этот подходит». Затем они переместились к Саше, который не занимался единоборствами, но был активным физкультурником, быстро бегал на лыжах, отлично играл в хоккей, в футбол, баскетбол. На вопрос об успехах, Саша стушевался и негромко ответил: «Первый разряд по лыжам». Разведчики переглянулись, старший спросил:

- К службе в разведроде готов?

- Готов, ответил Саша.

Так мы попали в разведывательную роту учебного полка. Всех прошедших отбор организованным строем повели в расположение разведывательной роты (рр).

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ СЛУЖБЫ

Пройдя отбор в рр, в сопровождении двух бойцов в маскхалатах, оказавшихся сержантами, новоиспечённые курсанты-разведчики организованным строем направились в расположение роты. С приближением к палаткам разведроты, усиливался звук играющего магнитофона с песней в исполнении Александра Новикова:

*Зря остроги и темницы,
Душу тешили царице,
Всё текло через границы,
За бесценнок, за дарма.*

У палаток разведроты, курсанты были ошеломлены тем, как из расположенной напротив коптёрки рр, откуда доносился звук магнитофона, по-пластунски выползал солдат в выцветшем калифе, без обуви и формы, которого с двух сторон сопровождали двое, не дающие привстать, бойцов в маскхалатах.

Они осыпали его сверху тумачами, приговаривая: «Ползи, давай! Будешь знать, как к разведчикам соваться!» За ними, словно выпроваживая из коптёрки, навстречу курсантам рр, вышел белокурый, с голым торсом, красный как варёный рак, старшина разведывательной роты, сибиряк из Томска. Окинув прибывшее пополнение взглядом, он спросил: «Видали? Так бывает с теми, кто покушается на имущество разведчиков».

Курсантам рр приказали сдать выданную в Курске тёплую форму и остатки сухого пайка, сказав: «Вам это больше не пригодится». А затем всех распредели по взводам и развели по палаткам - Саша Зюзин, Сергей Сидоренко, Николай Немнонов попали в первый взвод.

Учебная войсковая часть на полигоне в Термезе представляла собой городок из зелёных брезентовых палаток, натянутых верёвками и клиньями вбитыми в землю. За каждым подразделением - ротой были закреплены три, по количеству взводов, палатки.

Вход и выход палатки соединял сквозной проход, шириной около двух метров, он делил внутреннее пространство с бетонным полом на две части.

Поперечно проходу, на расстоянии метра, были установлены двухъярусные кровати, застеленные пустотелыми матрасами, выцветшими прохудившимися до дыр с асимметричными углами и торчащей бахромой одеялами; посеребрившими от пыли простынями и бесформенные подушки.

Когда курсанты зашли в палатки, сержант заместитель командира взвода рр строго скомандовал: «Всем отбой. Быстро разделись и легли на свободные койки!»

Уже светало, время было 4.50. Не успев сомкнуть глаза, вдруг послышался громкий крик старшины «Рота подъём!»

Курсанты в недоумении: «Как так? Ведь только ж легли... ». Старшина, увеличив тембр, продолжал: «Вся рота на построение!»

Разведрота к тому моменту была уже в полном составе: 100 человек - 1-й, 2-й, 3-й взводы, курсанты - уроженцы Красноярского края, Казахстана, Свердловской области, Хакасии, Украины, Ставрополя, Молдавии, Крыма, Москвы, Ленинграда неорганизованно высыпали из трёх палаток и построились.

Сержанты, муштруя молодняк, ещё пять раз повторили команды «Рота подъём! Выходи строиться! Рота отбой!»

После многократных повторов до личного состава, начинало постепенно доходить, как должны выполняться команды командиров.

За медлительность в исполнении команд в виде штрафных санкций в рамках солидарной ответственности всего личного состава, старшиной роты, одним из частых физических упражнений, применялось, меняющееся – на счёт «раз» и «два», отжимания на кулаках от нагретого солнцем асфальта.

После команды «раз», упёршись кулаками в асфальт, надо было горизонтально опустить тело, максимально близко к асфальту, но ни в коем случае не касаться его, а на счёт «два» поднять его, удерживая на вытянутых руках. Смена команд «раз» и «два» осуществлялось с длинными паузами, что осложняло его выполнение.

С первых же дней «курса молодого бойца», освоение навыков воинской службы происходило в плотном режиме. При отработке команд «подъём» и «отбой», сержанты разведроты, зажигали спичку и за время, пока она горела, надо было успеть «раздеться» или «одеться», затем спешно покинуть палатку и занять своё место в строю.

Выполняя команды сержантов, курсанты рр десятки раз одевались и раздевались до трусов, укладывая форму, ложились под простыни. Услышав команду сержанта, вновь вскакивали, одевались и выбегали строиться рядом с палаткой, и так по многу раз.

Одним из жёстких требований к внешнему виду были начищенные гуталином сапоги. Несмотря на глубокую светло-жёлтую пыль, сапоги курсантов разведроты в момент построения должны были быть безупречно чёрными, как смола.

На всю роту в 100 человек было всего четыре обувных щётки, а отдельного времени для чистки сапог не отводилось. Если у кого-то из курсантов разведроты при построении роты сапоги были не начищены, наказание нёс весь взвод. Такие же строгие требования были к чистоте формы, окантовке волос, побритости и свежести подворотничковой подшивы.

ТуркВО - это регион палящего солнца и жаркого климата. В первый месяц службы, как и все молодые солдаты, курсанты разведроты, испытывали тоску по дому, сталкиваясь с большими физическими

нагрузками, что существенно увеличивало потребность в калорийной пище, и особенно в сладком.

Для адаптации в условиях ТуркВО организму из средней полосы для полноценной работы желудочно-кишечного тракта требовалось время и правильное питание. А во избежание массовых инфекционных заболеваний было необходимо неукоснительное соблюдения правил санитарной гигиены.

Одной из действенных профилактических мер против разного рода инфекций были «армейские индивидуальные алюминиевые котелки выпукло-вогнутого профиля с проволочной ручкой».

В промежутках между приёмами пищи, котелки заполняли дезинфицирующей хлорированной жидкостью и оставляли на этажерках у входа в палатку подразделения.

По приказу командира разведроты, старшина и сержанты строго следили за наличием жидкости в котелках, проводя тщательные проверки перед походом и по возвращению из столовой. В случае нарушения этого требования курсантами, наказывался его коллектив - отделение, взвод и даже рота.

Пить разрешалось только чай из колючки. Фрукты, овощи, мучное, сладкое, мясное употреблять в пищу запрещалось, поскольку это приводило к расстройству желудка и поносу, а впоследствии и к обезвоживанию организма, слабости и истощению. Диарея у военнослужащих вредила ходу подготовки и загружала санчасть. Пребывание в санчасти с инфекционным заболеванием считалось непочётно.

Командир разведывательной роты старший лейтенант Ровба В.И. методично и доходчиво проводил санитарно-просветительские нравоучения.

Комментируя однажды перед строем роты всплеск уровня диареи, он сокрушался: «Ну что обезьяны? У солдата живота болит? Повторяю ещё раз, если хоть одна обезьяна поест что-то за пределами столовой и выпьет что-нибудь вместо чая из колючки, спать будете стоя!»

В столовой, во время приёма пищи, на стол для десяти курсантов ставился один чугунный казан с содержимым, являющимся и первым, и вторым.

За период службы в учебном подразделении Термезе и Шерабаде запомнились два повседневных блюда - это клейстер из кислой капусты и полусгнившей картошки с почерневшими глазками и бульон с кусками жирной отварной свинины, кушать который отказывались даже те, для кого свинина была традиционной едой. На стол также подавался чёрный хлеб, белого не было.

Физические нагрузки были большими, есть хотелось всегда, поэтому курсанты разведроты добывали еду везде, где было возможно.

Поняв, что кушать столовскую еду невозможно, в отведённое на приём пищи время курсанты разведроты группами вбегали на кухню и, сталкиваясь с возмущёнными возгласами поваров, внушали им жёсткие требования предоставить приготовленные для себя блюда.

Спустя неделю пароль «разведрота» заставлял поваров трепетать. Разведчики беспрепятственно заходили на кухню, шарили по холодильникам и кладовкам, забирали у поваров, приготовленную для себя еду. Ведь себе-то повара готовили съедобно.

Особо приятным событием в курсантской жизни было получение продуктовых посылок из дома. В них были конфеты, печенье, которые делились в кругу близких товарищей и спустя часы, отвыкшие от сладкого желудка, давали сбой, и всё заканчивалось поносом.

Питьевой воды в части не было. Привезённую в ЗИЛах-водовозках воду, использовали по двум назначениям: подвергали многочасовому кипячению для приготовления пищи и заваривания чая из колючки и для заполнения цилиндрических ёмкостей, питающих двадцати-крановые умывальники.

В расположении части было три таких умывальника: у столовой, у котлов для заварки чая и на окраине воинской части, выходящей на дорогу в направлении государственной границы, по которой курсанты совершали марш-броски.

Полевые занятия у курсантов разведроты, в отличие от других подразделений, были более продолжительными и трудоёмкими. Тактические специальные занятия, многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, дневные стрельбы, проводимые за пределами части, являлись причиной возвращения разведрот последними.

В расположение части организованный строй вбегал с нагретыми палящим солнцем телами, залитыми потом и пропитанной насквозь формой. Во рту было так сухо, что язык казался лишним.

На момент прибытия разведчиков, все умывальники были уже заняты курсантами из других подразделений. Тех, кто уже мылся у кранов, по кругу обступали ожидающие очереди помыться. Подходы ко всем кранам были заблокированы. Душевых в части не было, в умывальниках и мылись и стирались.

Распуская строй разведроты для помывки, сержанты умышленно выделяли нереально короткое время в 5 минут. По их истечении разведрота должна была в полном составе, организованным строем покинуть умывальники.

Между тем в кранах текли тонкие струйки мутной горячей воды. Вода в них поступала из расположенной сверху цилиндрической ёмкости, нагретой лучами палящего солнца.

Недостаточное число кранов, слабой напор воды, а также количество ожидавших в очереди, не внушали оптимизма.

Не успевая помыться в отведённые сержантами минуты, курсанты теряли шанс освежиться до позднего вечера, когда температура в ёмкостях сильно понижалась и вода становилась ледяной.

Для выхода из сложившейся ситуации курсанты разведроты быстро организовали взаимодействие, обкатанное в местах большого скопления

подразделений. Взявшись крепко под руки, группа до десяти человек с разбегу вклинивалась в пространство между умывальниками и моющимися и, оттеснив, занимала их место. Затем, став спиной к начавшему мыться, курсанты отражали попытки восстановить «статус-кво».

Разведроту от других подразделений отличали плотный распорядок занятий и строгая дисциплина. Передвижения в расположении части осуществлялись в беговом режиме, никакой ходьбы, тем более разброда и шатаний.

На протяжении всего периода подготовки к службе в Афганистане, курсанты разведроты регулярно пробегали многокилометровые марш-броски с рюкзаками наполненными песком или камнями, под раскалённым солнцем или в обнимку со свёрнутыми матрасами и одеялами в ночное время.

Самоидентичность войскового разведчика формировалась на многочасовых занятиях по тактико-специальной и физической подготовке, на совершенстве владения различными видами оружия, приёмами рукопашного боя и на гордости за принадлежность к спецподразделению.

В разведроты не приветствовалось пребывание курсантов в очередях у умывальников, при разливе чая во фляги в чайхане, при входе или выходе из столовой, наборе дезинфицирующей жидкости в армейские котелки и в других местах.

Во внешних конфликтах, под клич «разведка!», несмотря на численное превосходство противной стороны, курсанты разведроты спешили к нуждавшимся в поддержке товарищам, таков был неписанный закон. К смекалке и дерзости курсантов разведроты прикладывались взаимодействие и вероломство, позволявшие держать в напряжении другие подразделения.

Рукопашный бой был одной из базовых дисциплин в подготовке курсантов. Владение его приёмами и техника отрабатывались с физически более сильным или одновременно с несколькими противниками. Это нашло своё применение и на учебных засадных действиях разведчиков.

Умывальники, столовая, пункты заполнения чая во фляги и заливки дезинфицирующей жидкости в котелки - были местом обновления кожаных ремней, панам, фляжек и формы.

Панамы и ремни срывались на ходу и вырывались из рук, в том числе, в туалетах, у сидящих «по большой нужде» и не способных из-за отсутствия маневренности противодействовать обидчику.

Во время редких киносеансов в части, к середине фильма, 40% личного состава всех подразделений полка, вымотанные тяготами службы и палящим солнцем, засыпала, создав разведчикам условия для обновления панам.

Из Курска курсанты разведроты прибыли в утеплённой форме и в пилотках. В Термезе к этому времени установился зной, а новое обмундирование, в том числе панамы, спасающие своими полями от лучей палящего солнца и облезания на носках кожи, никак не выдавали, поэтому курсантам всё это приходилось добывать на стороне.

В определённый момент всем подразделениям за исключением разведроты, вещевая служба учебного полка выдала новую форму - хб из более тонкого материала, вместо кирзовых сапог выдали берцы, а пилотки заменили панамами.

Однако на утреннем построении весь личный разведроты стоял в новой форме, когда как в других подразделениях появилось много старой формы.

КОМАНДИР РАЗВЕДРОТЫ – РОВБА В.И.

Командиром нашей учебной разведывательной роты в апреле 1985 года был старший лейтенант Владимир Иванович Ровба. В 1981-1983 годы он проходил службу в Афганистане в 191-ом отдельном мотострелковом полку в провинции Газни, за боевые заслуги был награждён медалью «За Отвагу». Завершив службу в ДРА, был направлен в Учебный полк ТуркВО в Термезском районе. К апрелю 1985 года занимал должность командира разведывательной роты.

За шесть лет службы в ТуркВО, с 1983 по 1988 годы, начав с должности командира взвода и до начальника штаба учебного разведывательного батальона Ровба В.И. воспитал десять призывов разведчиков, прошедших Афганскую войну.

Служить под началом Владимира Ивановича было почётно, и являлось визитной карточкой в разведывательных подразделениях 40-й Армии.

Высокий, подтянутый, выцветшая на солнце полевая форма идеально выглажена, борта панамы слегка приподняты, ремень и портупея затянуты, на груди планка медали «За Отвагу».

При разговоре сквозь русые усы проблёскивала металлическая фикса. Он обладал редким даром не ругаться матом, а разговаривать на нём.

За строгий нрав, справедливость и чувство юмора разведчики уважали В.И. Ровбу. Прививая гордость за службу в разведке, он ценил в подчинённых смелость, дерзость и умение нестандартно мыслить: «на гражданке вор, в армии разведчик», «рождённый быть застреленным, не подорвётся» говорил он перед строем.

Во время марш-бросков разведроты на длинную дистанцию Владимир Иванович, обладая отличной спортивной формой, присоединялся к строю и пробегал вместе до конечного пункта и обратно, сохранив силы и свежесть.

УЛОВКИ СЕРЖАНТОВ

Порядок в расположении разведроты поддерживался строго: требовались идеальная заправка кроватей, чистота бетонного пола, соблюдение строгого перечня содержимого в прикроватных тумбочках, идентичность укладки формы и обуви курсантов и другое. За плохую уборку или беспорядок наказание было коллективным и суровым. Повод для наказания во многих случаях закладывался - намеренно и искусственно.

Утром, при убытии роты на утренний развод, сержанты покидали палатки последними и, пользуясь моментом, подбрасывали под койки курсантов окурки сигарет, а по возвращению, внезапно иницируя проверку, сами же их и обнаруживали. Находка влекла коллективное наказание.

После команды «отбой», нагруженные за день занятиями по физической, тактической или огневой подготовке, смертельно уставшие, едва успев помыться и улечься на сон, курсанты разведроты поднимались сержантами по тревоге и, обхватив свёрнутые в трубочку матрасы, одеяла и подушки, а иногда и прикроватные тумбочки, бежали марш-бросок до границы с Афганистаном и обратно протяжённостью шесть километров.

ПОГРЕБЕНИЕ ОКУРКОВ

Иным, по сути и содержанию был исход, связанный с обнаружением окурков, реализованный в хорошо отрежиссированное массовое театральное действие - его «похорон».

Через два часа после команды «отбой», когда курсанты все заснули, роте объявили тревогу и скомандовали строиться.

Перед строем роты старшина объявил о проведении ночью театрализованного представления - совершения обряда погребения окурков, рассказал о его этапах и распределил четырём группам курсантов разведроты роли. Несмотря на комичность ситуации, он требовал максимальной серьёзности и в случае её не соблюдения, пообещал дополнительные санкции.

Первая группа – «копатели ям» (из третьего взвода - 33 курсанта) должна была выкопать на окраине части три рва параметра «2/2/2», по количеству найденных в палатке окурков.

Обязанности трёх других групп были распределены между первым и вторым взводами (67 курсантов): вторая группа – «несущие простыни с окурками» (18 курсантов); третья группа - самая многочисленная - «безутешные родственники», плачущие и причитающие (42 курсанта); четвёртая группа - «похоронный оркестр», подручными средствами издающий звук похожий на похоронный марш Шопена (7 курсантов).

Пока третий взвод активно рыл постоянно осыпающийся песочный грунт, умельцы из других взводов по приказу сержантов в течение полутора часов сколотили три деревянных креста, сплели из подрезанной с ограждений стальной колючей проволоки три ритуальных венка, обвязали отрезками чёрно-красно и белой материи. По ориентировке старшины, притащили откуда-то старый пробитый барабан и духовой горн, из ротной коптёрки принесли керосиновые лампы, свечи, простыни.

Ожидая завершения землекопательных работ, сержанты уточнили группам персональные задачи. Отрепетировав отдельные элементы и выстроив коробку 2-й и 3-й взвода стали ждать приказ к началу шествия.

Приблизительно в 1.00. траурное шествие начало ход. Впереди шёл церемониймейстер. В вытянутых вперёд руках место портрета покойного, как принято на похоронах, он нёс пустую пачку сигарет с открытой крышкой. За ним шли три пары курсантов с венками с надписью «скорбим», «от первого», «от второго» и «от третьего» взводов.

Далее шла группа, несущая тела трёх условных «покойников». На трёх белых простынях, растянутых на уровне плеч, уложили по спичному коробку с окурками. За несущими тела «покойников», шла группа из многочисленных родственников с зажжёнными свечами. Замыкал шествие оркестр, издающий шум и грохот неизвестного музыкального произведения.

Оббегая шествие на ходу и по кругу, глубоко вжившийся в роль автора сценария и режиссёра представления, старшина разведроты, требовал от «безутешных родственников» усилить эмоции и громкость плача и, призывая придать им больше натуральности, кричал в рупорный громкоговоритель: «Не слышу горя, не слышу драмы!» Заметив кого-либо улыбающегося или с трудом сдерживающего смех, подбегал и приставлял кулак к носу, угрожая наказать.

Спустя непродолжительное время траурное шествие приближалось к месту погребения, первый взвод, выстроившись по обе стороны трёх вырытых ям, ждал прибытия «тел».

Прежде чем, опустить простыни с окурками в ямы, старшина сказал последнюю речь:

«Сегодня мы провожаем в последний путь три окурка, не убранные в ходе уборки в палатке третьего взвода - Вечная память!» За ним все хором повторили: «Вечная память!» Закончив речь, он повернулся к строю и кивнул головой, давая сигнал окончательно попрощаться с «покойными».

После укладки простыней на дно ямы, затушили свечи и, пропустив вперёд «родственников» за ними, цепью мимо вырытых ям, бросая на простыни горсть песка, прошли другие группы. Затем, выдержав короткую паузу, старшина разведроты, словно дирижёр оркестра перед началом концерта, приподнял обе ладони, призывая к возобновлению волны плача.

В завершение церемонии погребения, группы дружно взяли лопаты и быстро забросали ямы. На могильных холмах установили кресты с датой захоронения, уложили венки, и рота направилась спать. Через три часа весь личный состав разведроты, как ни в чём не бывало, совершал утреннюю пробежку.

КОМАНДА 3/15

Солдатская столовая, представляющая собой ангар из металлического профиля с высокими двустворчатыми дверями, помимо того, что являлась пунктом приёма пищи, была также местом отработки специальной команды «3/15» (3 взвода/15 секунд).

Суть её состояла в следующем: услышав команду «3/15», курсанты разведроты прекращали приём пищи и за 15 секунд покидали столовую и занимали место в строю у входа.

Столы разведроты находились в глубине зала, на удалении от входа. Кроме разведчиков в столовой питались и другие подразделения.

Садясь за стол, часто не успев разложить пищу по тарелкам, не говоря уже, о том, чтоб поесть, старшина или сержанты громко командовали: «3/15». Услышав эту команду, 100 курсантов разведроты вскакивали из-за столов, перепрыгивая и даже наступая на столы, быстро бежали к выходу из столовой.

По обыкновению, в это время на выходе у дверей образовывалось большое скопление курсантов из других рот, и видя это старшина намеренно ускорял отчёт: «7, 6, 5, 4, 3...», и лишённые возможности поесть, доведённые до злости, курсанты разведроты на скорости вклинивались в толпу и усиливали давление на четырёхметровые массивные двери, вынося их вместе с косяком, как «пробку от бутылки шампанского».

Команда «3/15» нередко повторялась до трёх раз. Ремонт дверей и косяка столовой производился ежедневно.

Давка в дверях столовой травмировала и приводила к конфликтам, в том числе и между курсантами разведроты. Никто не хотел оказаться последним и навлечь на свой взвод коллективное наказание. Команда «3/15» выполнялась регулярно, на всём протяжении учебного периода.

В одном из неумышленных столкновений, во время выполнения «3/15» возник конфликт, приведший к примирению, перешедшему в крепкую дружбу с курсантом из первого взвода разведроты Германом Стрельцовым из Ленинграда.

УЧЕБНЫЕ ЗАСАДЫ

По согласованию с командованием полка, командир разведроты В.И. Ровба дал приказ командирам взводов на проведение учебных засадных действий за пределами части.

По плану командования, учебные засады преследовали две главные цели. Первая – это задержание военнослужащих, нарушивших дисциплину, самовольно покинувших часть в ночное время для похода в продмаг ближайшего кишлака за продуктами питания или спиртным. Вторая состояла в совершенствовании, в ходе их проведения, специальных профессиональных навыков разведчиков.

Засады проводились под контролем командиров взводов разведрот повзводно. Каждое из трёх его отделений взвода вело наблюдение и захват нарушителей на своём участке. Действия отделений взводов управлялись их командирами - сержантами.

Задача разведчиков, переодетых в камуфляжную форму, заключалась в скрытном выдвигении под покровом ночи на указанный рубеж,

находящийся недалеко, за пределами части. Там курсанты разведроты должны были рассредоточиться на местности и, не обнаруживая себя пропускать военнослужащих, идущих в направлении кишлака, и задерживать их только на пути обратного следования, когда они были уже загружены покупками, а в случае оказания ими сопротивления, применять силу.

Задержанных на засаде, несмотря на звание и занимаемую должность, со связанными руками передавали дежурному в штаб части и регистрировали в журнале происшествий. Спиртное, если оно присутствовало, оставлялось в штабе, продукты питания, как трофей, курсанты разведроты забирали себе.

Командир разведроты, хотя и не управлял действиями роты на засадах, эта роль отводилась командирам взводов, был подробно посвящён в итоги каждой проведённой засады, а по их завершению проводил разбор «полётов», указывая на ошибки и объявляя благодарность.

Участие в ночных засадах после дневных занятий по боевой подготовке под зноем солнца было делом азартным, чем-то вроде охоты: ведь на засаде появлялась возможность и добыть нормальную еду, которой не давали в столовой.

Часто действия курсантов разведроты были неоправданно рискованными, как например, при выносе из расположенной неподалёку арбузной бахчи десятков арбузов под носом у вооружённой охраны, потерявшей под утро бдительность, но начинавшей палить из охотничьего ружья, когда участники кражи себя обнаруживали.

Умение скрытно проникнуть вовнутрь палаток других подразделений, на продовольственный склад или в цеха полковой столовой в ночное время, вытащив необходимое и уход незамеченным, поощрялись командованием, а за провалы «операций» приходилось отвечать коллективно.

В случае внешних разбирательств, связанных с пропажами чего-либо в части, офицеры прр, знающие или предполагающие исполнителей, никогда их не сдавали.

КУРС УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

На начальном этапе службы на полигоне я познакомился с двумя штатными специалистами - «спецами» экипажа боевой разведывательно-дозорной машины (БРДМ) в составе разведроты: узбеками, механиком-водителем и оператором-наводчиком.

Не сталкиваясь в жизни за свои 18 лет с узбеками, я был удивлён сходству их речи с родным татарским. Причина близости речи объяснялась принадлежностью обоих к тюркской группе языков.

Не стесняясь ошибок в речи и в произношении, я начал активно разговаривать на узбекском языке. В разговоре, когда не знал, как сказать по-узбекски, я использовал татарские слова. В других случаях спрашивал перевод русских слов на узбекский язык или наоборот

День за днём, слушая диалог двух «спецов» или узбеков на стороне, - в столовой, в пункте разлива чая, - я старался установить закономерность в сходстве и в отличии слов межличностного бытового общения.

Сравнивал их речь с татарской, когда не понимал, просил повторить, уточнить и запоминать разницу. «Узбеки-спецы» разведроты были выходцами из разных областей Узбекистана - Кашкадарьинской и Бухарской.

Кашкадарьинец, будучи чем-то недоволен, ворчал и называл бухарца таджиком. Я спросил, почему он называет его таджиком. «В Бухаре – все говорят по-таджикски», - ответил мне Кашкадарьинец.

Пройдёт немного времени, продолжая контактировать с узбеками и таджиками, я смогу для себя многое открыть, например то, что в черте ряда крупных узбекских городов - Самарканде, Бухаре и ряде населённых пунктов Кашкадарьинской и Сурхандарьинской области Узбекистана проживает фарсоязычное население (говорящее на таджикском языке).

Постепенно я совершенствовал язык, наращивал словарный запас, расширял контакты, темы общения, изучал узбекский этикет, увеличивая круг и практику общения и в определённый момент полностью отказался от изъяснения с узбеками на русском, перейдя на их язык.

Вскоре кашкадарьинец и бухарец ввели меня в свой круг общения и помогли установить полезные связи со своими земляками несущим службу в различных подразделениях, в том числе в столовой, на складе, в пункте кипячения и разлива чая – «чайхане» и других.

Чайхана располагалась рядом со столовой, представляя собой саманную надстройку с навесом, в которую были вмонтированы шесть огромных казанов, нагреваемых газовыми горелками, излучающими невыносимый жар дополнительно к палящему зною.

Над бурлящими казанами нависали повара-узбеки, перемешивающие чай большими армейскими черпаками с чугунными ковшами, используя в качестве заварки верблюжьей колючкой, которым по готовности наполняли более тысячей фляжек.

Надо отметить, чай из верблюжьей колючки обладал массой полезных свойств, в особенности сильным противомикробным действием, нормализующим работу желудочно-кишечного тракта. Он утолял жажду, и был единственным напитком, разрешённым к потреблению командирами.

БАТАЛИИ с ТАНКИСТАМИ

Каждое утро после завтрака и обеда, перед убытием на полевые занятия, курсанты были обязаны наполнить индивидуальную фляжку мутно-жёлтым чаем из колючки.

Лишившись во время отработки команд «3/15» возможности поесть, курсанты разведроты озлоблялись. Выйдя из столовой и направившись к чайхане, чтобы наполнить фляжки чаем, их взгляду предстала непроходимая

толпа. Распустив строй, сержанты разведроты объявили время, отведённое на заправку чая, - 5 минут.

За отсутствие во фляжке чая, курсантов наказывали, что вновь мотивировало к решительным коллективным действиям: они вероломно разбивали очередь, расталкивали толпу и вставали первыми, пропуская к разливающему чай только своих.

Эти действия от частных потасовок однажды переросли в групповой конфликт, принявший массовый характер - в противостояние с разведротой вступили курсанты учебного танкового батальона, на 95% укомплектованного армянами. Побоище, по принципу «стенка на стенку», мобилизовало до 100 курсантов разведроты и свыше 150 танкистов.

Помимо кулаков, в ход шли все подручные средства – штакетники, кожаные ремни с наточенными бляхами, а также поварские черпаки, длиной с лопату и увесистыми, более трёх килограмм, чугунными ковшами, отнятые у поваров-узбеков, перемешивающих в казанах верблюжью колючку.

После десятиминутного массового побоища, прерванного криками «замполит полка», участники, кто мог, разбежались, оставив лежать на земле от пяти до десяти курсантов каждой из сторон, с признаками повреждений и несколько сломанных черенков с чугунными ковшами.

В определённый период коллективные стычки курсантов разведроты с танкистами происходили повсеместно – у столовой, у чайханы, у умывальников, у пункта наполнения котелков дезинфицирующей жидкостью.

В случае возникновения конфликта и явного перевеса сил в пользу противоборствующей, стороны звали подкрепление.

Можно констатировать, что за три месяца учебного курса на полигоне и в горном учебном центре не было дня, без драк и потасовок с участием курсантов разведроты.

Замполит полка (заместитель командира учебного полка по политической части) - майор Рашидов Анвар Ганиевич, ставший свидетелем противостояния у чайханы получив доклад о том, что конфликт принял устойчивый характер, назначил на плацу построение двух данных подразделений.

В период нашего учебного курса с мая по конец июля 1985 года, майор Рашидов Анвар Ганиевич был к тому времени уже ветераном Афганской войны (1979-1989). В ДРА он занимал должность секретаря партийной организации 154-го отряда специального назначения ГРУ и был кавалером двух орденов «Красной Звезды». Он сказал тогда фразу, которая запомнилась нам особо: «Завтра вам вмести идти в бой, а вы бьёте друг друга до полусмерти». После этих слов он заставил стороны примириться и пожать друг другу руки.

Анвар Ганиевич Рашидов вместе с офицерами и сержантами учебной разведроты в начале августа провожал нас «за речку», а затем повторно был

направлен в ДРА на должность начальника политотдела 66-й отдельной мотострелковой бригады в Джелалабаде провинции Нангархар.

Близился к завершению май 1985 года. После месячного курса молодого бойца и принятия Военной Присяги на полигоне в пустыне Термезского района в двух километрах от Советско-Афганской границы личный состав учебной разведроты был передислоцирован в «Горный Учебный Центр» (ГУЦ) в Шерабадском районе на 89 километров северо-западнее вглубь советской территории.

ШЕРАБАД

ГУЦ Шерабада находился в гористой местности. На вершинах холмов учебного центра были оборудованы стрельбище, душманский городок, палатки учебных разведывательной и горно-стрелковых рот.

Палатки разведывательной роты стояли особняком на окраине тыльной части военного городка. Рядом находился учебный душманский городок, построенный по подобию глинобитного афганского кишлака, с хижинами и узкими улочками для проведения занятий по тактико-специальной подготовке разведчиков. К солдатской столовой, киноклубу под открытым небом, расположенным в низине, с окружающих холмов вёл крутой спуск.

В Шерабадском ГУЦ курсантам разведроты за два месяца предстояло пройти горную, тактико-специальную и огневую подготовку, а также отработать технику передвижений (восхождений и спусков) в горах, с полной выкладкой и дополнительным грузом по самоговорящей команде: «Сопка наша, сопка ваша».

Физические нагрузки в ГУЦ Шерабада и на полигоне Термеза были значительные, поэтому курсантам в период подготовки дважды выдавали особые таблетки, стабилизирующие работу сердца.

Проснувшийся в ночи от сводящей судороги ног вследствие нагрузок, крайне о том сожалел: резкий запах, скопившийся от непроизвольного выброса газов спящих сослуживцев и теплового испарения потной влаги от высыхающих портянок в нагретой за день палатке, был непереносим.

В боевой подготовке курсантов разведроты главную роль старший лейтенант (ст. л-нт) Ровба В.И. отводил «огневой» - совершенству владения различным оружием.

Во время многочасовых занятий он рассказывал о назначении, боевых свойствах и материальной части оружия, о приёмах и правилах стрельбы и метании ручных гранат, сбережении и уходе за оружием; обучал способам разведки целей, определению дальности до них и способам управления огнём.

Приводил много примеров из личного опыта участия в боевых действиях, способствовал выработке у курсантов разведроты практических навыков результативного применения штатного стрелкового оружия, гранатомётов, переносных противотанковых комплексов, вооружения боевых машин, максимального использования их боевых возможностей.

В ходе дневных и ночных стрельб ст. л-нт Ровба В.И. постоянно присутствовал на стрельбище, много времени уделяя практическому обучению курсантов меткой стрельбе из любого положения: лёжа, с колена, на ходу, с короткой остановки, снайперски, а также по движущимся целям.

В перерывах между стрельбами, передавая опыт психологической устойчивости, экономности времени и боеприпасов, ст. л-нт Ровба В.И. наставлял: «Высадились в горах, увидели бегущего между валунами «духа» в эйфории не палите очередями, переведите стрельбу на одиночный режим и продолжайте вести цель на мушке. Определив укрытие, из-за которого он должен выскочить, прицельтесь и ждите – он предстанет и вы непременно его настигните».

За три месяца огневой подготовки под командованием ст. л-нта Ровбы В.И. курсанты разведроты овладели навыками ведения огня из различных видов вооружения: крупнокалиберных пулемётов, гранатомётов, миномётов и метания ручных гранат.

Большое значение в подготовке курсантов разведроты имела тактико-специальная подготовка (ТСП). Для создания условий максимально приближенных к боевым, в ГУЦ был построен «душманский городок», идентичный афганскому кишлаку. Он представлял собой восточный квартал, состоящий из разных по форме и площади глинобитных строений с проходами, и был огорожен длинным забором по периметру.

На занятиях по ТСП разведгруппы отрабатывали действия: по налёту и его отражению, организации засад, по прочёсыванию кишлака, снятию часового и взятию «языка».

Контроль над подготовкой разведчиков осуществлял разведывательный отдел ТуркВО. Прибывшим на заключительном этапе подготовки из Ташкента в Шерабад с итоговой проверкой офицерам из разведотдела штаба ТуркВО, в «душманском городке» демонстрировались тактико-специальная подготовка курсантов разведроты и показательные выступления по рукопашному бою.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Термезский, Шерабадский, Байсунский районы Сурхандарьинской области Узбекской ССР, вплоть до 1940-х годов были территорией, где орудовали остатки басмаческих отрядов курбаши (командир басмаческого отряда) Хуррамбека, входящие в формирование предводителя Ибрагим-бека (1889-1931), разбитых частями Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Сам же Ибрагим-бек был пленён в верховье правого берега реки Кафирниган в 80-ти километрах севернее ГУЦ - в соседнем Байсунском районе.

В период борьбы с басмачеством с 1919 по 1930-е годы и позже, многие курбаши Сурхандарьи, Ферганы, Бухары, Хорезма и местная знать встраивались в советскую номенклатуру, назначались на руководящие посты в ревкомах, территориальных органах государственной власти и местного

самоуправления, торговых объединений молодой Узбекской ССР, образованной в 1924 году.

Будучи посвящёнными в планы военных операций РККА против басмачей, они передавали секретные сведения «курбаши» и тайно снабжали их оружием, боеприпасами и провиантом.

Также имели место случаи перехода отрядов РККА, сформированных из местного населения на сторону басмачей, к примеру, за собой увёл формирование в 250 сабель председатель ЧК Муэтдин Максум-Ходжаев; во главе 50 всадников к басмачам в Афганистан, бежал и военный комиссар Шерабада - бывший офицер турецкой армии Хасан-эфенди.

Большинство из сдавшихся Советской власти басмачей, не желая сдавать личное оружие и пулемёты, прятали, оставляя его себе.

Во многом структура шерабадского общества сохранила ранние социально-иерархические черты дореволюционного периода и в советский период. Например, статусной персоной кишлака Майдан Шерабадского района, расположенного в 3-х километрах от ГУЦ, был заведующий единственного в кишлаке маленького продовольственного магазина.

Рабочий день его был не нормирован, и в случае закрытости магазина, его можно было отыскать на айване (террасе), выходящем в большой сад, большего по размеру в Майдане, дома. Ночные визиты к нему домой, чтобы затем вместе проследовать в магазин, были в порядке вещей. Несмотря на время суток визита, он не раздражался, был лёгок на подъём и предельно корректен.

ГУЦ был на много километров удалён от цивилизации. Единственным местом, где неподалёку теплилась гражданская жизнь, был кишлак Майдан. Небольшой, вытянутой формы, он был стиснут горами и заключён в объятия небольшого пруда - «куля», скрывавшего под высокими зарослями густо растущего камыша немислимое количество рыбы, которую никто не ловил. Традиционно занятые скотоводством, выращиванием бахчевых культур - арбузов, дынь и фруктов: персиков, абрикосов, винограда и базарной торговлей жители Майдана в пищу рыбу не потребляли и промыслом её не занимались.

Строгая дисциплина, плотный распорядок занятий, потеря калорий и отсутствие нормального питания, наталкивали на мысль целесообразности установления деловых контактов с местным населением кишлака Майдан.

Удобного случая ждать долго не пришлось. Продолжая практиковать узбекский язык в разговоре с местным жителем, водителем ЗИЛ-водовозки, я узнал, что одно неновое солдатское одеяло заведующий продмагом Майдана менял на два рюкзака урюка.

Но доставка одеял до магазина и урюка до расположения части не входили в его обязанности. В конце диалога водитель водовозки подробно сориентировал меня о месторасположении в кишлаке магазина и дома продавца, а также сообщил его имя.

Вечером того же дня, зная, что один из курсантов нашей роты приходится прапорщику вещевого склада земляком – они были из одной станицы, я предложил ему с ним переговорить и предоставить мне двенадцать списанных, наиболее приличных по состоянию, солдатских одеял. Взамен я обязался следующим утром передать ему шесть рюкзаков спелого урюка. Договорившись, мы ударили по рукам.

К полуночи у меня на руках было двенадцать аккуратно свёрнутых в рулоны и плотно уложенных в четыре рюкзака солдатских одеял. Связав их по два, я повесил рюкзаки на оба плеча и спешно двинулся в путь.

К расположенному в 3-х километрах от ГУЦ, кишлаку, вели два пути: первый был более комфортный, но с высокой вероятностью встреч с офицерами части. Он пролегал по асфальтовой дороге от контрольно-пропускного пункта ГУЦ.

Второй путь был длиннее и сложнее, встреч с кем-либо, кроме шакалов не предвещал и простирался по дну петляющего ущелья, от тыльной окраины части, где располагался «душманский городок» к самому центру Майдана.

Путь в чёрной ночи мне освещала луна и россыпь звёзд. Спустя сорок минут пути горы стали расступаться, расширив пространство ущелья, вывели меня к ближайшему, к его входу, жилищу кишлака Майдана.

Затрудняясь установить в непроглядной темени направление к магазину или дому заведующего, я постучался в калитку одного из домов.

Скрип открывающейся внутренней двери возвестил об удачном выборе дома - к воротам вышел смуглый сухощавый мужчина. Он окинул меня взглядом и, увидев на плечах рюкзаки, спросил: «Магазин?»

Я согласительно кивнул. Мужчина что-то сказав домашним, вышел, и мы молча побрели по холмистой местности междомового пространства кишлака Майдан со спусками и подъёмами.

Через сто шагов мы подошли к высоким воротам добротного дома. Сильным стуком в ворота проводник разбудил хозяина дома, заведующего магазином. Когда тот вышел, проводник сообщил, что я по его душу. Я начал разговор на узбекском, представился, назвал своё имя и объяснил причину позднего визита.

Заведующий, взяв ключи и зайдя на пути в один из домов, чтобы забрать племянника, молодого парня, сразу облегчившего мне груз снятием двух рюкзаков, направились в магазин.

Через пять минут пути мы подошли к маленькому кирпичному строению с вывеской «Магазин», дверь которого была заперта кованной железной перекладиной с висящим амбарным замком.

Открыв магазин, продавец включил свет, и мы начали разговор. Я достал из рюкзаков все одеяла. Одно за другим, в поисках дефектов, продавец расправлял и тщательно осматривал, в итоге два из десяти, всё же забраковал.

К расчёту было предложено двадцать рюкзаков урюка, с чем я не стал спорить, поскольку главной задачей для меня было закрепить деловые отношения. Не прошедшие контроль качества одеяла, я отдал проводнику в знак благодарности за сопровождение, чему он очень обрадовался.

В завершение обсуждения условий сделки, заведующий дал поручение племяннику наполнить рюкзаки урюком, и тот удалился.

Заведующий остался рад знакомству, моей сговорчивости, общению на узбекском языке, и, договорившись увеличить объём сотрудничества, мы попрощались.

За полчаса, пока мы разговаривали, племянник загрузил двадцать мешков спелого сочного урюка на пять серых ишаков. Связав ишаков, друг за другом верёвкой и взяв за узду ведущего, он выдвинулся проводить меня по тому же пути назад.

Ночь шла к окончанию, в часть нужно было вернуться до рассвета. Когда я добрался до палатки, все ещё спали, я разбудил товарища, с которым у меня был договор, мы затащили мешки в палатку, я отдал ему положенное, а остальные 14 мешков утром распределил по 3-м взводам.

Шло время, взаимодействие с заведующим магазином закрепилось. Всякий раз, посещая Майдан «по делам», я навещал и проводника, с которым в дальнейшем у меня завязались тёплые человеческие отношения.

Ему импонировало, что я татарин-мусульманин, хорошо говорю на узбекском языке, учусь в Москве и достаточно предприимчивый. Узнав от меня, что в ГУЦ из Татарстана приедет меня навестить мой Отец, он настаивал, чтобы он непременно остановился у него в доме.

К приезду в середине июля отца, на удачу, «за успехи в боевой и политической подготовке», командир разведроты ст. л-нт В.И Ровба. объявил мне трое суток увольнительных.

Сутки были неполноценные: утром после развода и до вечерней поверки я проводил время с отцом в кишлаке Майдан, а на ночь возвращался в расположение ГУЦ.

Отец, как на том настаивал проводник, разместился в его доме, и чтобы не оставлять хозяина в накладе, хорошо платил ему за проживание и питание, вопреки не желанию брать с него плату.

Все три дня, пока мы с Отцом гостили в доме проводника, по хозяйству хлопотала и подавала еду к столу дочь хозяина дома, юная девочка лет тринадцати.

Расположившись на айване, мы отдыхали в тени сада, угощались виноградом, гроздь которого свисали сверху, ходили рыбачить на куль, вытаскивая бесчисленное множество карасей, которые казалось, готовы были клевать, даже на пустой крючок. Разговаривая о жизни, Отец тогда спросил меня, не желаю ли остаться служить в Союзе и не лететь «за речку», на что тут же последовал мой отрицательный ответ.

Продолжая тему нашего общения, отец рассказал, что накануне поздно вечером, когда я убыл на ночлег в расположение роты, за беседой с

проводником за чаем, тот сообщил, что у него есть возможность удержать меня от отправки в Афганистан и как бы между прочим, предложил рассмотреть вариант женитьбы - меня на его дочери, которой едва исполнилось тринадцать лет. Проводник был хорошим отцом и искал лучшей судьбы своей дочери, но у меня впереди были другие планы.

К концу июля 1985 года курс учебной части подходил к завершению. За неделю до возвращения из ГУЦ Шерабада на Термезский полигон всем курсантам была сделана обязательная комплексная вакцинация от инфекционных заболеваний - гепатита В и Е, тифа, дифтерии и малярии.

После трёх месяцев непрерывных физических нагрузок и недоедания, личному составу были даны три дня свободного режима - формальные подьёмы и отбои, никаких построений. Кормить стали значительно лучше, на столах появились: компот, макароны и один раз даже тушёнка и сгущёнка.

Командир учебной разведроты ст. л-нт В.И. Ровба накануне формирования списков для отправки в Афганистан перед строем спросил: «Кто желает остаться в Союзе, выйти из строя».

Но таких не оказалось. Каждый из курсантов ждал от Афганистана избавления от упорных занятий учебного курса и муштры, возможности вдохнуть свободы, пусть даже в условиях войны.

С первого августа началась переброска курсантов в Афганистан. Перед загрузкой в КамАЗы у моста через Амударью курсантов разведроты построили. Командир роты В.И. Ровба и другие офицеры обошли весь строй, жали руки и, обнимая каждого курсанта, давали наставления и добрые напутствия.

В строю стояло сто крепких восемнадцатилетних парней, из разных уголков нашей Родины, завершивших курс подготовки и освоивших навыки, чтобы стать настоящими войсковыми разведчиками.

В памяти остались горный учебный центр Шерабада, полигон в приграничной с ДРА пустыне Сурхандарьи, непрерывные дальние марш-броски на выживание; дневные и ночные стрельбы; тактические занятия: в горах, кишлаках, виноградниках, учебные засады, взятие «языка», санитарная подготовка, преодоление тропы разведчика. Пройденный за три месяца путь сделал из курсантов разведроты настоящих воинов-разведчиков, способных решать сложные боевые задачи.

АФГАНИСТАН

И вот он – Афганистан. Погруженные на КамАЗы, войсковые разведчики пересекли знаменитый мост через Амударью и прибыли на взлётную площадку приграничного с СССР афганского города Хайратон.

Оттуда, через несколько часов, бортами Ми-8 молодые разведчики были переброшены на аэродром Кундуза в северо-восточной части Афганистана.

На пересыльном пункте рядом с взлётной полосой, офицеры из разведотдела 201-й мотострелковой дивизии провели перекличку прибывших солдат и отобрали по алфавитному списку в разведывательные подразделения соединения – в 783-й отдельный разведывательный батальон и 149-й мотострелковый полк.

Другая часть осталась ждать переброски на вертолётах в Пули-Хумри (провинция Баглан) и Ташкурган (провинция Саманган), в разведподразделения 395-го и 122-го мотострелковых полков.

Вместе с Виктором Провоторовым и Алексеем Бабиновым я был распределён в разведывательную роту 149-го гвардейского мотострелкового полка в провинции Кундуз.

В разведывательные взвода батальонов нашего полка также попали курсанты из нашей учебной разведроты: Сергей Сидоренко, Талгат Рахманкулов, Сергей Коняев, Нурлан Исмагамбетов, Толеутай Алипов, Виталий Ильин, Роман Батыров.

Александр Зюзин, Жаркын Бейсенов, Юрий Кузнецов, Юрий Левин, Андрис Ариньш, Игорь Гаврилюк, Александр Кряжев, Сергей Крохалёв, Дмитрий Зеленков, Александр Браславский, Игорь Бобылёв, Николай Лысяков, Сергей Герасемь, Геннадий Амелин, Вячеслав Девятайкин и многие другие продолжили службу в 783-м отдельном разведывательном батальоне в провинции Кундуз.

Николай Немнонов, Сергей Никитин и другие оказались в разведроте 122-го мотострелкового полка в провинции Саманган.

А Юра Симонов, Александр Снежко, Григорий Слюсарь, Сергей Снегирёв и Герман Стрельцов, с которым мы очень подружились за время учебки, определили в разведывательную роту 395-го мотострелкового полка в Пули-Хумри в Келагайскую долину на юге провинции Баглан.

В условиях гор и пустынь, выполняя поставленные задачи, преодолевая себя, теряя боевых товарищей, вчерашние курсанты учебной разведроты, с честью выполняли свой воинский долг, с гордостью несли имя войскового разведчика.

149-й гвардейский мотострелковый полк, куда я попал служить, был постоянно задействован в разных по масштабу войсковых операциях, как в своей зоне ответственности, так и в других провинциях на всей территории Афганистана, осуществлял засады и рейды, реализации разведывательных данных, блокировал опасные участки трасс и прочёсывал населённые пункты, сопровождал транспортные колонны.

ЧАСТЬ II.

АФГАНИСТАН: Между прошлым и настоящим

Чтобы найти ответы на многие вопросы об Афганской войне (1979-1989), важно проникнуться сутью исторических событий, произошедших в данном регионе за последние двести с лишним лет.

Речь будет идти о северо-восточной части нынешнего Афганистана.

В период с 1800–1859 годы, здесь располагалось Кундузское ханство (эмират) – узбекское государство, которое к периоду своего заката распалось на несколько регионов со своими правителями - эмирами. Кундузское ханство поддерживалось Бухарским и Кокандским эмирами.

Желая подчинить Северный Афганистан, он же Афганский Туркестан, правящий в Кабуле Эмир Дост-Мухаммед-хан (находился на престоле с перерывами 1826-1863) из пуштунского племени баракзай, в 1849 году направил в регион свои войска под командованием своего третьего, постаршинству, сына, сардара (принца) Мухаммеда Акрам-хана.

Эмиры - Балха, Шибергана, Андхоя, Ташкургона и других областей, оказали афганцам сопротивление и были разбиты у кишлака Сейкан. По итогам блицкрига, М. Акрам-хан собрал в Балхе всех лояльных эмиров, согласных проявить покорность и сохранил им власть.

Спустя год в регионе вспыхнуло новое восстание, на подавление которого Эмир Д. Мухаммед-хан направил отряд своего сына сардара Гуляма Хайдар-хана и местные эмиры вынуждены были, вновь – на время, усмириться.

Однако с убитием в Кабул отряда Г. Хайдар-хана, эмиры Каттагана, подстрекаемые Сари-пульским эмиром - Махмуд-ханом, снова восстали, отказавшись платить Афганскому Эмиру оброк - «харадж» и другие виды налогов.

Тогда из Балха против каттаганцев выступил отряд сардара Мухаммеда Акрам-хана, но, добравшись до Ташкургона, сам он тяжело заболел и умер. Тогда на его место Эмир Д. Мухаммед-хан направил своего старшего сына, сардара Мухаммеда Афзаль-хана (отца будущего эмира, Абдуррахман-хана), который жестоко подавил мятеж.

Против сари-пульского эмира Махмуд-хана, оказавшего влияние на племя Каттаган, на сторону Эмира перешли эмиры: Шибергана - Хаким-хан и Андхоя - Газанфар-хан. Частым приёмом в истории афганского государства, при выходе из политического кризиса и погашения локальных конфликтов была покупка лояльности местного уровня правителей.

Пленённый впоследствии эмир Махмуд-хан был жестоко казнён.

В проводимой Эмиром Д. Мухаммед-ханом политике завоевания Афганского Туркестана власть эмирам временно сохранялась, но отъём её был делом ближайшего будущего.

Так временно власть была сохранена местным эмирам: Ишан-Урак в Балхе; Ишан-Судуру в Акчи; Хаким-хану в Шибергане; Баба-беку в Айбаке; Газанфа-хану в Андхое; Ганджи Али-беку в Ташкургане; Шах Мурад-беку в Каттагане.

В 1852 году к сардару Мухаммед Афзаль-хану, из Кабула в Балх, прибыл его девятилетний сын Абдур-Рахман-хан, который уже в тринадцать лет станет правителем Ташкургона, а в будущем, с 1880 года, Эмиром всего Афганистана.

В 1853 году М. Афзаль-хан, перенёс свою резиденцию наместника из Балха к населённому пункту Тахта-пуль, поблизости к Мавзолею Хазрата Али – месту предполагаемого погребения двоюродного брата и зятя пророка Мохаммеда и построенной в XV веке - Голубой мечети, расположенных в 13 километрах от Балха. А через три года на этом месте вырос город Мазари-Шариф.

В дальнейшем М. Афзаль-хан, продолжая оставаться наместником в Мазари-Шариф, в 1857 году для повышения лояльности каттаганцев к власти своего отца - Эмира Д. Мухаммед-хана, направил к эмиру Каттагана, Султану Мурад-хану, требования, используя свой титул «аталыка», читать в мечетях его владений «хутбу» (пятничное полуденное богослужение с хвалебной проповедью), прославляя Эмира и слать ему ценные подарки.

На требования сардара Мухаммед Афзаль-хана, С. Мурад-хан, направил к нему своего брата с ценными подарками и засвидетельствовал особое уважение.

Однако приняв приношения, М. Афзаль-хан настойчиво рекомендовал повлиять на своего брата С. Мурад-хана, чтобы тот выполнил представленные ему требования - все, без исключения.

Пересказ диалога с М. Афзаль-ханом привёл С. Мурад-хана в ярость. За причинённое, передачей разговора, оскорбление, он приказал наказать родственника, который сбежав, через посыльного, обратился за защитой к М. Афзаль-хану.

В погоне за беглым родственником всадники С. Мурад-хана опередили отряд М. Афзаль-хана и первыми настигли родственника мира, уничтожив его. Не сумев пресечь расправу, отряд М. Афзаль-хана, догнал каттаганцев и наголо разбил их.

Данный инцидент стал причиной нового витка борьбы Каттагана с силами Эмира Д. Мухаммед-хана, отдавшего приказ М. Афзаль-хану объединить усилия с Мухаммедом Азам-ханом, другим своим сыном, губернатором Карама и Хоста, для смещения мятежного каттаганского эмира.

Весной 1858 года объединённые силы М. Азам-хана и его племянника, ташкурганского правителя Абдур-Рахман-хана, нанесли С. Мурад-хану ряд поражений и заняли ряд стратегических пунктов - Баглан, Гори и другие.

С. Мурад-хан бежал за Амударью к своему родственнику Кулябскому эмиру Сары-Бек-хану. Тот выделил С. Мурад-хану 10 тысяч всадников, которых объединил со своими 2-мя тысячами и, заручившись поддержкой правителей Андараба, Хоста и ряда районов Бадахшана, вошёл в Афганский Туркестан, начав военные действия против сил Эмира Д. Мухаммед-хана.

Помимо Каттагана, восстание распространилось и на Бадахшан. Эмир Д. Мухаммед-хан для его подавления мобилизовал все силы, жестоко расправившись над побежденными.

Так под властью эмира Д. Мухаммед-хана, оказалась вся территория Каттагана и Бадахшана, а также других провинций севера Афганистана.

БАСМАЧЕСТВО

В период с 1918 до 1940-е годы на северо-востоке и севере Эмирата Афганистан в провинциях: Кундуз (уездах: Ханабад, Алиабад) и Тахар (уездах: Талукан, Ишкамыш), Баглан (уездах: Бану, Нахрин, Андараб), Балх (Мазари-Шариф, Мармоль) были развернуты тыловые базы басмаческих формирований под руководством курбаши (крупных полевых командиров):

Ибрагим-бека, его ближайших сподвижников, курбаши: Ишана-Пахлавана, Домулло-Донахана, Тангри Берды Датхо, а также:

Махмуд-бека, Утан-бека, Хурам-бека, Арзыкул-бека, Фузайл Магсум, Абдугаорара, Давлиятман-бия, Ишан-Султана, Шукур-бека, Джаббар-Ходжы, Мулло Абдулло Каххар, Алла-Назара, Насырхан-Тюре Камал-хан Тюреева, Давлия Сардара, Куганбека, Мулло Холдора, Мулло Джура Дахана, Шер Мухаммад-бека (Курширмата), Абдул Ахад Кары, Сейид-Мубашир-Хана Тирази, Анвара и Селима Паши, Джафар-хана, Клыч и Паши - Сардара, Нурмамада (Нур Мухаммед), Камчи-бека, Ишана Халифы, Халифы Кызыл Аяка, Саида Ахмед-бека, Дурды Мурта и Джунаид-хана - вместе с их семьями.

Многие из перечисленных курбаши после свершения Великой Октябрьской революции не приняли Советскую власть и вступили в вооружённую борьбу. Будучи вытеснены на афганскую территорию в 1920-1930-е годы, а отдельные из них, даже в начале 1940-х годов, они совершали регулярные вылазки на советскую территорию, расположив свои тыловые базы в северных и северо-восточных районах Афганистана.

Наладив агентурную сеть, они обеспечивали сведениями о текущей внутренней политической обстановке в Советских Среднеазиатских республиках иностранные разведки (английскую, немецкую, японскую), получая взамен финансовую и военную помощь.

К примеру, на северо-западе Афганистана, западнее Герата расселился отряд басмачей с семьями и хозяйствами, туркменского курбаши Джунаид-хана. Другими центрами туркменской басмаческой эмиграции на севере страны стали населенные пункты в провинции Бадгис, Фарьяб, Джаузджан; в провинции Балх – населённые пункты Мазари-Шариф, Меймене, Дарзаб, Карамкуль, Алты-Булак, Даулетобад, Андхой, Шиберган, Курган; в северо-восточных провинциях: Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, Саманган - разместились таджикские, узбекские, киргизские и казахские мигранты.

До 1963 года территория северо-восточной части Афганистана была представлена крупной провинцией «Катаган и Бадахшан», объединявшей в себе «Каттаган (куда входили Кундуз, Баглан, Тахар) и Бадахшан», с административным центром в городе Баглан.

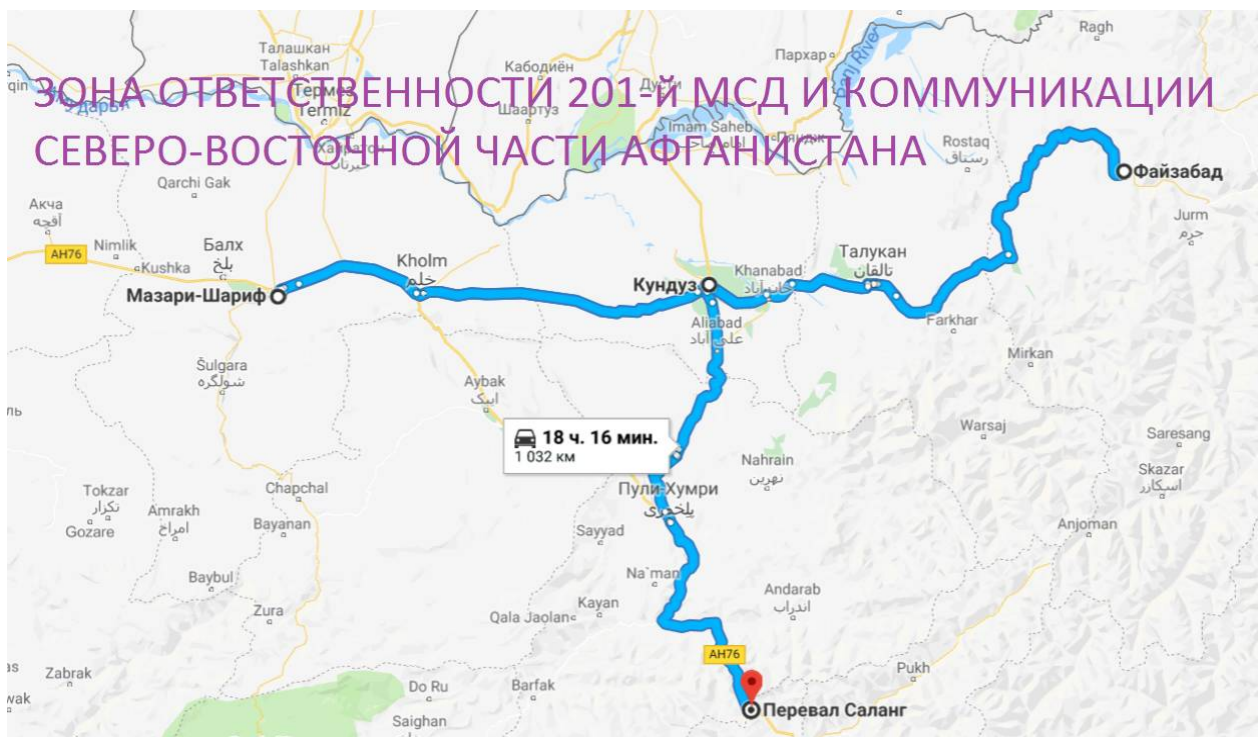
ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОК ДРА

Наша военная служба проходила в 201-й мотострелковой дивизии 40-й Армии в северо-восточной части Республики Афганистан. Зона ответственности охватывала провинции Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, Саманган и Балх, были также войсковые операции в удалённые от ППД (пункта постоянной дислокации) провинции ДРА.

Северо-восточная часть Афганистана является переходным рубежом из Центральной в Южную Азию и по причине своего стратегического географического расположения - близости к трём государственным границам – Пакистану, Китаю и СССР, в период с 1979 по 1989 годы оказалась в зоне активных боевых действий.

В отличие от других провинций, население Кундуза состояло приблизительно из одинаковых пропорций, проживающих в ней коренных народов: пуштун, таджиков, узбеков, туркмен, хазарейцев и этнических арабов.

Поэтому с началом Афганской войны (1979-1989), скомплектованные по этническому (пуштуны и таджики, а также другие) и конфессиональному (сунниты и шииты) принципу, конкурировали друг с другом, образовав отдельные исламские партии афганских моджахедов. Наиболее крупными, делившие в северо-восточном регионе пальму первенства были – Исламская партия Афганистана «ИПА» и Исламское общество Афганистана «ИОА».

Полевые командиры СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ и СЕВЕРНОЙ ЗОНЫ ДРА 1979-1989

В северо-восточных провинциях Кундуз, Тахар, Баглан, Бадахшан и северных Балх и Саманган в период 1979-1989 действовали полевые командиры двух крупных исламских партий ИПА и ИОА.

– В провинции Кундуз, в уездах: Кундуз, Чахардара, Алиабад, Мадраса, действовали отряды ИПА полевых командиров: *Холмурод, Тимуршах, Доктор Шамс, Суфи Паянд, Мулло Усман, Самиулло*; ИОА, представляли командиры: *Арифхан, Рахматулло, Бисмулло, Арбоб Хайдар, Джабар*;

– В провинции Тахар, в уездах: Ишакмыш, Талукан, Банги, Ходжагар, отряды ИОА, находились под управлением полевых командиров: *Мохаммад Кабир Марзбон (Кази Кабир), Мохаммад Вадуд, Кази Исламуддин, Саид Икромуддин*; отрядами же – ИПА, руководили: *Ишони Мирзо, Инженер Умархон*;

– В провинции Бадахшан, уездах: Кишим, Бахарак, Файзабад, Ишкашим, формированиями ИОА, командовали: *Вазир Хистаки, Алиджан, Максуд, Ариенпур, Ашур Пахлаван, Абдул Вахоб, Самад, Наджмуддин, Гулом Хасан, Абдул Кадыр, Самиулло*; а отрядами - ИПА: *Абдул Халид Басир, Хиродманд, Бахадур*;

– В провинции Баглан, уездах: Баглан, Баглани Джадид, Тала Ва Барфак, Хинджан, Бурка, Андараб, Хост-О-Ференг, контроль в отрядах ИПА принадлежал командирам: *Гаяр, Мохаммад Башир (Башир Баглани), Мамад Куль, доктор Исмаил-хан, Нурджон, Саид Мансур (Саид Мансур-Надири)*; в отрядах ИОА, командирам: *Шейх Давлат, Наср, Абдулхай*;

– В провинция Саманган, отрядами командовали: ИОА - *Мохаммад Заур, Икром*, а в провинции Балх от ИОА: *Мохаммад Забиулло, Мохаммад Атта Нур*.

Для понимания сложившейся в 1980-е годы военно-политической обстановки, установим социальные и исторические причинно-следственные связи, погрузившись в процессы, происходившие в регионе в 20-м веке.

После смерти эмира Абдур-Рахмана в 1901 году, на монарший престол в Кабуле, по праву первородства взошёл его старший сын Хабибулла-хан (1872-1919).

Стараясь сгладить противоречия и ревность младшего брата Насруллы-хана (1874-1920), Хабибулла-хан назначил его главнокомандующим афганской армией, а позже сделал наследником престола, вместо своего собственного сына Амануллы-хана (1882 - 1960).

В феврале 1919 года Хабибулла-хан в сопровождении своего младшего брата Насруллы-хана, старшего сына Инаятуллы-хана (1888-1946) и главнокомандующего афганской армией Мухаммеда Надир-Шаха поехал на охоту в провинцию Лагман.

Вечером 20 февраля 1919 года Хабибулла-хан был найден в своём шатре убитым. Существует веское предположение, что смерть Эмира стала следствием высказанного им 2 февраля требования к Англии предоставить стране полную независимость.

После этого драматического события все присутствующие направились в Джелалабад. Там 21 февраля 1919 года с одобрения старшего сына покойного эмира Инаятуллы-хана, Насрулла-хан объявил себя новым эмиром.

Получив весть о престолонаследовании дяди, Аманулла-хан немедленно захватил эмирскую казну, установил контроль над Кабульским правительством, арестовав верных Насрулле-хану, людей. Власть в руках Насруллы-хана была в течение недели с 21-28 февраля 1919 года.

28 февраля 1919 года Аманулла-хан объявил себя Эмиром Афганистана, а 3 марта 1919 года был арестован и сам, Насрулла-хан.

Вердиктом Эмирского суда 13 апреля 1919 года Насрулла-хан был обвинён в убийстве эмира Хабибуллы-хана и приговорён к пожизненному заключению.

Но спустя год пребывания в заточении, Насрулла-хан был убит.

Аманулла-хан (1892-1960) стал продолжателем династии Баракзай племени Мохаммадзай (*племенного союза Дуррани (Абдали)*), который объявил о полной независимости Афганистана.

Это привело к третьей «англо-афганской войне» (май - август 1919 года) и подписанию «Договора о признании независимости Афганистана». Сразу после этих событий Советское правительство выразило готовность к установлению дипломатических отношений Москвы и Кабула.

А уже в конце мая 1919 года, в начале «третьей англо-афганской войны», РСФСР и Афганистан, обменялись посланиями, означающими взаимное фактическое признание государств и полную независимость и суверенитет Афганистана.

В 1919 году Аманулла-хан установил с РСФСР дипломатические отношения. В 1921 году был заключён первый советско-афганский договор «О дружбе», а в 1926 году заключён договор между СССР и Афганистаном «О нейтралитете и взаимном ненападении». В разрез английским интересам между государствами установились тесные дипломатические связи.

В феврале 1921 года был подписан исторический договор «о дружбе». Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1927 года Афганистану была оказана военная помощь: 12 аэропланов Р-1, 2 зенитные батареи (8 орудий) и фонды лётной школы.

В апреле 1923 года Аманулла-хан подписал новую конституцию и провёл социально-экономические реформы, разрешалась свободная купля-продажа земли, замена натуральных налогов на денежные.

Были внесены изменения в традиционный уклад общества: запрещено многожёнство, браки с несовершеннолетними, отменено обязательное ношение женщинами чадры.

Эти нововведения привели к конфликту с клерикальным духовенством и в середине января 1929 года Аманулла-хан был свергнут Хабибуллой Бачай-и Сакао.

ХАБИБУЛЛА КАЛАКАНИ (Бачай-и Сакао)

Сын водоноса (в переводе с дари *Бачай-и Сакао*) Рашида, (1890/1891-1929), таджик по национальности, Хабибулла Калакани родился в кишлаке Калакан севернее Кабула.

За непокорность и упрямство был выдворен из медресе и работал садовником у кабульского чиновника, так и оставшись безграмотным.

Отслужив по призыву в Афганской армии два года, Хабибулла Калакани, по некоторым данным, какое-то время воевал в одном басмаческих отрядов, укомплектованном добровольцами из Панджшера под общим командованием Энвер-паши (турецкого офицера и лидера басмачества). По тем же данным, участвовал в восстании против Советской власти в Восточной Бухаре (Душанбе) в начале 1922 года.

По возвращению домой в 1924 году Х. Калакани вновь призвали в армию, теперь уже на резервную службу и для участия в подавлении мятежа в Южной провинции. За проявленную смелость он был награждён орденом «Хезмат» (за службу). Далее в судьбе Х. Калакани произошёл случай, изменивший всю его дальнейшую жизнь. В ходе военной службы, Х. Калакани был обвинён в попытке незаконно завладеть вознаграждением объявленным правительством за ликвидацию находящегося в розыске опасного преступника, которого сам он, якобы не совершал.

Начальник штаба безопасности Кабула (котвали), отдавший приказ к заключению Х. Калакани под стражу, утверждал, что бандит был уничтожен руками его подчинённых. Вскоре Х. Калакани удалось бежать из тюрьмы, захватив с собой оружие. Он был признан дезертиром и стал скрываться.

К 1928 году недовольство правлением короля Аманулла-хана распространилось на ряд провинций страны, в особенности на Кабул.

Привезённый из европейского турне целый комплекс социальных и культурных заготовок, в частности переход на ношение европейской одежды, а также появившиеся в публичном доступе фотографии королевы Сорайи Тарзи без чадры и в европейском платье, афганским обществом были встречены негативно, и пуштунские племена выступили за изгнание правящей королевской семьи из Афганистана.

Так, в провинции Лагман вспыхнуло народное восстание пуштунов и таджиков. Прорвал час Х. Калакани. Сумев реализовать свои ораторские и организаторские способности, он возглавил поход восставших на Кабул с севера. Большая часть восставших стала стягиваться к Кабулу и с юга.

14 января 1929 года Аманулла-хан, опасаясь за свою жизнь уступил престол своему старшему брату Инаятулле-хану, а сам бежал на юг, в место традиционного проживания своего рода Баракзай - в Кандагар.

На третий день, 17 января во избежание кровопролития Инаятулла-хан сдал Кабул восставшим, а Хабибулла Калакани провозгласил себя эмиром Афганистана.

Будучи убеждённым борцом с западным образом жизни, Х. Калакани, первыми своими указами запретил европейские одежды и закрыл женские

школы. С началом правления Х. Калакани повысилась активность басмаческих формирований, участились вылазки на советскую территорию.

Власть Х. Калакани была неустойчивой. Главной причиной этому было отсутствие у него пуштунского происхождения. Бессменной традицией для афганской монархии с момента основания в 1747 году Дурранийской империи, было пуштунское самодержавие, опиравшееся на родное племя и дружественные ему соседние племена.

Так, в сентябре 1929 года против Х. Калакани выступил Мухаммед Надир-шах, поддержанный пуштунскими племенами восточного Афганистана, обеспеченный англичанами оружием и военными советниками.

Неорганизованные и плохо обученные войска Х. Калакани были разбиты, и уже 13 октября 1929 года Надир-шах занял Кабул.

Х. Калакани бежал. При попытке уйти горными тропами в Иран, он был предан местным жителем, нанявшимся проводником. Хабибулла Калакани был схвачен и расстрелян в ночь на 2 ноября 1929 года, вместе с двумя своими братьями и 10-ю соратниками.

ИБРАГИМ-БЕК

Ибрагим-бек (Мухаммед Ибрагим-бек Чакабаев) (1889-1931) из узбекского племени «локай» в составе крупного дашти-кипчакского племени узбеков, родился в кишлаке Кокташ в Гиссарской долине (ныне район Рудаки, центральная часть Таджикистана), был младшим сыном в семье из двенадцати детей.

Его отец Чако-бай был аксакалом и старостой в кишлаке Кокташ. Имел три (по другим данным, четыре) жены. Обладая высоким чином «токсабо» (полковник), он был предводителем рода «исанходжа» племени локай, сохранившего многие черты кочевой военной организации средневековых тюрок.

До революции 1917 года Ибрагим-бек состоял на службе у Гиссарского бека в чине караул-беги (поручика). Басмаческую деятельность Ибрагим-бек начинал в отряде своего тестя Каюма Парвоначи.

Непродолжительное время состоял на службе у Сеида Алим-хана Бухарского Эмира из узбекской династии мангыт (мангут), приходящейся локайцам ближайшими сородичами.

Борьбу с советской властью начал в 1919 году на территории Восточной Бухары (современный Таджикистан). После бегства эмира Сеида Алим-хана в Афганистан собрал в Бальджувоне (ныне Кулябская область) отряд из 500 бойцов и вернулся в родной Кокташ, где был провозглашён беком Локая. До 1922 года был фактическим правителем Гиссарской долины.

В 1921-1925 годы Ибрагим-бек вёл вооружённую борьбу за возвращение на престол свергнутого Эмира Бухары Сеида Алим-хана. Его отряды осуществляли регулярные набеги на Бухарскую народную социалистическую республику БНСР.

Основным местом сосредоточения отрядов Ибрагим-бека на советской территории было левобережье реки Вахш и Джиликульский район (южный Таджикистан).

Однако в июне 1926 года формирования Ибрагим-бека на советской территории были разбиты, а пункты базового обеспечения своих отрядов он перенёс в северный Афганистан. Непрерывно совершал вооруженные рейды на территорию современных Узбекистана и Таджикистана.

Главная ставка Ибрагим-бека в Афганистане находилась сначала в Ханабаде, затем была перенесена в Алибад. Крупные по численности отряды Ибрагим-бека со своими семьями расселились в Талукане (Таликан), Ханабаде, Чардаре, Ак-тюбе, но в большей степени в Алибаде.

В освоенном Ибрагим-беком и некогда пустынном Алибаде, насчитывалось более двадцати тысячи жителей и четыре тысячи хозяйств.

Ибрагим-бек поддерживал тесный контакт с поселившимся в Кабуле, Эмиром Сеидом Алим-ханом, который уважал Ибрагим-бека за упорство в многолетней борьбе с большевиками и жаловал ему солидную пенсию в 1500 рупий в месяц, ещё 500 рупий платило афганское правительство.

Правительство Амануллы-хана, не желая слышать упреки Москвы о базировании в афганском приграничье басмаческих отрядов, совершающих вооружённые налёты на Советскую территорию, требовало от Эмира Сеида Алим-хана воздействовать на Ибрагим-бека, чтобы тот не покидал пределы столицы, тем самым решая и свою стратегическую задачу, по обезглавливанию неподконтрольных Кабулу формирований на севере страны.

После свержения в 1929 году короля Амануллы-хана, Ибрагим-бек установил связь с девяти-месячным узурпатором власти в Кабуле - таджиком Хабибуллою Калакани, с приходом которого, все курбаши на севере обрели широкую свободу действий.

По указанию Хабибуллы Калакани, Ибрагим-бек выступил на север, где взял под управление войско с 20 тысячами узбеков. В Чардаре - в окрестности Кундуза, он сформировал отряд из 400 туркмен, 500 узбеков-кунгратов, узбеков-дурмен и узбеков-локайцев.

Однако краткосрочный период правления Хабибулла Калакани без вмешательства извне, быстро закончился его свержением и казнью.

Власть в Кабуле захватил Мухаммед Надир-шах - бывший министр обороны и дальний родственник свергнутого Амануллы-хана из «династии баракзай». В связи с этими событиями провинция Каттаган и Бадахшан погрузилась в беспорядки - один кишлак шёл на другой войной, сводя старые счёты.

М. Надир-шах оценивал деятельность Ибрагим-бека как реальную угрозу целостности страны. По приказу монарха на борьбу с Ибрагим-беком губернатор провинции Каттагана и Бадахшана Сафар-хан, в марте 1930 года, провёл в Андаробе мобилизацию в отряды ополчения.

По данным ОГПУ при СНК (Объединённое Государственное Политическое Управление при Совете Народных Комиссаров) в Средней Азии на 30 марта 1930 года Ибрагим-бек планировал образовать на севере Афганистана самостоятельное узбекско-таджикское государство во главе с свергнутым бухарским Эмиром Сеидом Алим-ханом.

С этой целью в начале июня 1930 года в провинции Каттагана и Бадахшана Ибрагим-бек поднял народное восстание.

В подконтрольных районах он сформировал собственную администрацию, что вредило интересам Афганистана и СССР.

Поэтому в конце июня 1930 года афганское правительство дало согласие на проведение на территории Эмирата рейда РККА, который возглавил командир сводной кавалерийской бригады Яков Мелькумов (Акоп Мелкумян).

Летом 1930 года отряд РККА Я. Мелькумова совершил рейд вглубь афганской территории и уничтожил тыловую инфраструктуру басмачей. Ибрагим-бек, стараясь сохранить людей, скрылся от губительного боестолкновения с отрядом РККА в горах, оставив свои тыловые базы практически беззащитными.

Не получив по итогам рейда РККА желаемого разгрома Ибрагим-бека, осенью 1930 года, Эмир (король) М. Надир-шах решил уничтожить отряды локайца собственными силами и направил на северо-восток части регулярной армии под командованием военного министра Шаха Махмуд-хана. Боевые действия охватили широкий фронт от Меймене до Рустака.

Первое поражение от Ибрагим-бека правительственные войска под командованием губернатора Сафар-хана потерпели под Хазарбагом, во втором сражении они потеряли до 2,5 тысяч погибшими.

Афганские узбеки и таджики приняли сторону Ибрагим-бека и влили в его войско двадцать отрядов ополчения, общей численностью около 2,5 тысячи воинов, это 2.150 узбеков и 300 таджиков. Каждому члену

формирований Ибрагим-бека, в качестве месячного денежного довольствия, местное население выделяло по 45 рупий. Активно сопротивление кабульской власти оказали узбеки-каттаганцы.

Ибрагим-бек продолжал развивать успех. Потери правительственных войск под Ханабадом составили 700 погибших, в Алиабаде их было 280. В захваченных районах Рустаке, Чахи-абе, Талукане, Имам-Сахибе, Ибрагим-бек назначил своих заместителей – «беков».

Отряд кишлака Банги, укомплектованный афганскими узбеками и таджиками, а также союзные Ибрагим-беку формирования курбаши Куганбека, Мулло Холдора, Мулло Джура Дахана захватили кишлаки Янги Кала и Джульчу, осадили крепость Рустакского гарнизона и Талукан.

Ибрагим-бек обыгрывал в манёвре Ш. Махмуд-хана, атакуя его внезапно. Полоса боевых действий растянулась от Кундуза до Файзабада.

Эмир Бухары Сеид Алим-хан отправил Ибрагим-беку гневное письмо с требованием прекратить борьбу с М. Надир-шахом, сдать оружие и явиться в Кабул.

Ибрагим-бек расценил это обращение, как личное оскорбление и втягивание в западню.

Следующее послание, в подчёркнуто вежливом тоне, было от М. Надир-шаха. Падишах призывал разоружить отряды и прибыть в Кабул без охраны. В случае исполнения условий, Ибрагим-беку предлагалась должность заместителя губернатора провинции. Посоветовавшись с соплеменниками и союзными туркменскими курбаши, Ибрагим-бек отверг предложение Эмира.

Желая помочь афганскому монарху, войска которого терпели поражения, Англия предоставила М. Надир-шаху денежные средства и большую партию оружия. В свою очередь, военный министр Шах Махмуд-хан, в помощь правительственным войскам, в декабре 1930 года стянул дополнительные силы, объединив с ополченцами пуштунских племён: мангалами, масудами, вазирами, даурами, джадранами с юго-востока страны.

В ходе боевых действий к пуштунам присоединились формирования хазарейцев.

Узбеки, таджики, туркмены, перешедшие через Амударью, налажившие быт в северных территориях и их афганские соплеменники, в одинаковой степени, испытали на себе жестокость правительственных войск и пуштунских племенных формирований. Чинимые ими жертвы, разрушения, насилие и грабежи значительно обострили этнические противоречия между севером и югом, сплотив вокруг Ибрагим-бека основное население Каттагана и Бадахшана.

Между тем, для внесения раскола в единстве в басмаческих отрядов и лишения поддержки гражданского населения, Правительство в Кабуле пошло на подкуп отдельных курбаши, жалую им титулы «беков».

Проправительственные беки стали угнетать и ущемлять население, роня авторитет басмачества.

В начале марта 1931 года военный министр Ш. Махмуд-хан усилил правительственную группировку и 6 марта в районе Талукана нанёс удар по наиболее крупному отряду Ибрагим-бека, понёсшему потери убитыми 315 человек.

Оттеснив силы Ибрагим-бека от Ханабада к приграничной полосе, Ш. Махмуд-хан восстановил в мятежном районе центральную власть.

В Ханабаде 16 марта были публично казнены 35 пленных басмачей Ибрагим-бека. Тогда же отряд Ибрагим-бека предательски атаковала кавалерия одного из туркменских курбаши, подкупленного афганским правительством.

К середине марта 1931 года правительственные войска и пуштунские племенные формирования, преследовали отряды Ибрагим-бека по всему северу, не давая восстановить силы.

Населения Афганского Туркестана и соплеменники - узбеки, некогда принимавшее активное участие в поддержке басмачей устали от войны, резервы Ибрагим-бека иссякали.

Рассматривая территорию республик Средней Азии, как дополнительный плацдарм, Ибрагим-бек внимательно следил за социальной и военно-политической обстановкой в регионе, и был хорошо осведомлён о случаях эскалации напряжённости, связанных с проведением сплошной коллективизации в отдельно взятых районах.

Теснимый правительственными войсками и советской дипломатией с территории Афганистана, он рассчитывал получить поддержку дехкан на Родине, и 30 марта (по другим данным 1 апреля) 1931 года, Ибрагим-бек со своим отрядом (по разным оценкам) - в количестве от 600-800 или 1500 человек, вторгся на советскую территорию и начал наступать вглубь территории СССР.

Но отрядами РККА он был оттеснён к приграничной с Афганистаном полосе. На помощь к Ибрагим-беку было брошено подкрепление в количестве 250 всадников во главе с курбаши Утан-беком.

Но, встреченные огнём пограничников, они не продвинулись дальше приграничной полосы и, понеся существенные потери, вернулись в Афганистан.

В начале мая 1931 года Ибрагим-бек прибыл в свою ставку Алиабад на встречу с туркменским предводителем и курбаши Халифой Кызыл аяком, который подтвердил своё участие ранее согласованном совместном походе на территорию СССР.

Однако дальнейший ход событий внёс свои коррективы и в июньском письме к Ибрагим-беку, Кызыл аяк писал: «Остаться в Афганистане нельзя, надо уходить в Иран».

В подтверждение своих слов, в середине лета 1931 года, дав Кабулу обещание далее не поддерживать Ибрагим-бека, Кызыл аяк, смог отступить в Иран. Большинство дружественных Ибрагим-беку отрядов были разоружены,

отдельные перешли на службу к эмиру М. Надир-шаху, а отказавшиеся сложить оружие, были уничтожены.

Под давлением кабульской власти, в начале июня 1931 года, Ибрагим-бек распустил своё полутора-тысячное (1500) войско, оставив лишь двести (200) человек, внешне засвидетельствовав афганскому Эмиру полноту его власти. Вместе с тем, Ибрагим-бек не изменил намерений на создание независимого узбекско-таджикского государства.

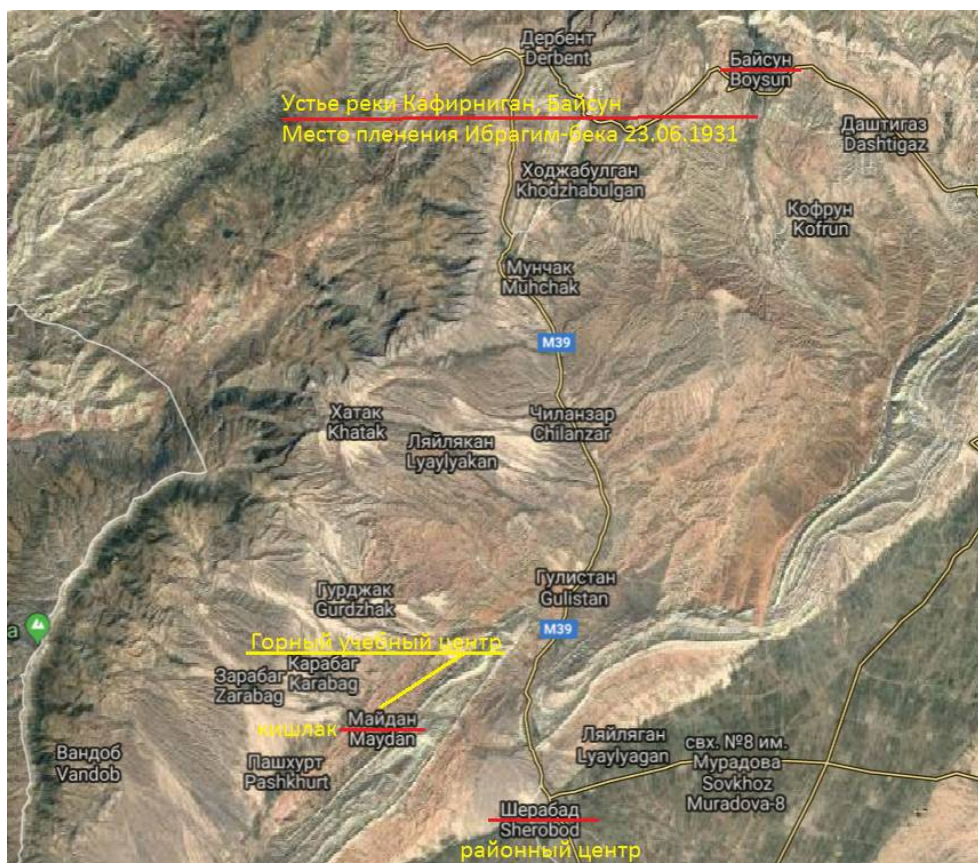
На текущем рубеже событий, внутри Эмирата, укреплялись межгосударственные отношения между Афганистаном и СССР, 24 июня 1931 года был подписан договор о «...Недопущении на своей территории вооружённых отрядов и организаций, враждебных другой стороне...», в рамках данного договора государства продолжили активно взаимодействовать, подавляя остатки басмаческих отрядов на афганской территории. В рамках своих обязательств, афганское правительство направило в северные территории дополнительные свежие силы.

Летом 1931 года, правительственные войска продолжали наносить урон отрядам Ибрагим-бека.

К началу июня 1931 года в боях с РККА отряды Ибрагим-бека потеряли 1224 человека убитыми, 75 человек было взято в плен, 314 человек добровольно сложили оружие. Значительно уменьшилась и помощь уставшего от войны населения афганского севера и соплеменников-узбеков.

Выдавливаемый правительственными войсками с территории Афганистана, Ибрагим-бек принимает решение вместе с отрядом пересечь границу СССР и двигаться в район долины реки Кафирниган.

Для борьбы с отрядами Ибрагим-бека была сформирована крупная группировка в составе 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, 7-й Туркестанской кавалерийской бригады, 8-й Туркестанской кавалерийской бригады, Узбекской Кавалерийской бригады, 83-й кавалерийского полка, Таджикского стрелкового батальона, Киргизского кавалерийского дивизиона, 35-го отдельного авиаотряда и других подразделений.

Район боевых действий отрядов РККА с отрядом Ибрагим-бека в долине реки Кафирниган охватывал участки горного массива Байсунтог, Актау (Актаг), Бабатаг.

В бою под Дербентом, 23 июня 1931 года, в 30 километрах западнее Байсуна, формирование Ибрагим-бека было разбито специальным отрядом ОГПУ под командованием Мукума Султанова.

Сам же Ибрагим-бек, по одним данным, был пленён в районе кишлака Бульбулон, при переправе на правый берег реки Кафирниган колхозником Гюль-Ходжа Назаром. После сопровождения в кишлак Ляур, самолётом Юнкерс Ф-13, Ибрагим-бек был конвоирован в Сталинабад (Душанбе), а оттуда в Ташкент, где предстал перед судом и 13 апреля 1932 года приговорён к высшей мере наказания - расстрелу.

Многие басмачи, входившие в отряды Ибрагим-бека, после его расстрела в 1931 году продолжили вооружённую борьбу.

Участники северо-восточного военного похода из числа военнослужащих регулярных частей афганской армии и ополченцев пуштунских племенных формирований были отмечены специально учреждённой Правительством медалью «За разгром мятежников Каттагана и Бадахшана» и денежными средствами.

Доподлинно неизвестно, говорил ли эти слова Ибрагим-бек, но ему приписывают такие строки: «Куда бы мы ни поехали, от нас везде требуют сдать оружие, лучшее направление для нас – советская территория. Там, в родных местах сдадим оружие советской власти», «...пусть лучше меня убьют большевики, чем афганцы».

Общая протяжённость линии соприкосновения территорий СССР и Афганистана, через которую осуществлял вооружённые налёты отряды Ибрагим-бека, составляет более полутора тысячи километров: с нынешними Узбекистаном - 137 и Таджикистаном – 1344 километров.

УТАН-БЕК

В ходе борьбы РККА с басмаческим движением, наряду с другими курбаши, в Афганистан с его отрядом был вытеснен другой крупный курбаши Утан-бек.

По подобию Ибрагим-бека, он на протяжении многих лет осуществлял вооружённые налёты на советскую территорию, вёл одновременно борьбу с отрядами РККА по обе стороны границы, и с войсками афганской армии, усиленной пуштунскими племенными формированиями.

Осенью 1931 года, уже после пленения Ибрагим-бека, Утан-бек продолжал атаковать советскую территорию и громить караваны на дороге Кундуз-Ташкурган.

Сражаясь с афганскими правительственными войсками, как это было в горах Кара-Батур в районе Ханабада, Алиабада и кишлака Гольдшан-кудук, Утан-бек одновременно продолжал вылазки на Советскую территорию.

В одном из боёв, в южнее Кундуза – с отрядом туркменского курбаши Джана-бая, перешедшего на сторону правительственных войск, Утан-бек был тяжело ранен.

Несмотря на полученное ранение, он вновь активизировался. В конце октября 1931 года в приграничной с Советским Союзом полосе началась совместная операция по уничтожению басмаческих отрядов частями правительственных войск Ф. Мамат-хана и отрядами РККА.

А к середине ноября в Кундузскую долину были стянуты полки Каттагано-Бадахшанской дивизии Ф. Мухамеджана в количестве 900 всадников, поддержанные туркменскими формированиями, которые к началу декабря окончательно разбили формирование Утан-бека.

С горсткой уцелевших сторонников Утан-бек скрылся в Иране, где присоединился к лидеру туркменской басмаческой эмиграции курбаши Ишану Халифе Кызыл Аяку.

Последний налёт на советскую территорию в Туркмению Утан-бек совершил в октябре 1933 года с территории Ирана и получив разгром, полностью отказался от дальнейшей борьбы.

КЫЗЫЛ АЯК

Кызыл аяк (Халифа Кызыл Аяк) - туркменский вождь (сардар), духовный покровитель мигрантов из Средней Азии – туркмен и узбеков и крупный курбаши туркменских басмаческих формирований.

На протяжении долгого времени был сподвижником Ибрагим-бека. По данным ОГПУ, снабжал японскую и немецкую разведки разведывательными данными из Советских Среднеазиатских республик. Ставка Кызыл Аяка находилась в Шибергане (провинция Джаузджан).

В августе 1941 года Кызыл аяк направил Правительству в Кабул письмо с просьбой взять под покровительство Афганистана - Бухару. В обращении, также сообщалось о готовности Кызыл Аяка выставить для её освобождения группировку в сорок тысяч вооружённых туркмен.

Такую же численность своих формирований Кызыл аяк называл представителям немецкой разведки, отметив, что способен удвоить группировку в случае дополнительной военной помощи. Заявленная же цифра превышала фактическую в четыре раза.

В ответ на обращение Правительство в Кабуле рекомендовало Кызыл Аяку привести свои формирования к полной боеготовности, добавив, что данные действия будут целесообразными в случае взятия немецко-фашистскими войсками Москвы и Ленинграда.

В декабре 1941 года на сходе подконтрольных себе формирований курбаши Кызыл Аяк заявил о необходимости быть готовыми к вторжению летом 1942 года в Советскую Среднюю Азию.

МАХМУД-БЕК

Махмуд-бек - лидер узбекского и туркменского басмачества, по данным ОГПУ, был агентом германской, японской и турецкой разведок.

Помимо управления басмаческими формированиями, по заданию германской разведки в сентябре 1941 года организовал агентурно-диверсионную сеть на территории Советской Средней Азии, занимался сбором разведывательной информации.

По заданию германской разведки весной 1942 года сформировал в Северном Афганистане антисоветскую вооружённую организацию под названием «Унион». В её задачи входило возвращение на бухарский престол, находящегося в Кабуле, бывшего Эмира Сеида Алим-хана. По заданию германской разведки создал осенью 1941 года в Баглане и Кундузе два опорных пункта для переброски в СССР немецких агентов.

Весной 1942 году был перевербован Советской разведкой. В мае 1942 года был арестован официальной властью в Кабуле по требованию Великобритании.

Арест Махмуд-бека на короткий срок дезорганизовал басмачество. Уже летом 1942 года была создана новая агентурно-диверсионная организация «Фаал».

СЕИД МУБАШИР-ХАН ТИРАЗИ

Сеид Мубашир-хан Тирази (агентурное имя Ханза), был руководителем агентурно-диверсионной организаций «Фаал» и подструктурной «Лига» (в неё также вошли басмаческие лидеры *Куширмат, Нурмамад (Нур Мухаммед), Абдул Ахад Кары и посланник бухарского эмира Хаджи Бафа*).

По заданию германской и японской разведок С.М. Тирази готовил басмаческие формирования к походу на Бухару.

В Кундузе, на средства германской и японской разведок для расширения агентурной сети в Среднеазиатских республиках ССР, С.М. Тирази образовал центр «Фаал».

Одной из первых мер «Фаал» было установление взаимодействия с курбаши киргизских басмачей Камчи-беком, совершившего в сентябре 1941 года нападение на советскую территорию.

В соответствии с договорённостями с С.М. Тирази, Камчи-бек стянул свои отряды к советской границе и ждал приказа форсировать Амударью.

Кызыл Аяк – курбаши крупного формирования туркмен также дал согласие на участие в военном походе.

К концу лета 1942 года С.М. Тирази докладывал германской разведке, что группировка басмаческих формирований на севере Афганистана достигла более 70 тысяч человек, но проблема якобы состоит в том, что вооружены лишь 15 тысяч.

Завышая численность группировки, С.М. Тирази рассчитывал на увеличение военной помощи.

К весне 1943 года в Северном Афганистане С.М. Тирази используя средства иностранных разведок, объединил разрозненные отряды, создав группировку численностью от 20 до 30 тысяч басмачей.

В её задачи входило пересечение государственной границы СССР и овладение Бухарой. Доукомплектование группировки вооружением планировалось самолётами люфтваффе.

Высадка диверсионных отрядов «Туркестанского легиона», подготовленных на секретной тренировочной базе «Лесной лагерь СС-20» или «Главный лагерь Туркестан» близ Вроцлава в Польше, на территорию Среднеазиатских республик ССР планировалось начать с Туркменской ССР.

Подготовка к нападению на Среднеазиатские республики ССР была на контроле у советской разведки, и в начале апреля 1943 года руководство Советского Союза потребовало от короля Мохаммеда Захир-шаха арестовать С.М. Тирази и свыше ста членов «Фаал».

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и Битве на Курской дуге ознаменовали окончательный перелом во Второй Мировой войне, нарушив планы вторжения басмаческих формирований из Афганистана в Советскую Среднюю Азию.

Деятельность разведок стран Оси в Афганистане была свёрнута и как следствие был сорван план доставки вооружения басмаческим отрядам самолётами люфтваффе.

ДЖУНАИД-ХАН

Джунаид-хан (Мухаммед-Курбан Сердар) (1857/1862-1938). Родился в зажиточной семье Ходжи-бая знати йомудского туркменского племени «джунаид».

Грамоте не обучался, но личная храбрость позволила ему стать «кази» (судьёй) кишлака. Сформировал и возглавил отряд налётчиков на караваны в пустыне каракум.

За участие в многолетней борьбе с властью Хивинского хана и в примирении враждующих туркменских племён завоевал в народе авторитет.

К 1918 году разбил враждебные себе отряды туркменских вождей и правителем Хивы Асфандияром-ханом был назначен командующим вооружёнными силами ханства.

В том же году отдал приказ своему сыну Эши-хану убить Асфандияр-хана в его дворце «Нуриллой». После устранения Асфандияр-хана, возвёл к престолу марионеточного родственника Сеида Абдуллу Тюре и стал фактически единовластным правителем Хивинского ханства.

С 1918 по 1931 годы Джунаид-хан с отрядами многократно вторгся на территорию Хорезмской Народной Советской Республики, захватывал многие города и скрывался на территории Ирана и Афганистана, откуда осуществлял вылазки и снабжал басмаческие формирования оружием и боеприпасами.

В 1925 году был прощён советской властью, но вновь возобновил борьбу, скрывшись в Афганистане.

В 1932-1933 годы Джунаид-хан снарядил в Советскую Туркмению десятки басмаческих отрядов. Только за два месяца с января по март 1932 года на советскую территорию вторглись 32 отряда общей численностью свыше 1430 человек, впоследствии, задержанных или уничтоженных.

С 1931 года с большим количеством сподвижников постоянно жил в Афганистане в кишлаке западнее города Герат.

Последняя вылазка на территорию Советской Туркмении в 1935 году, организованная Джунаид-ханом без его личного участия, закончилась полным уничтожением отряда. Антисоветскую деятельность Джунаид-хан вёл до самой смерти в 1938 году. Умер в возрасте 81 год.

Граница Афганистана и нынешнего Туркменистана имеет протяжённость 744 километра. В мае 2018 года в районе города Кушка (ныне Серхетабад), имел место случай нарушения государственной границы с афганской территории - на туркменскую пограничную заставу было совершено вооружённое нападение, в ходе которого погибло по разным оценкам до 27 пограничников.

ПРИГРАНИЧНЫЙ АФГАНИСТАН 1929-1940 годы

В конце двадцатых годов прошлого столетия, в период борьбы с басмачеством с территории Средней Азии, в Северный Афганистан потянулся поток беженцев, достигший численности более полумиллиона человек: узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, осевших и наладивших свой быт в северных провинциях страны - Герате, Бадгисе, Фарьябе, Джаузджане, Балхе, Кундузе, Тахаре, Баглане, Бадахшане.

11 декабря 1928 года Хабибулла Калакани, свергнувший афганского монарха Эмира Аманулла-хана, провозгласил себя падишахом Афганистана, а 13 января объявил эмиром «Хабибуллой II».

По данным разведывательного отдела САВО 10 марта 1929 года:

«Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмачей, учащаются случаи перехода на нашу территорию... узбеки - бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ... Хабибулла установил контакты с Эмиром Бухарским и Ибрагим-беком, он обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствия на нашей границе...»

В феврале-марте 1929 года, бывший Эмир Аманулла-хан, утративший власть в Кабуле, с кучкой верных себе людей прибыл на Родину предков в Кандагар.

Здесь он начал подготовку формирования, для наступления на Кабул. В Москве внимательно наблюдали за обстановкой в Афганистане и в большей степени в приграничной с СССР зоне.

Определив, что власть в лице Хабибуллы Калакани не способствует стабильности в стране и в укреплении межгосударственных отношений государств, в Москве ждали подходящего момента, чтобы изменить ход событий в выгодном для себя направлении.

Ждать случая долго не пришлось. С просьбой сформировать на территории Среднеазиатского военного округа отряд из покинувших страну афганских военных - сторонников Амануллы-хана для возвращения его на трон, к советскому руководству обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Наби-хан.

Г. Наби-хан уверял, что в глубине афганской территории к отряду присоединятся тысячи сторонников Амануллы-хана. Действительность же, оказалась обратной. «Операция задумывалась, как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрестёт формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения», - писал его командир В.М. Примаков.

Для усиления боеспособности афганского отряда Г. Наби-хана его скомплектовали из красноармейцев национальных частей Среднеазиатского военного округа. Формированием отряда занимался непосредственно

помощник командующего Среднеазиатским военным округом Маркиан Германович.

Краткая справка: Маркиан Яковлевич Германович (1895-1937)

Выходец из крестьян, белорус. Служил в Русской Императорской армии, окончил военное училище, штабс-капитан. Член ВКП(б) с 1918 года, образование высшее, в Красной Армии. Воинское звание комкор (1935).

Из характеристики, написанной командующим войсками Белорусского военного округа А. И. Егоровым: «Отличный и знающий военное дело командир. Выдержанный партиец и активный общественный работник. По компетенции вполне справляется с работой по разным вопросам окружного масштаба. Как помощник командующего войсками является действительным практическим заместителем командующего войсками округа и вполне заслуживает выдвижения на самостоятельную работу по должности командующего войсками в порядке очереди. На военное время — готовый командарм».

31 мая 1937 М.Я. Германович уволен из РККА; 7 августа 1937 арестован; по Приговору Военной Коллегией Верховного суда «за участие в контрреволюционной террористической организации...» **признан виновным и приговорён к высшей мере наказания - 20 сентября 1937 расстрелян; 6 апреля 1957 посмертно реабилитирован.**

В свете развивающихся событий, генсек Сталин И.В. принял министра иностранных дел Афганистана, генерального консула Афганистана в СССР и военного атташе СССР в Афганистане. По итогам встречи в Ташкент телеграфировался приказ «о срочном формировании особого отряда из числа коммунистов и комсомольцев для отправки в Афганистан».

В целях оказания военной помощи сверженному королю Амануллахану и ликвидации тыловых баз басмаческих формирований, осуществляющих вооружённые вылазки и террор на территории Советского Туркестана, в северной и северо-восточной части Афганистана в апреле 1929-го года и июне 1930-го года были проведены две специальные операции Красной Армии.

ПОХОД ОТРЯДА РККА в АФГАНИСТАН в 1929 году

Первый поход отряда РККА в Афганистан в 1929 году совершил сводный отряд красноармейцев кавалерийского и горнострелкового полков и конно-горного артиллерийского дивизиона РККА численностью около двух тысяч штыков, вооружённый 4 горными орудиями, 12 станковыми и 12 ручными пулемётами. Отряд был оснащён мощной подвижной радиостанцией и обеспечен достаточным запасом провианта.

Красноармейцы были переодеты в форму афганских военнослужащих, а командиры получили мусульманские имена для использования при афганцах.

Отряд возглавил Виталий Маркович Примаков с позывным «Витмар». В качестве афганского имени ему был выбран псевдоним турецкого офицера – «Рагим-бей». Начальником штаба был назначен кадровый афганский офицер Г. Хайдар.

Формально, отряд подчинялся представителю свергнутого эмира Амануллы-хана афганскому генералу Гуляму Наби-хану.

К 10 апреля 1929 года отряд Витмара был готов к выступлению.

Операции началась 14 апреля на южном берегу Амударьи, разведчики бесшумно сняли афганскую пограничную заставу и двинулись на юг.

Следующим ранним утром шесть аэропланов, оснащённых пулемётами, пересекли советско-афганскую границу в районе узбекского города Термез, сделали два круга и, снизившись над афганским погранпостом Патта-Гиссар, совершили мощный огневой налёт.

Пулемётным огнём и бомбардировкой уничтожили казармы и личный состав погранзаставы. Из 50 афганских пограничников в живых осталось только двое. Спасшиеся пограничники побежали на соседний погранпост Сия-Герт - в 20 верстах и сообщили о нападении.

Тем временем отряд Витмара, на моторных лодках, каюках и баржах, форсировал пограничную реку Амударью и высадился на афганский берег. Выступивший из Сиях Герт отряд в 100 афганцев, спешил в Патта Гиссар остановить отряд Витмара но, не преодолев и шести вёрст, был уничтожен огнём его пулемётов. В то же самое время из Кандагара в Кабул выступили формирования Эмира Амануллы-хана в 14 тысяч хазарейцев.

16 апреля, продолжая продвигаться вглубь афганской территории, отряд Витмара устремился к городу Келиф. На начальном этапе отражения атак отряда Витмара, настрой афганского гарнизона был решительным, но после первых пушечных выстрелов и пулемётных очередей, сдал оружие.

17 апреля был взят город Ханабад провинции Балх, а уже 22 апреля отряд Витмара подверг артиллерийскому обстрелу город Мазари-Шарифа.

Разбив ударами прямой наводкой артиллерийских орудий ворота крепости, отряд Витмара ворвался в город.

Защитники павшего гарнизона бежали в крепость Дейдади и Ташкурган. В одном только Мазари-Шарифе потери афганцев составили около 3 тысяч человек, притом, что отряд Витмара понёс единичные потери. В донесении, сначала в Штаб САВО, а оттуда в Москву, телеграфировалось: «Мазар занят отрядом Витмара».

Советский генеральный консул, находившийся в момент штурма отряда Витмара, непосредственно в Мазари-Шариф вспоминал: «Пехота, бросившаяся в город, забыла, что ей нужно было играть роль афганцев, и пошла в атаку с традиционным русским «Ура»».

Нелегальный представитель разведывательного управления в Мазари-Шарифе Матвеев вспоминал: «Несмотря на то, что по отряду было отдано распоряжение по-русски не разговаривать, после занятия Мазари-Шариф на улицах сплошь и рядом раздавалась русская брань. Наши аэропланы самым

бесцеремонным образом, даже не закрасив звёзд на крыльях, ежедневно совершали полёты в районе противника и бросали бомбы». За неделю боевых действий к отряду Витмара присоединились 500 местных хазарейцев, из которых был сформирован отдельный батальон.

Афганская власть Хабибуллы Калакани и духовенство объявило русским «джихад» (священную войну), и под зелёным знаменем пророка начало собирать ополчение, готовясь к наступлению.

24 апреля из крепости Дейдади (Дехдади), расположенной неподалеку от Мазари-Шариф, племенные афганские ополчения предприняли попытку выбить отряд Витмара из Мазари-Шариф. Плохо организованные, но большие по численности, афганские формирования раз за разом возобновляли наступления на открытой местности, плотным строем наступая на встречный оружейный и пулемётный огонь.

К ночи атаки прекратились, но положение осаждённого отряда Витмара становилось критическим. Мазари-Шариф был окружён плотным кольцом и перешёл на осадное положение.

Витмар телеграфировал в Ташкент: «Нужна помощь». На поддержку красноармейцам был выслан эскадрон с пулемётами, но он был встречен превосходящими силами противника, и был вынужден вернуться на советскую территорию.

26 апреля самолёты доставили в Мазари-Шариф 10 пулемётов и 200 снарядов к артиллерийским орудиям. Отчаявшись взять Мазар штурмом, местные формирования перекрыли арыки, по которым в город поступала вода. В рядах афганского подразделения, подчинённого генералу Г. Набихану, входящему в отряд Витмара, начались упаднические настроения.

На следующий день на помощь осаждённым был переброшен эскадрон с пулемётами. Но при подходе к Мазари-Шариф он был встречен превосходящими силами афганских ополченцев и вернулся обратно.

26 апреля в Мазари-Шариф аэропланами было доставлено 10 пулемётов и 200 артиллерийских снарядов.

Витмар передал в Ташкент донесение:

«Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решён, если бы я получил 200 газовых гранат (иприт, 200 хлоровых гранат мало) к орудиям. Кроме того необходимо сделать отряд более манёвроспособным, дать мне эскадрон головорезов...

Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму — мы хозяева положения, нет — обратимся в банду и ищем путей домой».

5-6 мая, оказывая поддержку отряду Витмара, авиация САВО нанесла бомбоштурмовые удары по позициям осаждающего противника.

Одновременно в Мазари-Шариф был направлен второй отряд РККА – из 400 красноармейцев, также переодетый в афганскую военную форму, вооружённый 6 орудиями и 8 пулемётами. Командовал отрядом командир кавалерийской бригады САВО И. Е. Петров, использующий на время операции мусульманское имя «Зелим-хан».

Форсировав Амударью и совершив двухдневный марш, эскадрон И.Е. Петрова приближался к Мазари-Шариф. На подступе к городу эскадрон встречали превосходящие числом афганские формирования, «в считанные минуты сметённые» орудийно-пулемётным огнём. Воссоединившись, отряды «Витмара-Петрова» отбросили осаждающие силы в крепость Дейдади.

8 мая после ударов авиации и артиллерии, крепость Дейдади пала, оставив овладевшим много трофеев: 50 орудий, 20 пулемётов, а также большое количество стрелкового оружия и боеприпасов. После двух дней отдыха, восстановив силы, отряд красноармейцев «Витмара-Петрова» несколькими колоннами продолжил движение на юг, захватив по пути ещё два города: Балх и Ташкурган.

Тем временем, с двух сторон на разгром вторгшихся отряда РККА, двигались с востока 3 тысячи басмачей курбаши Ибрагим-бека, а с юга из Кабула - 1500 воинов из национальной гвардии Хабибуллы Калакани (правителя Афганистана) под командованием военного министра генерала Сеида Хусейна.

11 мая передовой отряд Витмара, насчитывающий 350 красноармейцев обнаружил надвигающееся формирование курбаши Ибрагим-бека и немедленно на главном направлении, выставил восемь артиллерийских орудий. С обеих сторон дороги на расстоянии 200 метров красноармейцы установили по два пулемёта, взяв её участок под прицелы. По приблизившемуся на 500 метров отряду Ибрагим-бека был открыт артиллерийский огонь. Три орудия били в головную часть колонны, три в замыкающую, а два в центр. С укрытий на флангах открыли огонь пулемёты. Застигнутые врасплох басмачи, были уничтожены или рассеяны, другие были достигнуты в погоне.

Спустя полчаса от начала боя, с запада надвигался отряд Сеида Хусейна. По воспоминаниям командира взвода Абдуллы Валишева, бой длился два часа, басмачи отчаянно сопротивлялись. Выиграть сражение помогла военная смекалка И.Е. Петрова. По его приказу к Сеиду Хусейну отправили трёх пленных, захваченных у Ибрагим-бека, чтобы сообщить ему о жертвах, понесённых басмачами при столкновении с отрядом «Витмара - Петрова», составляющими 2500 убитыми, 176 пленёнными и 300 оставшихся в живых.

Пересказ итогов боя произвёл на Сеида Хусейна нужное впечатление, и басмачи сложили оружие. В случае если отряды Ибрагим-бека и Сеида Хусейна, имеющие 10-12-кратное численное превосходство в живой силе, воссоединились с противоположных сторон, то выйти победителем в том сражении отряду «Витмара – Петрова» было бы крайне сложно. Сам же Сеид Хусейн, оставив свои подразделения, бежал.

12 мая отряд «Витмара – Петрова» овладел городом Балх, а на следующий день городом Ташкурган. Внезапно 18 мая Витмар получил из Ташкента приказ спецавиабортом срочно убить в Москву. Командование отрядом принял Александр Иванович Черепанов, получивший на время операции афганское имя «Али Авзаль-хан».

В это самое время на севере Афганистана проводился сход старейшин, духовенства и чиновников, на заседании также присутствовали резиденты английской разведки. По его итогам было принято решение обратиться с воззванием к народу о прекращении междоусобных распрей и выступление единым фронтом военных и гражданского населения на священную войну с русскими: *«В связи с нападением русских на Мазари-Шариф и Каттаган и вступлением их войск в те районы, все жители Афганистана должны прекратить гражданскую войну и встать на защиту от нападения русских»*.

По приказу Витмара, А.И. Черепанов повёл отряд дальше на юг, в сторону Кабула. В данный отрезок времени на юге Афганистана войско сверженного короля Амануллы-хана из 14 тысяч хазарейцев было разгромлено войсками узурпировавшего трон Хабибуллы Калакани.

Получив поражения 22 мая 1929 года, свергнутый король Аманулла-хан объявил о прекращении борьбы за престол и, забрав королевскую казну, валюту и золото, бежал в Индию, откуда перебрался в Европу.

Перед побегом Аманулла-хан направил своему уполномоченному в отряде Витмара, генералу Г. Наби-хану телеграмму с распоряжением также бежать из Афганистана. Однако Г. Наби-хан остался с красноармейцами до конца, выйдя вместе с ними на советскую территорию уже после завершения операции. Несмотря на предательство бывшего Эмира Амануллы-хана, А.И. Черепанов принял решение продолжать продвижение к Кабулу.

23 мая советская авиация нанесла бомбоштурмовые удары по тыловым базам басмачей в городах Ханабад, Андараб, Талукан (Таликан), Алиа-бад и Хазрати Имам.

Вместе с тем, этот же день дивизия Сеида Хусейна внезапно захватила Ташкурган, нарушив тем самым тыловое обеспечение отряда А.И. Черепанова. В афганском подразделении «отряда Витмара», находящегося под командованием генерала Г. Наби-хана, началась паника. Его командиры, бросив отряд, бежали к советской границе. А.И. Черепанов был вынужден вернуться, чтобы отбить Ташкурган.

Утром 25 мая после авиационных и артиллерийских ударов, отряд Витмара ворвался в город, завязались жестокие уличные бои. За два дня противостояния город Ташкурган трижды переходил из рук в руки.

Выбив противника окончательно, отряд А.И. Черепанов вернул себе контроль над городом, потеряв в боях 10 командиров и красноармейцев и 74 хазарейца убитыми, 30 красноармейцев и 117 хазарейцев ранеными. В сражении за Ташкурган были израсходованы почти все боеприпасы, большая часть оружия выработала свой ресурс и стала непригодна.

В европейских странах, в Турции и Персии сразу же узнали о вторжении Красной Армии в Афганистан. Бегство Амануллы-хана лишило отряд А.И. Черепанова основания легального присутствия на сопредельной территории и расценивалось, как военная агрессия Советского Союза против суверенного Афганистана.

К тому же малочисленный отряд РККА далее не мог действовать столь успешно, учитывая враждебный настрой большей части населения. В текущей обстановке действия отряда становились бессмысленными, поэтому 28 мая штаб САВО отдал А.И. Черепанову приказ о возвращении на Родину.

В операции по «ликвидации бандитизма в южном Туркестане» участвовали красноармейцы 81 кавалерийского и 1 горнострелкового полков и 7 конного горного артиллерийского дивизиона. Свыше 300 участников афганского похода были награждены орденом Красного Знамени, а остальные ценными подарками. Вместе с тем сама операция и её ход были засекречены, отражение в исторических формулярах запрещено.

Краткая справка: Виталий Маркович Примаков (1897-1937)

Выходец из крестьян, белорус. Служил в Русской Императорской армии, окончил военное училище, штабс-капитан. В Гражданскую войну - командир украинского Червоного казачества. Первый раз был арестован в 1934 году, освобождён по требованию наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова. 1935 году воинское звание комкор. В августе 1936 года был арестован по обвинению в участии в армейской «военно-троцкистской организации». В мае 1937 года, под пытками признал себя виновным в участии «в антисоветском троцкистском военно-фашистском заговоре»; **11.06.1937** проходил по «делу Тухачевского» **специальным присутствием Верховного суда СССР был приговорён к смертной казни; 12.06.1937** расстрелян вместе с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем и ещё четырьмя командирами Красной Армии; **31.06.1957** посмертно реабилитирован.

Петров Иван Ефимович (1895-1958)

В РККА с 1918 года, участник Гражданской войны. Службу в САВО начал командиром отдельного кавалерийского эскадрона, затем - полка, бригады, дивизии. 11 кавалерийская дивизия под командованием И.Е. Петрова у колодца Такай-кудук 23 сентября 1922 года разбила отряд курбаши Абду-Саттар-хана. Великую Отечественную войну (ВОВ) начал в должности командира стрелковой дивизии – оборонял Одессу, руководил обороной Севастополя. В 1942 году командовал войсками 44-й Армии, в 1943 году начальник штаба и командующий Северокавказским фронтом, в 1944 года командующий 33-й Армией, командующий 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами - генерал армии, в марте 1945 года понижен в должности до начальника штаба 1-го Украинского фронта, в мае 1945 года Указом ПВ СССР – «За умелое управление войсками в Берлинской и Пражской операциях» удостоен звания Героя Советского Союза (1945). После ВОВ – начальник главного управления по боевой и физической подготовке, далее 1-й заместитель главкома Сухопутных войск, главный инспектор Минобороны СССР. В октябре 1948 года, во время Ашхабадского землетрясения в Туркмении, сын И.Е. Петрова – полковник Петров Юрий Иванович, был застрелен мародёром.

Черепанов Александр Иванович (1895-1984)

Участник штурма Зимнего Дворца. В РККА с января 1918 года. Член ВКП(б) с 1926 года. С июня 1929 года, помощник командира дивизии. С августа 1938 года главный военный советник в Китае. В ходе битвы за Ухань и битвы за Чанша лично инспектировал фронт и давал советы китайской армии, с 1939 года старший преподаватель Академии Генерального штаба, с июля 1941 года главный инспектор при главкоме Северо-Западного направления, с сентября 1941 по июль 1944 года - командующий 23-й армией, в январе-феврале 1943 года, на время прорыва блокады Ленинграда, командовал 67-й армией, с сентября 1943 генерал-лейтенант, с мая 1947 года председатель Союзной контрольной комиссии в Болгарии и главный советник Болгарской

армии, с 1948-1955 годы заместитель начальника управления высших военно-учебных заведений по научно-исследовательской работе, генерал лейтенант.

ПОХОД ОТРЯДА РККА в АФГАНИСТАН в 1930 году

По данным советской разведки полученным в сентябре 1929 года, правитель Афганистана Хабибулла Калакани, свергнувший короля Аманулла-хана, на случай потери власти в Кабуле, планировал отторжение северного Афганистана и образование на этой территории, при поддержке отрядов Ибрагим-бека, отдельного таджикско-узбекского государства.

В марте 1930 года на собрании старейшин в города Кундузе премьер-министр Афганистана Мохаммад Хашим-хан от имени взшедшего на престол короля Мухаммеда Надир-шаха, потребовал от курбаши Ибрагим-бека, сложить оружие. На что Ибрагим-бек ответил отказом: *«Мое оружие не направлено против Афганистана. Оно наше, мы его добыли в бою».*

По обе стороны реки Амударьи издревле проживало большое количество родственных племён и народов: узбеков, туркмен, казахов, киргизов, таджиков и памирских народов.

Ибрагим-бек, вытесненный с Советской территории за Амударью, за короткий промежуток времени, организовал в северо-восточном Афганистане военную деятельность – создал плацдарм, пополнял резервы и наладил мобилизацию в свои отряды местного населения. Зоной его влияния стал обширный участок афганской территории, с востока на запад, от Бадахшана до Фарьяба, и на юг, до Андараба.

Присутствие в северных районах Афганистана многочисленного, хорошо организованного, неподконтрольного официальной власти формирования курбаша Ибрагим-бека, сеющего сепаратистские настроения среди местного пуштунского населения и способного отторгнуть эти территории, очень беспокоило Кабул.

Постоянные вооружённые налёты басмаческих отрядов, с афганской – на советскую территории, дестабилизировали обстановку в Республиках Советской Средней Азии и очень осложняли отношения с южным соседом. Москва была заинтересована в ликвидации тыловой инфраструктуры басмаческих формирований, базирующихся в приграничных с Советским Союзом, районах.

Совпадение интересов обоих государств привело к согласию короля Мухаммеда Надир-Шах на проведение на афганской территории спецоперации отряда РККА.

В конце июня 1930 года в штабе войск САВО был разработан план операции по уничтожению в северном Афганистане баз тылового обеспечения басмаческих отрядов и самих её членов.

Реализуя план операции, у поста Айвадж, перед пересечением советско-афганской границы, сводный отряд красноармейцев был подробно проинструктирован о том, что выполнение задач операции предусматривает вторжение на сопредельную государственную территорию, и требует

предельно корректного и уважительного отношения к местному населению, к их национальной, религиозной принадлежности, а также к их хозяйству и имуществу. На случаи расчётов с местным населением за услуги или, имущество, а также его неумышленную порчу, отряд был обеспечен казёнными денежными средствами.

Командиром сводного отряда кавалерийской бригады был назначен комбриг Яков Мелькумов, получивший на время рейда мусульманское имя «Якуб Тура».

Форсировав Амударью, отряд вторгся в Афганистан. Продвигаясь вглубь территории на 50-70 километров, отряд Я. Мелькумова не встретил какого-либо противодействия со стороны местной власти и регулярной армии.

Коренное население, недовольное наплывом эмигрантов из-за Амударьи в их числе, членами басмаческих формирований, с их семьями, организовавшими свой быт и занявшими, по их мнению, лучшие наделы земли, активно сотрудничало с отрядом Я. Мелькумова.

Например, они нанимались в отряд Я. Мелькумова проводниками, учитывая необходимость знания местности. Командиры строго следили, чтобы в ходе операции все услуги местного населения были оплачены и бойцы случайно не повредили их собственность. При переправе через реку Ханабад, местное население оказало отряду РККА содействие, а также обеспечило пополнение провиантом.

Ибрагим-бек, узнав о вторжении РККА в Афганистан, в первую очередь уточнил силы отряда и сообщил о них М. Сафар-хану (генерал-губернатору Каттаганско-Бадахшанской провинции, полное имя Мир Мухаммед Сафар-хан «наибуль-хукум»). А сам, чтобы переждать, с отрядом скрылся в горы.

М. Сафар-хан требовал от Ибрагим-бека вступить с отрядом в бой. Однако видя, что части афганской регулярной армии не спешат входить в столкновения с отрядом Я. Мелькумова, басмачи решили, что власть намеренно сталкивает их с РККА. Примеру Ибрагим-бека последовал и другой крупный курбаши Утан-бек, также ушедший с отрядом в горы.

В ходе операции отряд Я. Мелькумова не встретил организованного сопротивления, уничтожив лишь отдельные малочисленные отряды в 30-40 басмачей, охранявших жилища и имущество басмачей под Ханабадом и Алибадом.

Разрушения, причинённые тыловой инфраструктуре басмачей, отрядом РККА Я. Мелькумова летом 1930 года сильно ударили по их боеспособности, но скрывшийся в горах Ибрагим-бек сохранил людей.

По итогам операции были сожжены и разрушены все кишлаки и юрты, заселённые эмигрантами, пришедшими из-за Амударьи: локайцами, кунградцами, коныратами, дурменами (все узбекские племена), туркменами, казахами, киргизами - в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 километров, были полностью уничтожены кишлаки Алибад и Ак Тепе, за

исключением жилищ афганцев. Общие потери басмачей составляли - 839 человек убитыми.

Было захвачено 40 винтовок, взорвано до 17 тысяч патронов, сожжён весь запас басмаческого хлеба, частично угнан и уничтожен скот. Коренного населения действия отряда РККА не коснулись. Возвращаясь с задания, отряд привёл с собой 200 верблюдов, 80 лошадей и 400 баранов.

Краткая справка: Яков Аркадьевич Мелькумов (1885-1962)

Настоящее имя Мелкумян Акоп Аршакович (Арташесович) родился в Гянджинской губернии, армянин. В Первую Мировую войну командовал пулемётным расчётом в кавалерийской дивизии, с 1918 года - член ВКП(б), в 1919 году командир кавалерийской бригады. Участвовал в боях по освобождению Бухары, в 1921-1922 годы сражался против басмаческих отрядов Энвера-паши в Туркестане, в 1922-1931 годы участвовал в разгроме басмаческой Исламской армии, в 1930 году командир сводной кавалерийской бригады САВО.

Отряд под командованием Я. Мелькумова вторгся на территорию Афганистана для ликвидации баз басмачей. В 1935 году, командир бригады Туркменской кавалерийской дивизии, генерал, с 1935-1937 годы, помощник командующего войсками САВО.

В 1937 году был арестован по обвинению в участии в «в антисоветском троцкистском военно-фашистском заговоре в РККА» и приговорён к 15 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Отбывал срок заключения в разных местах ГУЛага на Колыме, в 1954 году был реабилитирован.

«Выписка из журнала военных действий Таджикской группы о басмачах 1 июня 1931года»

В кабинете заместителя полномочного представителя ОГПУ по Средней Азии В.А. Каруцкого обсуждается план задержания курбаши Ибрагим-бека. На совещании присутствовали: командующий войсками САВО, начальник штаба таджикской группы, начальник оперативного отдела, начальник разведотдела, начальник оперативной группы ПП ПГУ, от ОГПУ по Средней Азии: В.А. Каруцкий, Е.В. Кулиничев, начальник организационного отдела политуправления САВО Г.С. Сафразбекян.

«Основной вопрос: где находится Ибрагим Бек, каковы его намерения - высказались все присутствующие. Первым высказался П.И. Кулиничев, который говорил следующее: «Может быть два варианта. По первому варианту - Ибрагим Бек для руководства движением в Сурхан-Дарьинском районе на правобережье пошел туда.

По другому варианту – на юг, для связи с Утан-Бекком. До 28 мая отмечается его движение на юг и 28 мая агентурой он был отмечен в Биш Арча, исходя из сведения от агентуры и сдавшегося в Биш Арча джигита. Какой вариант сейчас можно принять как истинный, сказать трудно. Но активизация правобережья Сурхандарьи говорит за ставку Ибрагим-бека на возможность иметь базу там для развертывания авантюры и поражения басмдвижением Узбекистана, в частности Байсунского района.

По данным Денау, якобы он прорвался южнее Ходжа-Милк, имея целью уйти на Сина и Санг-Гардак. Данные эти пока подтверждения не

имеют. Имеются также агентурные данные о том, что у Ибрагим-Бека была делегация из Бухары, которая звала его в Узбекистан, обещая поддержку. В общем, вывод в основном тот, что Ибрагим-Бек, если еще не переправился через Сурхан, то намерение переправиться имеет. Где он сейчас находится, точно сказать нельзя».

Г.И. Почтер, вопрос о местонахождении Ибрагим-Бека ставит еще более резко. «Говоря об Ибрагиме, надо различать его устремление и его самого. Потерпев неудачу в основном в своем районе Локаи - Таджикской ССР, увидев неудачу своих попыток на севере и на востоке, выжимаемый из Бабатага, - он не отказываясь еще от активных целей, будет искать возможности их осуществить за Сурхандарьей. Почти невозможность для него возврата из Афганистана, еще более усиливает неизбежность для него движения к западу.

Положение в Байсунском и Шерабадском районах говорит о том, что какая-то надежда на успех у Ибрагима еще есть. По существу это путь авантюры. В менее затруднительном положении Ибрагим-Бек на нее не пошел. Сейчас иного выхода нет и он на запад пойдет, потому что не итти – значит сдаваться. Имеющиеся у нас реальные данные противоречивы, но даже и они - показания сдавшихся, некоторые данные агентуры - в большинстве говорят о движении на Байсун. Вывод:

- 1) Устремления Ибрагима-Бека в данный момент бесспорно лежат к западу от Сурхандарьи. Он ждет успеха там, чтобы опираясь на него возобновить движение в тех районах, где он перед тем потерпел неудачу.
- 2) Сам Ибрагим-Бек может сейчас и не быть в Байсунском районе, а выжидать результатов издали. Надо искать его в Бабатаге и в Арктау, но более чем возможно считать его нахождение в Денаусском или Байсунском районе к западу от Сурхандарьи».

П.М. Замятин отметил, что прямых реальных указаний на переход Ибрагим-Бека через реку Сурхандарья все-таки нет и что более блестящая гипотеза Г.И. Почтера построена, главным образом, на моментах умозрительного порядка. С другой стороны, и наша авиация, и агентура в Бабатаге наличие банд еще отмечают, а также фиксируют нахождение Ибрагим Бека в районе Биш-Арча до 30 мая. База для развертывания его авантюры на правобережье пока еще не подготовлена.

Переход Ибрагим-Бека через Сурхандарью - это сожжение за собой еще одного лишнего моста с точки зрения возможности реэмиграции в Афганистан. Бабатаг же является центральным районом, откуда Ибрагим-Бек может двигаться и в Байсунский и Шахризьябский районы и в Кабадинский район в том случае, если подготовка к аванюре на правобережье Сурхана окончится фиаско, и он вздумает реэмигрировать.

Ф.П. Котт говорит, что оценивая положение Ибрагим-Бека не надо забывать, что он не обладает тем мощным аппаратом связи и информации, которым обладаем мы. Все те сведения, о поражении отдельных кусков басмачества, о массовой сдаче вождей, до него и частично не доходят или

доходят в искаженном виде, а многие он считает просто провокационными слухами.

Поэтому совершенно естественно, что Ибрагим Бек не чувствует своё положение явно безнадежным. Он не считает, что Чалтау-Тереглитаусский район, Локай-Таджикский район для него утеряны безвозвратно. С другой стороны, совершенно ясно, что на правом берегу Сурхана для Ибрагима база еще не подготовлена. Пока туда он вряд ли пойдет, тем более что это не его район и прямых связей у него там нет.

Совершенно естественно, что в настоящее время он находится в Бабатаге и выжидает прояснение обстановки. Ибрагим-Бек за Сурхан во всяком случае не пошел и 90 из 100 за то, что он сейчас находится в Бабатаге. Может быть он потом и пойдет за Сурхандарья, но вернее всего он пойдет вновь на восток.

Г.С. Сафразбекян говорит, что конечно, Ибрагим-Бек отлично знает о безнадежности своего положения, о поражении басмачества, но не признает его для других. Его задача в данное время всячески закрепить за собой то окружение, которое вокруг него к данному моменту имеется, не допустив его окончательной деморализации. Для этой цели он пускает все возможные средства. Тут и слухи о победах, и приёмы делегаций.

Конечно, он действует не по какому-то плану, а идет и делает то, что позволяет ему в данный момент обстановка. Зовут его в Бухару - он распускает слухи, что идет в Бухару, а пойдет туда, если представится возможность, одновременно с этим он старается поддерживать связь с востоком и северо-востоком. На сегодняшней стадии он пытается активизировать Байсунский и Шерабадский районы.

В.А. Каруцкий: Ибрагим-Бек, безусловно вытеснен из северного и Центрального Бабатага на юг. Будем искать его на юге. И по обоим берегам Кафирнигана и на правом берегу от Сурхандарьи также вполне возможно, так как база Ибрагима-Бека в Таджикистане разрушена. Ишхабад-Байсун для него новая база. Кстати, там сейчас раскрыт ряд новых контрреволюционных группировок. Налицо ряд антисоветских выступлений. Налицо прорывы по линии советской работы. Середняк ущемлен.

Вследствие всего этого контрреволюционные выступления и работа АСЭ находят известный отклик среди основных слоев населения. Об этом Ибрагим знает от скотоводов, бежавших после раскулачивания из Байсуна в Бабатаг. Для них Ибрагим и надежда, и крупная политическая фигура. Конечно, там нет таких особенных контрреволюционных организаций, о которых говорил Г.И. Почтер. Все это обыкновенные кулацкие и ишанские группировки. Кроме того, вокруг Ибрагима-Бека имеется несколько лиц, тесно связанных с Байсуном.

Ибрагима надо искать, но надо одновременно парализовать базу для возможного развертывания там Басмдвижения. Это работа ГПУ. Мы центр тяжести своей работы перенесем туда. По войсковой линии мы надеемся,

что Н.А. Грязнов примет соответствующие меры для того, чтобы нанести имеющимся на правом берегу басмшайкам сокрушительный удар.

Н.А.Грязнов: «По поводу выступления тов. Ф.П. Котт говорит, что оно свидетельствует о полной недооценке Ф.П. Котт результатов той работы, которая была проделана в Таджикистане в процессе борьбы с басмачеством. Говорить так, как говорит Ф.П. Котт, - значит не заметить полного перерождения Таджикистана. Политически басмачество бито. Положение Ибрагима в Бабатаге безусловно выжидательно. Наша центральная задача – изловить Ибрагима Бека, опираясь на четкую работу органов ОГПУ.

Куда пойдет Ибрагим-бек? - Туда, где меньше войск. Для самосохранения он может вернуться и в Арук-Тау и в Чалтай, равно как и пойти в Афганистан, но только отнюдь не по какому-то заранее намеченному плану, а исключительно с целью самосохранения. Сейчас на ближайшее время, центральным районом является Бабатаг. Но мы должны быть готовы в любую минуту обрушиться и уничтожить все, что находится на правом берегу Сурхандарьи - со всей страстностью прикрывая южные направления против прорыва Ибрагима за кордон».

После задержания и расстрела Ибрагим-бека 1932 году, вынужден констатировать, что дальнейшая судьба вышеуказанных военачальников, принимавших непосредственное участие в задержании Ибрагим-бека, сложилась не менее драматичнее, чем у самого курбаши:

Каруцкий Василий Абрамович (1900-1938), член ВКП(б) в 1920 года, видный деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, начальник Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии; Заместитель полномочного представителя ОГПУ по Средней Азии; заместитель начальника IV-го отдела ГУГБ НКВД СССР; с 23 июня 1929 года по 15 августа 1931 года - начальник Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии; с 23 июня 1929 года по 15 августа 1931 года - заместитель полномочного представителя ОГПУ по Средней Азии, комиссар государственной безопасности 2-го ранга, с 5 апреля 1938 года - член коллегии НКВД СССР. **Предвидя неминуемый арест, пытался застрелиться 13 мая 1938 года, в тот же день умер в больнице.**

Сафразбекян Геворк Садатович (1900-1937), член ВКП(б), с сентября 1929 года начальник организационного отдела политуправления Среднеазиатского военного округа. Последняя должность - главный политический инструктор Монгольской Народно-революционной Армии, воинское звание - дивизионный комиссар. **Обвинён в участии в антисоветской организации, арестован 29 июля 1937 года, осуждён и ВКВС СССР 10 сентября 1937 года приговорён к высшей мере наказания - расстрелу. Реабилитирован ВКВС СССР - 23 ноября 1955 года.**

Котт Федор Павлович (1894-1937), член ВКП(б), воинское звание полковник - начальник штаба 20-й конно-стрелковой дивизии. Арестован 5 отделом УГБ НКВД Грузинской ССР, Тройкой судей при НКВД Грузинской ССР, обвинялся в контрреволюционной военной организации, ведении контрреволюционной обработки военнопленных, вовлечении в контрреволюционную организацию новых лиц. ПАПКА - АП РФ, оп.24, дело 412, лист 30. **По приговору по статье 58-1-б, 58-8 УК ГССР**

осуждён 9 ноября 1937 года и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией личного имущества. Расстрелян 10 ноября 1937 года.

Почтер Григорий Исаакович (1899-1939), член ВКП (б) слушатель Военной Академии Генштаба РККА, майор, с июня 1929 года помощник начальника разведотдела штаба Среднеазиатского Военного округа. По обвинению шпионаже и участии в контрреволюционном военном заговоре, **арестован 15 декабря 1937 года, осуждён ВКВС СССР - 14 марта и расстрелян 8 мая 1939 года. Реабилитирован ВКВС СССР 19 марта 1957 года**

Кулиничев Евгений Васильевич (1901-1940), член ВКП(б) с 1919 года. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1921 года. Подвергался репрессиям. Осуждён Военным трибуналом войск НКВД Среднеазиатского военного округа, **25 декабря 1939 года, обвинён по статье 132 пункт «б» УК Узбекской ССР, к высшей мере наказания – расстрелу.**

Грязнов Иван Кенсоринович (1897-1938), член ВКП(б) с 1922 года, командир корпуса (1935), с ноября 1930 года помощник командующего войсками Среднеазиатского военного округа, участник боевых операций по ликвидации басмачества на территории среднеазиатских республик СССР, с июня 1937 года - командующий войсками Среднеазиатского военного округа.

Член ЦИК СССР, член Военного совета при наркомате обороны СССР. Уволен из рядов РККА 11 августа 1937, в связи с начатым расследованием, **арестован 18 января 1938 года ВКВС СССР, 29 июля 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре приговорен к высшей мере наказания - расстрелу.**

«УНИОН» и «ФААЛ». АФГАНСКИЙ ПРОЕКТ «АБВЕРА»

В 1935 году с целью экономической и военной модернизации Кабульское Правительство взяло курс на сотрудничество с Германией. К 1936 году значительно возрос объём товарооборота, суммы контрактов коммерческих сделок на поставки оружия в Афганистан.

В 1938 году между Кабулом и Берлином было открыто еженедельное воздушное сообщение. Военно-строительная организация Фрица Годта занималась планированием и надзором за крупными инфраструктурными проектами: дорогами, мостами, аэродромами, промышленными предприятиями. Германское военное руководство претворяло в жизнь программу оснащения и подготовки личного состава афганских вооруженных сил, приводя их в соответствие с западными стандартами.

За два года товарооборот Германии с Афганистаном увеличился в десять раз. Помимо финансовой выгоды в сделках, Кабульское Правительство видело в Германии полезный и не угрожающий противовес Советскому Союзу и Англии. И Лондон, и Москву тесное сотрудничество Германии и Афганистана не устраивало, однако изменить внешнеполитический курс этих государств на том этапе они не могли. Король Захир-шах и Премьер-министр Мухаммед Дауд свели к минимуму уровень английского и советского присутствия в Афганистане. Сторонником

укрепления сотрудничества с фашистской Германией, в афганском Правительстве, был Абдул Маджид - министр национальной экономики.

С лета 1939 года А. Маджид активно взаимодействовал с начальником управления внешней политики национал-социалистической партии Германии Альфредом Розенбергом и получал от него повсеместную поддержку.

Министерство иностранных дел под руководством Иохима фон Риббентропа придерживалось иной точки зрения, и критически оценивала сохранения контактов Кабульского Правительства с Лондоном и считало необходимым сменить действующую власть во главе с королём Захир-шахом и вернуть на трон свергнутого в 1929 году, бывшего короля Аманулла-хана, живущего в изгнании в Риме, Италия. В спор вмешался А. Гитлер, решив его в пользу режима короля Захир-шаха.

В 1939 году, как не парадоксально, Берлин был заинтересован в советском наступлении через Афганистан в Индию и выходу к Индийскому океану. Таким образом, достигался конфликт интересов между Москвой и Лондоном, в чём Берлин был заинтересован.

К маю 1940 года британский штаб в Индии даже разработал План «А» меры противодействия советскому вторжению в Афганистан. Однако главной задачей англичан было защитить Индию (надо отметить государства Пакистан тогда ещё не существовало. Он существовал в границах Индии).

С этой целью англичанами был разработан план по формированию одной бронетанковой дивизии, пяти пехотных дивизий, отдельной пехотной бригады, однако фактически применимы были лишь четыре пехотные бригады. Исходя из затрудняющих выполнение данного плана обстоятельств, был принят «временный», значительно упрощённый.

После капитуляции Франции в 1940 году, министр национальной экономики Афганистана Абдул Маджид заявил о готовности Эмирата к активной поддержке государств Оси и проведению на приграничной с Индией полосе «Линии Дюранда» (позже это будет граница с Пакистаном) политики подстрекательства пуштунских племён на восстание против британской Индии, сковывая, боевую мощь Англии.

Немецкий министр в Кабуле телеграфировал в Берлин, что афганское Правительство в обмен на присоединение к Оси (Германия-Италия-Япония), рассчитывает получить от Германии гарантии, расширение своей территории на севере, приграничье с СССР и выхода к морю на юге (к портовому городу Карачи), а также поставок военных самолётов, артиллерийских орудий и танков.

В сентябре 1940 года в Берлине А. Маджид сделал официальное заявление с требованием «освобождения» Англией, пятнадцати миллионов афганцев (пуштун), живущих в британской колонии в Индии. Оправдывая демарш в пользу Германии, Афганистан обратился с просьбой, предоставить её вооружённым силам определённое количество лётательных аппаратов и сообщил о притязаниях, в связи с исторической справедливостью, на

обширную территорию Индии, простирающуюся до реки Инд. Подобные предложения звучали неоднократно на разном уровне и различных форумах, вплоть до июня 1941 года.

До апреля 1940 года, среди сотрудников военно-строительной организации Фрица Тодта в Афганистане находилось несколько немецких разведчиков. Позже к ним присоединился гауптман Морлок из Абвера. Он привёз в Афганистан с собой две тонны «дипломатического багажа»: стрелковое оружие, 20-мм артиллерийскую пушку и запасы боеприпасов.

Новая группа разведчиков прибыла в июле 1940 года. Она работала под прикрытием исследовательской группы учёных, изучающих проказу на границе с Индией. С этой целью группа отправилась на приграничную полосу и начала кампании по подготовке диверсий и восстаний. На месте, агенты Абвера осуществили ряд диверсионных операций, в ходе которых был снесен мост, испорчена радиостанция, и совершено проникновение на территории Индии в глубину до тридцати километров.

В июле 1940 года агенты Абвера были преданы проводниками по местности и были задержаны британским патрулём из числа «английских десантников». По некоторым данным, два агента Абвера при задержании были расстреляны, остальных англичане захватили в плен.

С началом операции «Барбаросса» в июне 1941 года, союзничество государств претерпело изменения. Советский Союз, давний соперник Британской империи в Центральной и Южной Азии, временно стал её союзником, а Германия стала врагом СССР и Англии.

Использовать интересы Англии в противовес СССР и, наоборот, Афганистану, на текущем этапе, было не по силам. По итогам англо-советского вторжения в Иран («Иранская операция» 25 августа – 17 сентября 1941 года), Афганистан оказался окружён союзниками. Для Кабула это был сигнал - его может постигнуть та же участь, что и западного соседа. Поэтому Кабульское правительство осталось без выбора и в октябре 1941 года подчинилось совместному англо-советскому требованию «об изгнании всех немцев и итальянцев».

Однако, придерживаясь статуса нейтрального государства, Правительству Афганистана удалось оставить ограниченную группу дипломатических работников стран Оси. Остальные - 206 граждан отправились в нейтральную Турцию под гарантии свободного прохода через Пешавар, Карачи, Басру и Багдад. Другие группы итальянских и немецких дипломатических сотрудников были высланы в сентябре 1943 года.

По прошествии времени, с началом перелома во Второй мировой войне, статус нейтрального государства являлся главной гарантией безопасности Кабульского режима, до последнего момента, не разрывавшему дипломатические отношения с Берлином.

В случае победы фашистской Германии над Советским Союзом и наличие на севере немецких танков, Афганистан незамедлительно ввязался

бы в войну с союзниками, желая добиться от Британской Индии изменения границ.

Тем не менее с началом Второй Мировой войны, Правительство короля Захир-шаха оказалось прагматичным и объявило об официальном и правовом нейтралитете в военном конфликте.

Нападение фашистской Германии на СССР в среднеазиатской эмиграции на севере Афганистане и в среде Кабульской эмиграции встретили с воодушевлением. Эмигранты, живущие в Кабуле, видели в Гитлере своего «спасителя». Курбаши басмаческих формирований, оставшиеся на севере страны, начиная с июля 1941 года приступили к подготовке нападения на советскую территорию. Дети богатых эмигрантских семей, предвидя скорую победу фашистской Германии над Советским Союзом, начали спешно изучать немецкий язык.

Афганская монархия наблюдала за происходящими событиями на фронтах Великой Отечественной войны (ВОВ), не спешила предпринимать активные действия по установлению контроля над северными территориями, входя в конфликт с многотысячными формированиями басмачей.

Кабул ждал удачного момента, когда Советский Союз будет повержен, и Афганистану представится исторический случай установить власть над территориями, некогда принадлежавшими Бухарскому Эмиру и Хивинскому Хану, используя силы басмаческих формирований, вторгшихся на соседнюю территорию.

В докладе средневосточного отдела Народного Комиссариата иностранных дел от 4 апреля 1942 года отмечалось, что группа афганских военных во главе с принцем Мухаммедом Даудом разработала план нападения на Советский Союз. Кабул считал переброску частей РККА с советско-афганской границы на фронта ВОВ делом ближайшего времени, и это обстоятельство, по его мнению, позволит Афганистану овладеть Хивой и Бухарой силами всего одной дивизии.

С целью использования басмаческих формирований против СССР, король Захир-шах заключил с живущим в эмиграции в Кабуле сверженным Эмиром Бухары Сеидом Алим-ханом, секретное соглашение, в заключении которого у курбаши были свои интересы. Известно, что в августе 1941 года курбаши крупного туркменского формирования Кызыл Аяк написал в адрес премьер-министра Хашим-хана письмо, в котором просил взять под своё покровительство Бухару, от себя выразив готовность поставить под ружьё до 40 тысяч вооруженных туркмен.

В ответ Премьер-министр Хашим-хан попросил Кызыл Аяка держать свои формирования в полной боевой готовности, сообщив, что удобный момент для нападения на СССР будет представлен после взятия вермахтом Москвы и Ленинграда. К лету 1941 года германская и японская дипломатические миссии установили устойчивый контакт со всеми крупными курбаши среднеазиатского басмачества. «Мародёры», так в

оперативной переписке называлась обширная агентурная сеть Абвера, действовавшая в Афганистане в годы ВОВ.

Афганистан в планах Третьего рейха имел стратегическое значение, его территория могла быть использована для нападения на СССР с юга, а также как плацдарм для наступления Германии на Индию.

17 февраля 1941 года начальник генерального штаба Вермахта Франц Гальдер по распоряжению А. Гитлера приступил к разработке плана операции «Аманулла», который в черновом варианте был завершён уже к апрелю 1941 года. В соответствии с планом - 4 (четыре) тысячи десантников должны были овладеть Кабулом и сменить режим Захир-шаха. Затем войска Вермахта направлялись к границам Британской Индии и при поддержке восставших пуштунских племён захватить её.

Из доклада начальника генерального штаба Вермахта А. Гитлера также следовало, что для реализации плана операции будет необходимо привлечь силы 17-ти дивизий: шести горнострелковых, 4-х пехотных, 4-рх моторизованных и 3-х других подвижных соединений.

В директиве верховного главного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) и главного командования сухопутных войск (ОКХ) № 32 от 11 июня 1941 года говорилось: «После достижения целей операции «Барбаросса» дивизии вермахта должны будут вести борьбу против британских позиций на Средиземном море и в Передней Азии путем концентрической атаки из Ливии через Египет, из Болгарии — через Турцию, а также в зависимости от обстановки из Закавказья через Иран». Планировалось в ноябре 1941 года захватить Северный Кавказ, до мая 1942 года форсировать Главный Кавказский хребет и в июне выйти на позиции в районе Тебриза (Иран). По утверждению германского историка Андреаса Хилльгрубера, к осени 1941 года должна была быть создана база для операции в Афганистане, «откуда можно было бы угрожать Индии, сердцу Британской империи».

С целью адаптации личного состава к участию в боевых действиях в странах с жарким климатом (в тропических и субтропических регионах) в Греции было сформировано специальное ударное подразделение Вермахта — «соединение Ф». К 17-ти вышеупомянутым дивизиям планировалось присоединить и «тюркскую дивизию», скомплектованную из числа советских военнопленных-мусульман, уроженцев Средней Азии. Для идеологической работы в подразделениях с личным составом, состоящем из мусульман, готовились «войсковые муллы».

Казалось, ничто уже не предотвратит втягивание нейтрального Афганистана во Вторую мировую войну, однако поражение немцев под Москвой, а затем и на Кавказе, нарушило планы германского руководства. Несмотря на ход военных событий ВОВ не в пользу фашистской Германии, по утверждению германского историка Шрёдера, в Афганистане в 1943 году, всё же были созданы базы, предназначенные для нападения на Индию.

В декабре 1941 года, в самый разгар Битвы под Москвой, советское руководство решило активизировать противодействие Абверу и разведкам стран «оси» в Афганистане. Стояла задача не допустить отказа Афганистана от политики нейтралитета и скатывания к участию в Мировой войне южного соседа на стороне стран Оси.

Важным было также пресечь планы Третьего рейха по захвату Индии. Огромная заслуга в этом принадлежит советской внешней разведке и лично Михаилу Андреевичу Аллахвердову (1900-1968), руководителю Кабульской резидентуры в годы ВОВ.

В августе 1941 года, по просьбе германской дипломатической миссии, японский поверенный Кацуби встретился с бывшим Эмиром Бухары Сеидом Алим-ханом с целью поиска вариантов возможного сотрудничества против СССР. Сам Сеид Алим-хан отказался от сотрудничества, однако его окружение и многие курбаши начали активное взаимодействие с агентами разведки Германии и Японии, обещавшими большие финансовые средства на организацию партизанской деятельности на территории Советских Среднеазиатских республик.

Один из наиболее влиятельных узбекских курбаши Махмуд-бек в начале 1920-х годов был выдавлен с отрядом из Средней Азии в северный Афганистан. Однако ему удалось сохранить на советской территории хорошо функционирующую разветвлённую агентурную сеть по сбору сведений о текущей ситуации в Среднеазиатских республиках. Являясь ценным поставщиком информации, он умело продавал сведения разведкам разных стран, сколотив на этом приличное состояние.

Когда в сентябре 1941 года Абвер пришёл к необходимости создания агентурно-диверсионной организации под кодовым названием «Унион» то выбор, в качестве руководителя, пал на Махмуд-бека. Это стало началом деятельности узбекского курбаши Махмуд-бека в качестве резидента Абвера среди узбекской и туркменской эмиграции в Афганистане.

«Унион» (1941-1942), она же «Фаал» (1942-1943) - проект германской разведки «Абвер», антисоветская (антисоюзническая) разведывательно-диверсионная организация была создана в начале 1941 года с целью сбора секретной информации и организации подрывной деятельности басмаческих формирований против Советского Союза (Среднеазиатских советских республик).

В период Второй мировой войны Махмуд-бек был агентом турецкой, японской и германской разведок. В 1942 году под давлением Советской и Английской дипломатических миссий, указывающих на не соответствие отдельных дипломатов стран Оси, декларируемой деятельности, Кабульское Правительство, объявило персонами нон-грата японского посла Китады и Махмуд-бека и решило выслать обоих из страны.

На это решение турецкий посол пригрозил Премьер-министру Хашим-хану, совершить демарш и приспустить государственный флаг над посольством Турции в Кабуле. Во избежание осложнения дипломатических отношений с Анкарой, афганское руководство придержало это решение, рекомендовав Махмуд-беку не покидать Кабул.

Осенью 1941 года К. Расмус и Д. Витцель, сотрудники германской дипломатической миссии в Кабуле и резиденты внешнеполитической

разведки «Абвер» в Кабуле приказали Махмуд-беку в северо-восточном афганском городе Баглан создать опорный пункт для переброски в СССР немецких агентов. С этой целью Махмуд-беку от немецкой миссии в Кабуле было передано 40 тысяч афгани.

На выполнения приказа данных средств было недостаточно. Однако, чтобы укрепить сотрудничество и доказать К. Расмусу и Д. Витцелю свой потенциал и обосновать увеличения денежных субсидий, Махмуд-бек, доложил о создании для Абвера двух, вместо одного, опорных пунктов в северо-восточном Афганистане: в городах Баглан и Кундуз. К сказанному Абверу, Махмуд-бек добавил — о вербовке им бывшего офицера Хамра Гуль-бека, который с осени 1941 года возглавил опорный пункт Абвера в Баглане.

В Кундузе в распоряжение Абвера Махмуд-бек предоставил две явки. Успехи деятельности Махмуд-бека по созданию своей агентурной сети в Афганистане полностью удовлетворили начальство Абвера.

В ноябре 1941 года Махмуд-бек получил от Абвера приказ на ускорение организации шпионской разведывательной сети в Среднеазиатских республиках СССР. Для этого ему было приказано вербовать агентов из числа советских граждан в Средней Азии, наладить сбор информации о политической обстановки в данном регионе. К. Расмуса поручил также, начать подготовку диверсионных групп для переброски на Советскую территорию.

Накануне наступления вермахта на Сталинград и Кавказ Д. Витцель получил из Берлина приказ создать в советских Среднеазиатских республиках обширную шпионско-диверсионную сеть. Бывший немецкий посол в Кабуле Ганс Пильгер позже вспоминал, что резидент Абвера Д. Витцель в 1942 году, планировал развитие обширной агентурной сети на территории южных районов Туркменской ССР, Таджикской ССР и Узбекской ССР.

В большей степени, по мнению Г. Пильгера, по заданию Абвера, Д. Витцель уделял созданию антисоветского подполья именно в Туркменской ССР. Поэтому, в первую очередь, Абвер планировал организовать взаимодействие с туркменским басмачеством. Поскольку туркменская эмиграция в Афганистане обладала наиболее многочисленными формированиями, способными в нужный момент возобновить нападения на приграничные с Афганистаном территории. По разведывательным данным Д. Витцеля туркменские формирования в Афганистане могли поставить под ружьё до 11 тысяч басмачей.

По данным английской разведки, обладающей обширной агентурной сетью среди басмачества, в марте 1942 года, туркменская эмиграция была способна выставить около 10 тысяч воинов. По сравнению с 1939 годом, к весне 1942 года, численность туркменских формирований, базирующихся в 3–5 км от советской границы, возросла в 2 раза.

Это свидетельствовало о том, что в 1942 году басмачество было способно к нападению и ждало приказ к возобновлению налётов на территорию СССР. В декабре 1941 года наиболее влиятельный лидер туркменского басмачества Кызыл Аяк сориентировал свои отряды к готовности к вторжению на советскую Среднюю Азию уже летом 1942 года.

Другой крупный узбекский курбаши Курширмат (Шер Мамед), называющий себя главнокомандующим достиг с К. Расмусом договорённости о взаимодействии с фашистской Германией против Советского Союза. Курширмат утверждал, что в обмен на финансовую помощь он и его люди:

- способны подготовить и заслать диверсионные группы на территорию Советских Среднеазиатских республик для уничтожения мостов, линий связи и складов с продовольствием;
- сформировать партизанские формирования в этих республиках и подготовить площадки для приема немецких десантов;
- осуществлять диверсии против советских аэродромов.

Посольство Германии в Кабуле гарантировало курбаши басмачей обеспечение оружием и лошадьми. Д. Витцель и К. Расмус в начале 1942 года рекомендовали Махмуд-беку представить списки среднеазиатской эмиграции, участвующей налётах на СССР. Резиденты Абвера в Афганистане обещали Махмуд-беку и дружественным ему курбаши выделение немецкой миссией в Кабуле денежных средств для обеспечения оружием и лошадьми.

Для большего выманивания средств у Абвера, узбекские и туркменские курбаши, через Махмуд-бека, направили К. Расмусу и Д. Витцелю списки, в несколько раз завышающие фактическую численность своих формирований. Кызыл Аяк в 1942 году представил Абверу численность 40 тысяч своих воинов и, столько же по его словам, туркмен вольются в его отряды, получи они от Германии вооружение или денежные средства на его покупку, необходимые для нападения на СССР. Обладая войском численностью не более 10 тысяч басмачей, Кызыл Аяк в докладе Абверу завысил его в 4 раза.

Так до мая 1942 года, резидентом Абвера в среде узбекского и туркменского басмачества был назначен Махмуд-бек, который при поддержке Абвера к весне 1942 года создал в Северном Афганистане антисоветскую организацию, получившую название «Унион». Цель данной организации состояла в отвоёвывании территории Бухарского эмирата и возвращение на престол бывшего Эмира Сеида Алим-хана.

Усилия Абвера и японской разведки по провоцированию басмаческих нападений на советскую территорию были на контроле разведки СССР, имевшей широкую агентурную сеть в Северном Афганистане. На определённом этапе, Советской разведкой было принято решение перевербовке Махмуд-бека за денежные средства и получить исчерпывающую информацию об «Унионе». В начале 1942 года советская разведка «вела» деятельность Абвера и антисоветских эмигрантских организаций в Северном Афганистане.

В мае 1942 года Махмуд-бек был арестован афганской полицией по запросу Англии. Оказалось, что К. Расмус использовал Махмуд-бека не только для получения сведений о шпионско-диверсионной деятельности против Советского Союза, но и сбора разведывательной информации об обстановке в Британской Индии.

На этапе успешного наступления немецко-фашистских войск на Сталинград и Кавказ летом 1942 года, антисоветские организации, сформированные из числа среднеазиатской эмиграции в северном Афганистане, начали активную подготовку к нападению на Советский Союз. Выход из игры Махмуд-бека на незначительный срок дезорганизовал басмаческое сообщество. Летом 1942 года Абвер создал в Афганистане новую антисоветскую организацию «Фаал». Хотя в Абвере, её продолжали называть старым наименованием — «Унион».

Бывший Эмир Бухары Сеид Алим-хан после настойчивых уговоров близкого окружения и курбаши басмачества, начал сотрудничество с агентами разведок Германии и Японии, разрешив сыну Умар-хану стать членом организации «Фаал». Также для организации басмаческих нападений на территорию Советских Среднеазиатских республик, Сеид Алим-хан продал некоторые свои крупные драгоценные камни.

Говоря о дипломатической миссии германских атташе по экономическим вопросам К. Расмус и Д. Витцель, одновременно представителей службы адмирала Вильгельма Ф. Канариса «Абвер» в Афганистане, советской разведке было хорошо известно об их фактическом предназначении и широких неформальных контактах в афганском истеблишменте, далеко выходящих за рамки коммерческих вопросов.

В рамках деятельности Абвера по созданию агентурной сети особенно важным было использование агентов влияния в афганском истеблишменте.

На разного рода мероприятиях, организованных в Кабуле германскими дипломатами К. Расмусом и Д. Витцелем, в числе приглашённых гостей можно было встретить военного министра Шах Махмуд-хана, начальника генерального штаба Мустафу-хана, руководителя его оперативного управления Саражуддин-хана, начальника управления военной разведки Мухаммеда Анвар-хана, командира центрального армейского корпуса Дауд-хана, командира кавалерийской бригады Султана Ахмед-хана многих других военачальников из высшего афганского командования.

Историческая справка: торгово-дипломатический корпус фашистской Германии накануне ВОВ имел самый многочисленный состав, по сравнению с другими государствами - более 300 (трёх сот) человек. Практически во всех министерствах и ведомствах Афганистана, работали германские советники, а в вооружённых силах и полиции обучали инструктора из Германии. В соответствии с торговым соглашением между Германией и Эмиратом Афганистан 1939 года, первая закрепила за собой монопольное право направлять в Афганистан специалистов для работы на объекты промышленности и строительства. В 1938 году Кабульское Правительство получило беспроцентный кредит на закупку в Германии вооружения и боеприпасов. Всё это Абвер использовал это в своих интересах.

В Афганистане к немцам относились как к особой касте, в отличие от других иностранцев, им разрешалось носить огнестрельное оружие, они обладали правом общаться с местным населением, связь с другими иностранцами, по афганским законам, грозила тюрьмой.

Германская разведка активно практиковало различные варианты поощрения и подкупа, привлекая себе сторонников в разных ячейках афганского общества. Все эти акции они называли ничем иным, как «забота фюрера, борющегося против исконных врагов ислама - Англии и России».

11 июля 1941 года министр иностранных дел фашистской Германии Иохим фон Риббентроп наделил полномочиями посла Германии в Кабуле Г. Пильгера предложить королю Захир-шаху заключить афгано-германский договор о сотрудничестве с Германией, что влекло отказ от традиционного нейтралитета. Захир-шах дипломатично уклонился от этого предложения.

А 1 ноября 1941 года на Лойя Джирге (всеафганском совете старейшин) - сто наиболее авторитетных вождей афганских племён, высшего духовенства и представителей власти, постановили:

«Никакому иностранному государству ни в какой форме не будет позволено занять всю или часть афганской территории или использовать нашу дорогую родину для проведения военных действий, или получить у нас какие-либо привилегии во время войны».

И фактически, нейтралитет Афганистана в целом соблюдался.

Сеид Мубашир-хан Тирази и «Фаал»

Наблюдая за возросшей активностью германской дипломатической миссии и военной разведки Абвер в «нейтральном» Афганистане, Москва высказала афганскому Правительству ноту протеста. В ответ Кабул заверил Москву в том, что деятельность германской миссии не выходит за пределы территории ближе 30-ти километров от советской границы.

Однако после вывода советской разведкой из «проекта» Абвера Махмуд-бека, следующим руководителем организации «Фаал» был назначен Сеид Мубашир-хан Тирази (агентурный псевдоним Ханза). В руководство подпольной организации «Фаал» также вошли крупные курбаши Курширмат, Нурмамад (Нур Мухаммед), Абдул Ахад Кара и представитель бухарского эмира Хаджи Бафа.

Занимаясь сбором разведывательной информации в интересах Абвер и японской разведки, Сеид Мубашир-хан Тирази одновременно занимался подготовкой басмаческих формирований к походу на Бухару. В сообщении Г. Г. Пильгера от 24 июля 1942 года в Берлин писалось:

«Духовная в своем существе национал-туркестанская тайная антибольшевистская организация «Унион» и состоящая внутри нее особо тайная структура «Лига», которая создана специально для восстановления Бухарского эмирата, возглавляется самим эмиром (в дальнейшем Ауди). Но поскольку он опасался неприятностей со стороны афганского правительства,

оказавшего ему гостеприимство, то на первый план им выдвинут «Ханза», сын которого помолвлен с одной из его дочерей. Сам «Ауди» держался в тени

Ханза являлся непосредственным руководителем проектов «Унион» и «Лиги», получал от Абвера финансирование и лично отвечал за налаживание контакта между Советским Туркестаном и Афганистаном, за подготовку к отправке войсковых подразделений в Туркестан, за контакт «Фаал» с прибывшими в Туркестан и северный Афганистан, для введения боевых действий германских войск.

План «Униона» планировал к весне 1943 года, с открытием горных проходов в Северном Афганистане, сформировать и вооружить 20–30 тысяч басмачей, участвующих в освобождении Бухары. Германия взяла на себя обязательства предоставить «Фаал» поддержку не только финансовыми средствами, но и вооружением.

Доставку вооружения должны были обеспечить немецкие самолёты люфтваффе. В планы Абвера входила высадка в Среднеазиатских советских республиках, в первую очередь в Туркменской ССР, диверсионных групп, укомплектованных солдатами и офицерами «Туркестанского легиона». В Польше, близ города Вроцлав, была создана секретная тренировочная база под названием «Лесной лагерь СС-20» или «Главный лагерь Туркестан» на ней велась подготовка диверсантов.

Для формирования единой и управляемой силы, координирования её действий, Германия и Япония прикладывали усилия по объединению разрозненных басмаческих формирований, затем чтобы весной 1943 года они выступили на территорию СССР. Для выполнения данных задач «Фаал» образовал в Кундузе свой центр и оттуда планировал расширить агентурную сеть в Советских среднеазиатских республиках.

К тому времени, связной Сеида Мубашир-хана Тирази установил контакт с курбаши киргизских басмачей Камчи-беком, он с сентября 1941 года совершил вооружённую вылазку на советскую территорию. Курбаши договорились о совместных действиях, и Камчи-бек стянул свои формирования к советской границе. Туркменский курбаши Кызыл Аяк также подтвердил готовность начать наступление на советскую территорию.

В конце лета 1942 года центр «Фаал» в Кундузе доложил германскому посольству в Кабуле, что на севере Афганистана басмаческие отряды в количестве 70 тысяч человек, ждут приказа выступить против Советского Союза. Однако, де-факто, лишь 15 тысяч из них были вооружены. Сообщая немцам существенно завышенную численность группировки басмаческих формирований, руководители «Фаал» претендовали на получение от Германии больших финансовых средств и вооружения.

Широкий масштаб подготовки формирований басмачества для нападения на Советские среднеазиатские республики не был секретом для афганского правительства, а также разведок СССР и Англии. Чтобы избежать ухудшения межгосударственных отношений с Советским Союзом, афганские

власти санкционировали арест в начале апреля 1943 года руководителя «Фаал» Сеида Мубашир-хана Тирази и свыше ста членов этой организации.

Для полной ликвидации агентурной сети стран оси в Афганистане, по предложению Англии к советскому руководству оказать совместное давление на Кабул, с тем, чтобы потребовать от Хашим-хана ликвидации «Фаал» и высылку из страны агентов германских и японских разведок.

К февралю 1943 года курбаши басмачества, базирующиеся в северном Афганистане, посчитали численность своих формирований, способных с оружием выступить за Амударью. По десяти афганским городам и их районам насчитали 22 300 (двадцать две тысячи триста) басмачей. Объединение всех отрядов курбаши, как и формирование единого центра, являлось прямым указанием Абвера.

Далее, на территории Узбекской и Таджикской ССР были установлены районы с хорошо организованным повстанческим (басмаческим) движением. Для организации их взаимодействия с эмигрантским центром в северные районы Афганистана были делегированы следующие представители:

— Рузи Мухаммед направился в Кундуз к курбаши узбекского формирования Сеид Мухитдину-хан Тура.

— Кары Абдулла, в Меймене к курбаши туркменского формирования Ишану Халифа Кызыл Аяку.

— Махмуд-бек, в Афганский Памир к курбаши киргизского формирования Камчибеку.

К курбаши туркменской эмиграции Мулла Клыч Ага Коушут-баю и Давлету Сердару в районы населённых пунктов Бала-Мургаб, Меручак, Меймене, Герат также были направлены эмиссары «Фаал».

Абдулла Ахад Кара, являясь одним из руководителей «Фаала», по заданию Абвера был направлен в Кундуз для организации переброски в Советский Туркестан групп, собирающих разведывательную информацию и налаживающую связи с антисоветским подпольем.

В мае 1943 года британским послом Ф. Уайли афганскому Правительству была вручена нота с требованием прекратить деятельность Абвера в Афганистане, а также выслать японских агентов из Кандагара. 8 июня 1943 года советский посол в Афганистане К. Михайлов заявил Хашим-хану протест в связи с враждебной деятельностью к СССР посольств Германии и Италии в Кабуле.

В основу ноты протеста, подготовленного Правительством СССР, легли подробные данные о деятельности «Фаал», полученные Внешней разведкой СССР от агентов в среде среднеазиатских эмигрантов. Были также представлены неопровержимые доказательства (факты и документы), свидетельствующие о подрывной деятельности Абвера в среде басмачества.

В ноте протеста упоминалось об имевшем место письменном обращении к Правительству Германии весной 1943 года узбекского курбаши Курширмата, руководителя «Фаал», в котором говорилось о намерении басмачей организовать восстание в Советской Средней Азии, о

развёртывании на советской территории диверсионной деятельности — разрушении железных дорог, линий связи в ряде областей Узбекской и Таджикской ССР.

К антисоветской деятельности в Афганистане были причастны сотрудники германской миссии: Расмус, Шмидт, Фишер, Витцель, Дох и другие. В мае — июне 1943 года после проведения афганской полицией спецоперации против членов деятельность «Фаал» фактически прекратилась. После разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве и в битве на Курской дуге сорвался план вторжения германских войск в Среднюю Азию, тем самым и доставка самолетами Люфтваффе вооружения басмачам.

По свидетельству посла Германии в Кабуле Г. Пильгера, на начальном этапе ВОВ, Кабульское Правительство твёрдо придерживалось нейтралитета. Однако в связи с успешным наступлением Германской армией в 1941, 1942 годы в глубь территории Советского Союза, оно изменило своё отношение к вероломству Третьего Рейха «на наиболее благожелательное, и по ряду вопросов разделяло точку зрения захватнической политики германского правительства и желало победы германской армии».

По словам Г. Пильгера, премьер-министр Хашим-хан и его вице-премьер Наим-хан «исключительно лояльно относились к гитлеровскому правительству, а отсюда и к немецкой миссии».

В период ожесточенных боёв в Сталинградской битве вице-премьер Наим-хан пригласил к себе посла Г. Пильгера и заявил ему, что «афганское правительство всецело разделяет политику Германии и выражает готовность оказать германскому правительству помощь в виде вооруженной силы».

Несмотря на эти заявления в Берлине не доверяли Кабульской власти, считая короля Захир-шаха и всю династию Баракзай креатурой англичан, и по данным советской внешней разведки, планировали привести к власти в Кабуле свергнутого в 1929 году и пребывавшего в эмиграции в Риме бывшего Эмира Аманулла-хана.

Разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской и Курской битвах, лишил шанса похода Вермахта в Афганистан и Индию. А Кабул прекратил свои контакты с Берлином, в ущерб интересов стран-союзниц.

Поистине, история штука непредсказуемая. Можно ли было тогда, в далёком 1943-м году предположить, что спустя без малого 60 (шестьдесят) лет и через 55 (пятьдесят пять) лет после Победы СССР над фашистской Германией 9 мая 1945-го года - в декабре 2001-го года, германский военный контингент, всё же, в отличие от Вермахта войдёт Афганистан?

И что, действуя в составе «международных сил западной коалиции ISAF», своей зоной ответственности Бундесвер выберет именно северо-восточную провинцию Кундуз (входят также Тахар, Бадахшан и часть Баглан), где базировались многочисленные формирования басмачей и их курбаши из «Унион» и «Фаал», которые активно взаимодействовали с «мародёрами» Абвера.

ВОССТАНИЕ в ПАНДЖШЕРСКОЙ ДОЛИНЕ в 1975 году

На рубеже 19-го и 20-го веков в истории Афганистана, в той или иной степени, неизменно отражались национальные интересы мировых держав и сопредельных с ним государств. Сложность отношений с восточным соседом Исламской Республикой Пакистан была обусловлена тяжёлым наследием, оставленным английской администрацией после разделения территории Британской Индии в 1947 году на собственно Индию и Пакистан.

Подписанное в 1893 году соглашение между афганским эмиром Абдур-Рахманом и секретарём индийской колониальной администрации Мортимером Дюрандом, спустя 13 лет после завершения «Второй англо-афганской войны» (1878-1880), предусматривало разделение «Линией Дюранда» 2640-километровой приграничной полосой (*с севера на юг, и далее на юго-запад, опоясывающей территорию Афганистана до пересечения границы с Ираном*), владений Британской Индии и Эмирата Афганистан.

Историческая справка: было «Три англо-афганской войны». «Третья» война завершилась в 1919 году признанием англичанами Независимости Афганистана, но и подтверждением афганским Эмиром Амануллой-ханом, «Линии Дюранда» (Договор о «линии Дюранда» подписан в 1893 году, Эмиром Абдур-Рахманом и секретарём индийской колониальной администрации Мортимером Дюрандом).

Эмиры и Президенты в Кабуле не признавали легитимность границы с Британской Индией (а в последствие с Пакистаном), установленной по «линии Дюранда», разделившей зону племён и, оставившей за пределами Афганистана 2/3 части их территории.

Однако всякого рода публичные заявления афганского руководства о существующем нерешённом территориальном споре с Исламской Республикой Пакистан (ИРП), приводили к осложнению межгосударственных отношений и пограничным конфликтам.

Многолетнее правление короля Захир-шаха ознаменовало ряд знаковых событий в жизни афганского общества: в 1959 году было отменено обязательное ношение женщинами чадры, прекрасный пол стал активнее участвовать в общественной жизни страны. В начале 1960-х годов к единственному официальному языку пушту прибавился язык «фарси-кабули», больше известный как «дари».

Историческая справка: Король Афганистана Захир-шах (1914-2007) – пуштун племени баракзай, на престол взошёл в возрасте 19 лет после смерти отца короля Мухаммада Надир-шаха, правил страной 40 лет (1923- 1973).

В 1964 году была принята третья конституция (*первая в 1923-м, вторая в 1931-м годах*), имеющая прогрессивное значение, предусматривающая

серьёзные законодательные, социально-политические и экономические реформы - переход на плановый тип экономики, способствующий развитию промышленности, модернизации сельского хозяйства и преобразованиям в культуре.

Несмотря на позитивные изменения, с середины 1960-х годов в стране наметился активный рост различных оппозиционных движений. Одной из политических сил, выступивших против реформ короля Захир-шаха, стало клерикальное духовенство, втягивающее в сферу своего влияния активную студенческую молодёжь.

Исламистские организации «Мусульманская молодёжь» и «Братья мусульмане» под руководством духовных лидеров Гуляма Мохаммада Ниязи - профессора теологии (богословия) Кабульского университета и Абдула Рахима Ниязи (*Абдурахима Ниязи*) руководителя студенческого крыла партии «Джаванан-ие мусульман» пропагандировали исламские фундаментальные идеи и учения, набирая в свои ряды тысячи кабульских студентов, учащихся лицеев и колледжей. Огромная роль в распространении исламистской идеологии организации «Мусульманская молодёжь» в Афганистане принадлежала богословам из Саудовской Аравии и Египта.

С приходом к власти Мухаммеда Дауда, Правительство выбрало крайне авторитарный характер управления. Были распущены парламент и Верховный суд, запрещена деятельность политических партий. Главной идеологией его режима стала «народная и национальная теория революции». Экономическая политика Правительства Мухаммеда Дауда, также имела тоталитарную систему управления.

Историческая справка: Мухаммед Дауд сердар (принц) и двоюродный брат короля Захир-шаха, в прошлом крупный государственный деятель. Занимал посты губернатора провинции Кандагар, министра обороны, Премьер-министра. В 1973 году, во время официального визита короля Захир-шаха в Италии. Мухаммед Дауд, в результате военного переворота захватил власть в Кабуле. К занимаемым государственным постам, был женат на родной сестре Захир-шаха, Замине-бегум.

Первыми указами были национализированы ряд крупных частных компаний, в их числе крупнейшая текстильная компания «Спинзар», а также все частные банки. В 1975 году был принят закон о земельной реформе, ограничивающий размеры земельных владений, и в случае их переизбытка, предусматривающий изъятие излишков и передачу их крестьянам.

Мухаммед Дауд, упразднивший афганскую монархию, свержением с трона своего двоюродного брата Мухаммеда короля Захир-шаха, монарха со 40-летним стажем, главной угрозой своей власти видел активно растущее исламское фундаменталистское движение «Мусульманская молодёжь». Сила организации заключалась в её молодёжном составе, популярности в среде студентов кабульского университета, лицеев и колледжей.

До Президента М. Дауда стали доходить сведения, что лидеры организации «Мусульманская молодёжь» ведут активную пропагандистскую

деятельность в афганской армии. Росло также недовольство политикой М. Дауда и в среде клерикального духовенства.

Совокупность вышеуказанных обстоятельств привела к двум неудачным анти-даудовским заговорам в 1973-м году, и одному в 1974-м, дальнейшим, аресту и казни, вовлечённых в них государственных деятелей.

Раскрытие заговора 1974 года выявило участие исламских радикалов из организации «Мусульманская молодёжь», а также их связь с религиозными кругами арабских государств, на чьи финансовые средства и вооружение, он осуществлялся.

В ходе следственных действий, 300 (триста) лидеров и активистов «Мусульманской молодёжи» были арестованы, многие были осуждены на пожизненное заключение, часть казнена, сама организация запрещена. Большое число активистов и членов организации, в их числе Гульбетдин Хекматияр, Бурхануддин Раббани, Ахмад Шах Масуд, Абдул Расул Сайяф и другие, кому удалось избежать ареста, скрылась в Пакистане.

Там, в городе Пешавар, они получили покровительство Президента Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто, им предоставили свободу политической деятельности и возможность плотно взаимодействовать с пакистанскими спецслужбами.

Президент Афганистана (1973-1978) Мухаммед Дауд, ещё в бытность Премьер-министра (1953-1963) проявил себя, как устойчивый пуштунский националист. Он неоднократно открыто заявлял Пакистану о неприятии фактической границы Пакистана и Афганистана по «линии Дюранда» и выступал с призывами к созданию единого Пуштунистана.

В 1963 году это повлекло жёсткую критику короля Захир-шаха и лишения его поста руководителя Правительства. В 1973 году при очередном публичном высказывании М. Дауда по данному вопросу, а также критики в адрес пакистанской власти за приём на своей территории скрывающихся от преследования членов «Мусульманской молодёжи» вызвали у Исламабада остро-негативную реакцию и руководство к действию.

Президент Пакистана Зульфикар Али Бхутто поручил Правительству начать строительство на своей территории, в близости к афганской границе, центров военной подготовки (военных лагерей) афганской оппозиции, готовящих к деятельности, направленной на дестабилизацию политической обстановки в соседнем государстве. Именно с этого момента рядом с городом Пешавар в Пакистане началось строительство первых центров по подготовке военных специалистов для использования при дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Афганистане.

Интерес Исламабада состоял в укреплении антиправительственных Кабулу сил. С первых же дней пребывания на пакистанской территории, организация «Мусульманская молодёжь» попала под полный контроль спецслужб Пакистана - межведомственной разведки «ISI». Её сотрудники стали постоянными консультантами лидеров афганской оппозиции. В Пешаваре была открыта штаб-квартира «Мусульманской молодёжи». Вскоре

под Пешаваром началось строительство первых «центров» (военных лагерей), наиболее крупным, из которых стал лагерь «Аттока». В пакистанских центрах к лету 1975 года были обучены около пяти тысяч афганских повстанцев.

Ко второй половине июля 1975 года сотрудники ISI и лидеры «Мусульманской молодёжи» разработали план вооружённого восстания в Афганистане. Начать планировалось с Панджшерской долины, затем должны были последовать восстания в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия, Кунар и Нангархар. Выбор данных регионов был обусловлен близостью к Пакистанской границе, возможностью несанкционированного проникновения через труднодоступные горные участки вооружённых групп.

Выбор Панджшерской долины - первой в цепи антиправительственных выступлений, объяснялся целым рядом причин: низким социально-экономическим уровнем жизни населения; отсутствием в долине промышленных предприятий и значительных территорий; пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур; традиционно сильной ролью духовенства; автономной обособленностью региона сжатого горами, связанного транспортным коридором с границей Пакистана; а также, существующими в среде панджшерцев - таджиков антипуштунскими настроениями, в частности, в отношении к Президенту Мухаммеду Дауду, как пуштунскому националисту.

К тому же, начатые в 1973 году социальные реформы Правительства М. Дауда были восприняты жителями Панджшерской долины и других регионов, как нарушение канонов ислама, многовековых традиций и традиционного уклада жизни.

Вооружённое восстание в Панджшерской долине и в ряде других провинций Афганистана было организовано 37-мью лидерами и 117-тью активистами организации «Мусульманская молодёжь», состоящей из преподавателей и студентов Кабульского университета, лицеев и колледжей, уроженцев провинций Кабул, Баглан, Бадахшан, Герат, Парван, Лагман и других. Все они в 1973-1975 годы прошли подготовку в Пакистанских военных лагерях.

Вечером, накануне восстания, члены «Мусульманской молодёжи» раздали тысячам своих сторонников оружие и боеприпасы, разместив их недалеко от Кабула и приказав ждать сигнала к выступлению. План восстания, разработанный лидерами «Мусульманской молодёжи» и пакистанской разведки ISI, предусматривал вхождение вооружённых групп в Кабул - в условленное время и с разных направлений.

С началом восстания, начальник генерального штаба ВС ДРА Карим Мустагни, должен был вывести правительственные войска из казарм, направить их на захват резиденции Президента М. Дауда, а также других важных стратегических объектов Кабула.

23 июля 1975 года вспыхнуло восстание в Панджшерской долине, за ней последовали вооружённые антиправительственные акции в провинциях

Бадахшан, Лагман, Логар, Кунар, Пактия, Нангархар. Однако, прибыв на места, Правительственные войска не только не поддержали выступления восставших, а начали их жестоко подавлять.

Восстание в Панджшерском ущелье началось со штурма восставшими административного центра уезда Руха под руководством уроженца долины Ахмад Шах Масуда (А.Ш. Масуд). В ходе захвата стратегических пунктов и коммуникаций, группировка Правительственных войск была блокирована и не смогла оказать существенного сопротивления повстанцам. По утверждению А.Ш. Масуда, на начальном этапе восстания, в его подчинении был отряд численностью 30 человек, вооружённый лишь 17-тью винтовками. Тем не менее, ему удалось занять крупный населённый пункт (н.п.) Руха, расположенный в центре Панджшерской долины и район Хисса Авал.

После полного овладения н.п. Руха и населёнными пунктами вокруг него, повстанцы освободили из местной тюрьмы заключённых и ограбили уездное отделение банка. Далее события переместились в уезд Базарак. Для его захвата отряд А.Ш. Масуда нанёс одновременный удар по нескольким ближайшим к нему населённым пунктам. Общее руководство восстанием в долине Панджшер осуществлял Гульбетдин Хекматияр.

В течение дня 23 июля 1975 года Панджшерская долина находилась под контролем А.Ш. Масуда, однако население долины его не поддержало. Одной из причин было то, что значительная часть повстанцев не являлись уроженцами долины и прибыли из других провинций. К тому же, явно прослеживался факт иностранного вмешательства Пакистана, о чём свидетельствовало наличие у подавляющего числа повстанцев британских пистолетов-пулемётов «STEN», отсутствующих на вооружении в афганской армии.

Поняв, что на поддержку местного населения рассчитывать не стоит, не дожидаясь подхода дополнительных сил правительственных войск, А.Ш. Масуд увёл свой отряд из Панджшера в Пакистан. Режим М. Дауда объявил А.Ш. Масуда военным преступником.

Многие члены «Мусульманской молодёжи» либо погибли в бою, либо были схвачены и преданы суду военного трибунала (перед судом предстало 100 человек), другие бежали в Пакистан, где получили статус политических беженцев «мухаджиров».

По материалам в западной прессе, приведённым историком М.Ф. Слинкиным: «в ходе столкновений с правительственными войсками экстремисты потеряли только убитыми не менее 600 своих членов и не менее 1000 были арестованы».

Отсутствия единого плана действий, неодобрение большинства жителей долины, а также ряд других причин, привели к провалу восстания.

В результате основатель организации «Мусульманская молодёжь» профессор теологического факультета Кабульского университета Гулям Мохаммад Ниязи (Голь Мухаммад) погиб в бою (*по другим сведениям был схвачен властями и повешен*) в долине Панджшер в 20-х числах июля 1975

года, другие основоположники движения: доктор Рахим Махмуди, моулави Абдул Араб Хади Вардак, Мухаммад Исмаил Пасах, Хафизулла Фазли, Менхаджуддин Гахиз, принимавшие участие в восстании 1975 года, кого не казнили сразу, были приговорены к пожизненному заключению.

Однако впоследствии - в 1975, 1977 годы, все они были казнены. Шестеро главных организаторов были казнены уже после победы Саурской (апрельской) революции 1978 года и прихода к власти НДПА, в мае 1979 года: доктор Мухаммад Омар; моулави Хабиб Рахман; Мухаммад Насим Тарек Мослемьяр; инженер Абдул Алам; Мухаммад Надыр Бадахши; Хаджи Махфуз.

Гульбетдин Хекматияр, осуществлявший общее руководство повстанцами в Панджшерской долине после провала операции, бежал в Пакистан. Его соратник и политический оппонент, Бурхануддин Раббани, в момент восстания находился в Саудовской Аравии и непосредственного участия в нём не принимал. Позиции двух оппозиционных лидеров, касаясь насильственной смены власти в Кабуле, на текущем этапе расходились. Гульбетдин Хекматияр, осуществлявший общее руководство восстанием в Панджшерской долине, придерживался радикальных мер.

«В 1975 году один из западных исследователей писал, что высокопоставленные военные и гражданские лица из бывшего Правительства З.А. Бхутто, располагающие информацией о тайных операциях против Афганистана, рассказывали, что Гульбетдин Хекматияр и Бурхануддин Раббани, находились в Пакистане под контролем и прямым руководством правительства З.А. Бхутто. Вопросы снабжения поставок финансов во время Панджшерского инцидента решались пакистанскими властями З.А. Бхутто» - В.А. Спольников.

Понеся глобальные потери своих членов в восстании июля 1975 года, организация «Мусульманская молодёжь» перевоплотилась в партию «Исламское общество Афганистана» ИОА под руководством Бурхануддина Раббани, из которой в скором времени, по причине идеологических разногласий двух лидеров, выделилась пропуштунская «Исламская партия Афганистана» ИПА Гульбетдина Хекматияра.

Вооружённое восстание в долине Панджшер и в других провинциях в конце июля 1975 года, организованное членами «Мусульманской молодёжи» при поддержке пакистанских спецслужб, положило начало затянувшейся на десятилетия Гражданской войне в Афганистане.

ЦЕНТРЫ ПОДГОТОВКИ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Как писалось выше, первые центры подготовки (*военно-тренировочные лагеря*) афганской оппозиции в приграничных с Афганистаном районах Пакистана начали строиться с 1973 года. С началом Афганской войны (1979-1989) их численность стала стремительно расти.

Подготовка мятежников в Пакистане велась «Союзом семи» партий (*шести пуштунских и одной таджикской*) моджахедов-суннитов, вошедших в «Пешаварскую семёрку» на средства США (секретная операция «Циклон» при техническом содействии пакистанской межведомственной разведки «ISI»), Саудовской Аравии, государств Западной Европы и других.

Наряду с **Пакистаном - на востоке**, влияние **шиитского Ирана** на внутривосточную обстановку в Афганистане, традиционно имеет на другие регионы:

Центральная (горная) часть Афганистана, охватывающая территории восьми провинций, имеющая историческое название «Хазарджат», которая подавляюще или существенной частью населена шиитами-хазарейцами; **крайний северо-востоке** провинция Бадахшан, где живут исмаилиты (близкие к шиитам) памирские народы: *ваханцы, ишкашимцы, мунджанцы, шугнанцы*; **запад страны**, территория приграничная с Ираном с составом населения - лингвистически, религиозно и культурно, близким к ираноязычным народам: *фарсиванам, афшарам*, аймакам (*они же чараймаки – ираноязычные племенные группы: джемшиды, фирузкухи, таймани, теймури*) – способствовало созданию с 1980-го года на приграничной с Афганистаном территории Ирана центров подготовки, но готовящих моджахедов-шиитов.

Развёрнутые в приграничной с Афганистаном полосе «лагеря» и «учебные центры», преследовали интересы сопредельных государств. В них готовили диверсионные группы и военных специалистов разного профиля. Учебно-подготовительный курс проводился под руководством иностранных военных инструкторов. После его завершения, прошедших обучение засылали на афганскую территорию. Функционирование иностранных военных учебных центров существенно увеличило уровень боеспособности антиправительственных формирований в Афганистане.

Так к осени 1979 года афганская вооружённая оппозиция довела численность своей группировки до 40 (сорок) тысяч членов, развернув масштабные боевые действия против частей ОКСВА и правительственных сил ДРА более чем в 12 провинциях. Общая численность формирований афганской оппозиции, на завершающем этапе войны в конце 1988 года, достигла 4530 (четыре тысячи пятьсот тридцать) отрядов и групп, численностью более 173 (сто семьдесят три) тысячи членов; а на 1920 (тысяча девятьсот двадцать) — наиболее активно действующих отрядов приходилось 82,3 (восемьдесят две тысячи триста) тысячи мятежников.

В начальный период войны США и Великобритания проводили против СССР секретную операцию под кодовым названием «Фарадей», которая курировалась министерствами обороны Великобритании и США. Непосредственными исполнителями операции являлись сотрудники британского спецподразделения «SAS» и разведывательного управления Министерства обороны США.

Операция преследовала следующие цели: создание тренировочных лагерей на территории Пакистана и в Шотландии; подготовку и засылку американских и британских диверсантов из частей спецназа для ведения разведки в районах Кандагар — Баграм — Кабул; организацию поставок оружия, боеприпасов и минно-взрывных средств; инструктирование афганских моджахедов по тактике диверсионной деятельности.

Подготовкой в годы Афганской войны (1979-1989) занимались, также специальных центрах в ФРГ. Они готовили специалистов из представителей коренного населения Афганистана и сотрудников пакистанских спецслужб. Срок подготовки длился полтора месяца.

Органы государственной безопасности МГБ ДРА сообщили, что уже в конце января 1981 года в Пакистане был открыт филиал зарегистрированной в Лихтенштейне фирмы «Monte Franco Scandinavia Est.», при посредничестве которой в Пакистан «в частном порядке» прибыло по меньшей мере пять инструкторов из США и Великобритании, принимавших непосредственное участие в боевой подготовке моджахедов. Однако наибольший масштаб помощи афганским мятежникам связан с началом операции «Циклон» ЦРУ США.

С началом операции «Циклон» ЦРУ США по финансированию деятельности афганской оппозиции и образованием в 1982 году «Союза семи» суннитских исламских партий, больше известной как «Пешаварская семёрка», количество учебно-тренировочных лагерей в афганском приграничье геометрически возросло.

На завершающем этапе 1988 года на территории Пакистана функционировал 181 (сто восемьдесят один) центр учебно-тренировочный лагерь по подготовке мятежников общей численностью около 70 (семьдесят тысяч) тысяч человек. Вели активную деятельность 45 центров численностью более 18 (восемнадцать) тысяч курсантов. А численность вооружённых формирований афганских мятежников исламских партий «Пешаварской семёрки» к 1989 году достигла 200 (двести) тысяч членов.

Помимо центров в Пакистане и Иране, подготовка специалистов велась и в самом Афганистане. С этой целью, в труднодоступной горной местности, включая их расположение *в базовых районах и на перевалочных базах оппозиции*, была создана сеть профильных военизированных центров (лагерей), в которых основам партизанской борьбы обучали иностранные инструкторы и военные специалисты из США, Пакистана, КНР, арабских государств.

«Мы решили, — говорил Гульбетдин Хекматияр, - что как можно большее число лиц должно пройти военную подготовку, чтобы затем начать боевые действия против режима. Планировалось, что восстание в народе будет поддержано армией, после чего начнутся военные действия по всему Афганистану. В июле 1975 года начались повстанческие действия в Панджшерской долине...»(историк В.М. Спольников)

Известны случаи, когда подготовка военных специалистов в ряды оппозиции велась на дальнем удалении от границ Афганистана: в июне 1986 года в штате Невада США, отставной подполковник войск специального назначения армии США Джеймс «Бо» Грайд организовал месячный курс обучения группы афганских мятежников, включающий основы разведывательной деятельности; подрывное дело; владение средствами связи; и пользование приборами ночного видения.

После понесённых потерь живой силы в ходе столкновений с ОКСВА, для их восполнения, в период с мая 1988 года, в ДРА из Ирана и Пакистана, было переброшено около 21,7 (двадцать одна тысяча семьсот) тысячи членов вооружённых формирований: в мае — 9,5 тысячи; в июне — 2,3 тысячи; в июле — 3,4 тысячи; в августе — 2,5 тысячи; в сентябре — 1,6 тысячи; октябрь — 2,4 тысячи.

К концу 1988 году на территории Пакистана и Ирана функционировало более 200 центров и пунктов подготовки общей численностью свыше 80 тысяч курсантов. Местом их дальнейшей службы в ДРА было 172 (сто семьдесят два) основных объекта, в их числе: 14 базовых районов, 4 перевалочные базы, 9 (девять) перевалочных пунктов, 145 (сто сорок пять) районов базирования, наибольшее часть которых было расположено в северо-восточных, центральных, южных провинциях и в зоне Кабула.

Всего же, в период Афганской войны (1979-1989) в приграничной с Афганистаном полосе, территорий соседних (с востока и запада) государств, насчитывалось 212 (двести двенадцать) центров и пунктов военно-специальной подготовки мятежников, из которых — 178 (сто семьдесят восемь) располагались в Пакистане, а 34 (тридцать четыре) в Иране, подготовку в них прошли свыше 75 (семьдесят пять) тысяч человек в год.

Белуджистан и Северо-Западная провинция (СЗПП) Пакистана на своей территории образовали более 480 (четыреста восемьдесят) лагерей беженцев из ДРА, для прохождения курсов военной подготовки мятежников. Пополнение их рядов осуществлялось в среде лагерей афганских беженцев. Учитывая, что в Пакистане проживало более 3 миллионов афганских беженцев, они были крупным резервом пополнения формирований мятежников. Формирования мятежников, в случае необходимости в кратчайшие сроки были способны дополнительно привлечь до 30 тысяч новых членов прошедших военную подготовку.

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Главной дисциплиной центров по подготовке военных специалистов на Афганскую войну (1979-1989), являлось общее военное обучение, включающее изучение материальной части вооружения, проводились занятия по огневой подготовке, тактике партизанской борьбы, ориентированию на местности, оказанию первичной медицинской помощи, также изучались

основы ислама. К примеру, в Кумском (Иран) теологическом университете, читались лекции антиправительственной и антисоветской пропаганды.

Центры имели военно-учебную специализацию по диверсионно-террористической деятельности; по минно-подрывному делу; по стрельбе из зенитно-пулеметных установок (ДШК, ЗГУ-23-2/4), миномётов и гранатомётов; важное место среди них занимали, занятые подготовкой полевых командиров. Были центры, специализирующиеся на подготовке стрелков из различных ПЗРК и реактивных снарядов.

Инструкторами по подготовке специалистов выступали пакистанские и иранские военнослужащие, были также специалисты из США, КНР, Египта, Саудовской Аравии и бывшие офицеры ВС ДРА. Контроль за деятельностью тренировочных лагерей в Пакистане и Иране осуществляли специальные координационные центры.

Помимо контроля процесса обучения, координационные центры занимались анализом боевых действий в Афганистана. Обретённый опыт использовался при формировании учебных программ. «Координационные центры» укомплектовывали «центры подготовки» преподавателями и инструкторами. Период подготовки специалистов в центрах длился от двух-трех недель до шести месяцев.

Учебные центры, в большинстве своём, представляли палаточные городки, огороженные колючей проволокой. Крупные центры располагали административными корпусами и казармами со строгой контрольно-пропускной системой и охраной. Проводы окончивших курс подготовки в вооруженные формирования в Афганистан проходили в торжественной обстановке.

ЛАГЕРЯ БЕЖЕНЦЕВ - ИСТОЧНИК ЖИВОЙ СИЛЫ

Наибольшая часть афганских беженцев, насчитывающая 3 миллиона человек, мигрировала в Пакистан, 1,5 миллиона - в Иран. Основная часть беженцев - это население приграничных с Пакистаном и Ираном провинций ДРА, кочевники приграничных пуштунских племен. По социальному составу - это беднейшие и средние слои афганского общества: дехкане, ремесленники, торговцы. Их положение в эмиграции в Пакистане и Иране было сложным. Это обстоятельство благоприятствовало ведению в лагерях беженцев лидерами афганской оппозиции активной антиправительственной пропаганды и призыву к участию в вооружённом сопротивлении на Родине.

Сохранение большой численности в лагерях беженцев в Пакистане и Иране было на руку лидерам оппозиции и поддерживающим их внешним силам, поскольку гарантировало мобилизацию в вооруженные формирования в Афганистане, особенно парней молодого возраста. Ежегодно, из числа беженцев, в центры подготовки военных специалистов набиралось до 75 тысяч членов.

Иранское шиитское духовенство, проводящее агитационную работу в лагерях афганских беженцев, твёрдо насаждало идею свершения «исламской революции» в Афганистане.

Основные лагеря афганских беженцев в Пакистане: Читрал, Севай, Харипур, Кача-Гархи, Насербат, Факирабад, Саранан, Зардакот, Миянвали, Бонну, Азим-Банда, Хату, Матасангар, Камкол-Шариф, Азахейль-Бала, Пабби, Какабиян, Дамадола и другие; **в Иране:** Бирджанд, Тебесе-Месина, Тайбад, Тебес, Заболь, Захедан и другие.

Для создания необходимых условия для подготовки членов вооружённых формирований, близ городов Пешавар и Кветта, были оборудованы военные склады. Пакистанская межведомственная разведка «ISI» создала все необходимые условия: обеспечивала мятежников автотранспортом и авиацией, переброску вооружения и вновь подготовленных членов из учебных центров в ДРА.

Близ лагеря афганских беженцев Бадабер, расположенного в 30-ти километрах от города Пешавар находился центр подготовки партии «Исламское общество Афганистана». Площадь его территории была более 500 гектар. Обучение в этом центре проходило 300 курсантов. Преподавателями были египетские и пакистанские инструкторы в количестве 65 человек. В расположении центра находилось 6 складов с вооружения и боеприпасов, имелись также 3 помещения для заключённых. В них содержали военнопленных, захваченные в ходе боевых действий в Афганистане в период 1982-1984 годов.

ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979-1989)

ИРАН. ШИИТСКАЯ ВОСЬМЁРКА

Победа в 1979 году Исламской революции в Иране, свержение Шаха Мохаммада Резы Пехлеви, приход к власти Аятоллы Хомейни изменили политические отношения с Советским Союзом.

Ответом на ввод в 1979 году ОКСВА стало образование лидерами восьми проиранских фундаментальных шиитских партий «Коалиционного Совета Исламской революции Афганистана» – военно-политического союза исламского сопротивления моджахедов-шиитов, больше известной, как «Шиитская восьмёрка». Деятельность альянса была направлена на организацию вооружённой борьбы с силами ОКСВА и официальной властью в Кабуле. Союз «Шиитская восьмёрка» - на западе, как и «Пешаварская семёрка» - на востоке, занимался привлечением, сбором, распределением, контролем финансовых средств и управляло действиями шиитских вооружённых формирований афганской оппозиции против ОКСВА и ВС ДРА. Одним из крупных полевых командиров, получающим помощь из двух союзов был Исмаил-хан Мохаммад Исмаил-хан, Туран Исмаил.

США. ОПЕРАЦИЯ «ЦИКЛОН»

В 1981 году после вступления в должность 40-го Президента США Р. Рейгана, новая администрация активизировала усилия по созданию единого фронта борьбы против СССР и ДРА. Начиная с 1980-го года шёл рост объёма американской военной помощи афганским мятежникам: в 1984 года её объём составил 125 миллионов долларов, в 1985 году — 250 миллионов, а в 1986 году — 470 миллионов, в 1987 году он составил 630 миллионов долларов США.

По данным Мохаммада Юсуфа — начальника афганского управления межведомственной разведки Пакистана ISI в 1983-1987 - объём финансовых средств, направленных на поддержку афганского сопротивления к 1987 году, только от США — в день составлял около 1-го миллиона долларов — 1,75 миллионов дойче марок.

Общая сумма помощи афганской оппозиции из США к 1988 году достигла 2,1 миллиарда долларов. Такой же объём военной помощи афганской вооружённой оппозиции оказала Саудовская Аравия. Вместе с тем, значительные финансовые средства поступали из частных фондов арабских стран Персидского залива — порядка 400 миллионов долларов ежегодно.

В начале 1981 года американский журнал «Солдат удачи» («Soldier of Fortune») опубликовал серию интервью с лидерами мятежников, в которых они предлагали «добровольцам со всего мира» присоединиться к ним. В этих же журналах были опубликованы «частные объявления» с адресами и контактами для желающих принять участие в войне.

По данным Министерства государственной безопасности МГБ ДРА, в конце января 1981 года в Пакистане был открыт филиал, зарегистрированной в Лихтенштейне фирмы «Monte Franco Scandinavia Est.», при посредничестве которой в Пакистан «в частном порядке» прибыло по меньшей мере пять инструкторов из США и Великобритании, принимавших непосредственное участие в боевой подготовке моджахедов.

Наибольший масштаб помощи афганским мятежникам связан с началом в 1980-е годы секретной операции «Циклон», ставшей одной из наиболее продолжительных и дорогостоящих операций ЦРУ США. Ежегодный бюджет программы, начавшейся с суммы \$20-30 миллионов, к 1987 году возрос до \$630 миллионов. Главным техническим инструментом операции «Циклон» была выбрана «ISI» межведомственная разведка Пакистана.

За период с 1978 по 1992 год, на средства операции «Циклон», ISI обучила и вооружила свыше 100 (ста) тысяч членов афганских антиправительственных формирований, занималась вербовкой добровольцев (наёмников) в арабских и исламских странах, в государствах персидского залива и в Синьцзян - Уйгурского района Китая. По разным оценкам, ISI

было мобилизовано до 35 (тридцати пяти) тысяч иностранных мусульман из 43 исламских стран.

Финансирование программы «Циклон» увеличивалось из года в год, благодаря активной поддержке ряда политиков и военных деятелей США. Пакистану, на подготовку и снабжение формирований афганских мятежников различного рода вооружением, включая переносные ракетно-зенитные комплексы «Стингер» было перечислено в виде кредитных траншей и экономической помощи — до 20 миллиардов долларов США.

Большой вклад против Советского Союза внёс директор ЦРУ Уильям Кейси (1981—1987). Именно он в 1981 году убедил президента Р. Рейгана в ослаблении Советского Союза и целесообразности проведения масштабных секретных операций.

По сообщению ведущей американской газеты «The New York Times», уже в декабре 1982 года ЦРУ США получило от правительства США указание поставлять моджахедам тяжёлое вооружение, в том числе безоткатные орудия, миномёты и противотанковые гранатомёты. Против советских войск в Афганистане был объявлен джихад. На Афганскую войну отправилось большое количество арабских наёмников. Финансовая и военная помощь шла через международные исламские организации, среди которых особое место занимала, учреждённая Абдуллой Азамом и Усамой бен Ладеном в 1984 году в городе Пешавар (Пакистан), «Мактаб-аль-Хидамат».

Осенью 1986 года для поражения авиации ОКСВА, в рамках операции «Циклон» ЦРУ США начала поставлять противоракетные зенитные комплексы (ПЗРК) «Стингер». Уже 5 января 1987 года подразделение советского спецназа из 22-й отдельной бригады СпН ГРУ ГШ захватило первые комплекты «Стингеров». По данным сотрудников Минобороны США, в рамках операции «Циклон» афганским мятежникам было поставлено 1000 (тысяча) ракет «Стингер», из которых было применено порядка 350 (триста пятьдесят).

По завершению Афганской войны (1979-1989), конгресс США выделил 65 миллионов долларов на операцию на обратный выкуп ПЗРК и ракет. В итоге, некоторое их количество было выкуплено, однако до 400 «стингеров» всё же остались в Афганистане. Дополнительно, к ракетным комплексам «Стингер», в формирования афганской оппозиции были направлены английские ПЗРК «Blowpipe» и советские «Стрела-2».

МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ РАЗВЕДКА ISI

В период Афганской войны (1979-1989), деловым агентом ЦРУ США и техничным исполнителем операции «Циклон» была межведомственная разведка ISI. Через неё частично осуществлялась покупка вооружения, она отвечала за подготовку членов афганской оппозиции в пакистанских лагерях. Есть свидетельства того, что в ряде боестолкновений Афганской войны (1979-1989), в приграничных с Пакистаном провинциях ДРА,

военнослужащие пакистанских спецслужб участвовали в боестолкновениях с подразделениями ОКСВА.

Как уже говорилось, обеспечение формирований афганской оппозиции в 1979-1989 годы материальными средствами по линии ЦРУ осуществляла межведомственная разведка ISI. Ответственность сторон за материальное имущество распределялось таким образом: по прибытию на территорию Пакистана (порт Карачи, аэродромы ВС ИРП), ответственность ЦРУ заканчивалась и целиком ложилась на ISI. Крайним звеном в цепочке снабжения в Пешаваре, становился «Союз семи» оппозиционных исламских партий - «Пешаварская семёрка» их лидеры и полевые командиры.

По утверждению Мохаммада Юсуфа, начальника афганского управления межведомственной разведки Пакистана ISI в 1983-1987 в книге «Ловушка для медведя», концом маршрута мины (от миномёта, преодолевшей), на этапе транспортировки тысячи километров: на грузовике, корабле, поезде, а затем снова на грузовике и вьючном животном, которая перегружалась в пути, как минимум 15 раз, считался момент опускания её в трубу миномёта.

ЭТАПЫ и МАРШРУТЫ СНАБЖЕНИЯ ВОЕННОЙ ПОМОЩЬЮ

Исходя из воспоминаний начальника афганского управления пакистанской межведомственной разведки ISI Мохаммада Юсуфа в книге «Охота на Медведя» в 1980 - 1989 годы: «В Пакистан для нужд афганской оппозиции из разных уголков мира, морем и воздухом доставлялись военные грузы». По его же словам, существовало два трафика снабжения через Пакистан.

Первый - из Карачи в Кветту (от 2 до 4 кораблей в месяц) а оттуда в ДРА; **Второй** - из Равалпинди («Чаклала» — авиабаза ВВС ИРП) железнодорожными составами в Пешавар (на склад Ойхри) — оба конечных пункта Кветта и Пешавар находятся на границе с Афганистаном. Место пересечения афгано-пакистанской границы выбиралось с учётом конечного пункта (перевалочной базы оппозиции) в Афганистане и безопасности транспортировки.

В Равалпинди (Чаклала) груз поступал со складов из Саудовской Аравии («Дхаран» — авиабаза ВВС СА). С приграничной полосы на Пакистанской границе бесчисленное количество путей снабжения вели в Афганистан.

Система снабжение состояла из трёх этапов:

— **За первый** этап отвечало ЦРУ, оно занималось доставкой вооружения в ИРП и оплачивало транспортные издержки.

— **За второй** этап, после принятия груза, его складирования и передачи партиям Пешаварской семёрки под Пешаваром, ответственность лежала на ISI.

— **За третий**, завершающий, ответственность несли исламские партии, они

же занимались распределением оружия по своим полевым командирам в Афганистане.

Было установлено **шесть главных маршрутов** (путей) для доставки военных грузов афганской оппозиции 1980-1989 годы:

— Первый и главный маршрут, «северо-восточный» из Читрал (Пакистан) — в Панджшерское ущелье и в афганский Бадахшан, а оттуда в северо-восточные и в северные провинции ДРА. Он был наиболее коротким, надежным и менее затратным. Однако этот маршрут имел сезонный фактор. В период «с ноября по май», он был непроходим из-за снега.

— Второй, «восточный» маршрут, он был самым активным и пролегал из Парачинар (в переводе с дари «клюв попугая») через Алихейль (провинция Пактия) в провинцию Логар. Данный трафик охватывал приблизительно 40% от всего объёма грузов. Он был наиболее коротким до Кабула, протяжённостью 7 дней в пути, и использовался в том числе - для передвижений на север к Мазари-Шариф через горный участок Мармольской долины, но он был наиболее долговременным, более одного месяца. Этот маршрут был особенно проблемным с точки зрения преследования силами ОКСВА и ВС ДРА.

— Третий — «юго-восточный», тянулся от Мирам-шах на Джавару (Хост), где располагалась крупнейшая перевалочная база и базовый район оппозиции и, дальше в провинцию Логар. Оттуда, транспортные колонны и караваны расходились на развилке либо в направлении Гардеза, либо Газни. Этот же маршрут, в случае необходимости, использовался для снабжения в северном направлении, через горные участки местности. Этот маршрут, также имел частое применение.

— Четвёртый маршрут - «южный», брал начало в Кветте, пересекая пакистано-афганскую границу в районе Чаман, и пролегал в направлении города Кандагар, а также в ближайшие южные провинции Гильменд, Нимроз, Забуль. Данный маршрут проходил по открытой местности, требовал использования для транспортировки скоростных транспортных средств и был очень опасен, поскольку подозрительные транспортные средства уничтожались наземными и воздушными силами ОКСВА.

— Пятый маршрут - «юго-западный», пролегал на отдалении до 400 километров на запад, в южной провинции Гильменд до небольшой перевалочной базы «Гирзи-Джангл», используемой для снабжения провинций Гильменд, Нимруз, Фарах и Герат.

Данный маршрут также был опасным и подвергался частым нападениям. За исключением редких случаев, сопровождающему его конвою удавалось пройти не будучи атакованным. Местность, по которой пролегал маршрут, по подобию Кандагарского направления, представляла открытую территорию, с низкой густонаселённостью, на которой было сложно запросить боевую поддержку. Транспорт, движущийся на север от пакистанской границы, легко себя обнаруживал с воздуха и попадал под

удары авиации и засады подразделений ОКСВА. Для доставки груза в Герат, требовалась неделя.

— Шестой маршрут - «западный», он пролегал через Иран. Он был надежен и прост. Для доставки грузов в провинции Фарах и Герат было необходимо сначала проделать длинный путь на запад — вдоль границы Белуджистана в Иран, а затем ещё 600 километров — на север от города Захедан в Иране, вдоль ирано-афганской границы в направлении Герата. Однако данный маршрут имел свои сложности.

Всякий раз, транспортируя груз по этому маршруту, требовалось заблаговременно — за 6 месяцев получить от иранской стороны разрешение на пересечение границы с указанным перечнем груза, поскольку разрешался ввоз исключительно ручного огнестрельного вооружения. Конвой тщательно досматривался и на обратном пути. В 1983 году по данным маршрутам снабжения прошло 10 тысяч тонн оружия и боеприпасов. В 1987 году поставки выросли до 65.000 тонн.

Офицер логистики ISI держал под полным контролем движение потока грузов, распорядок прибытия кораблей и самолётов, железнодорожные составы, находил необходимый транспорт и следил за тем, чтобы не допустить утечки информации.

По утверждению М. Юсуфа, начальник межведомственной разведки Пакистана ISI генерал Ахтар, следовал своей незыблемой стратегии, согласно которой, только ISI решала, кто, сколько и какое вооружение получит. Это означало, что после образования союза «Пешаварской семёрки», распределение оружия для каждой из них было в нашей зоне ответственности: «Никто вне ISI, даже Президент Пакистана Зия Уль Хак, не имел контроля или влияния на распределение оружия, боеприпасов или других грузов из наших складов в Равалпинди и Кветте» — Мохаммад Юсуф, начальник афганского направления межведомственной разведки Пакистана ISI в 1983-1987

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ЗАКАЗА

Военная и финансовая помощь идеологического соперника Ирана - королевства Саудовской Аравии в бюджет «Пешаварской семёрки» в 1979 - 1989 годы была сопоставима с 3 (тремя) миллиардами долларов, в целом, столько же (по одним данным) потратило и ЦРУ. Однако отдельные источники утверждают, что финансовый вклад Саудовской Аравии был в два раза больше, чем от США. Значительная часть финансовых средств из бюджета Королевства была открыто передана «Пешаварской семёрке». Другая часть поступала из частных фондов саудовских принцев, бизнес сообществ королевства, а также в результате сборов с исламских сообществ и пожертвований прихожан в мечетях.

На средства США, Саудовской Аравии и других государств в различных государствах мира покупалось вооружение. Решение, у кого его

покупать, принимало ЦРУ США. Лидером среди государств поставщиков вооружения к 1984 году, с большим отрывом, стал КНР. Китайцев отличали стабильность, оперативность и пунктуальность.

В 1985 году ЦРУ закупило для «Пешаварской семёрки» большую партию стрелкового вооружения у Египта. Оружие советского производства поставлялось Москвой Правительству Гамалья Абдель Насера в Каире, начиная с 1960-х годов вплоть до сентября 1970-го года.

По данным отдельных источников, существенную роль в борьбе против СССР сыграла Япония. В период с декабря 1979 года по август 1983 года Япония оказала помощь Пакистану на сумму более чем 41 миллиардов долларов, часть этих средств, в соответствии с договором, было направлено на подготовку - в центрах на её территории, членов вооружённой оппозиции.

По утверждению М. Юсуфа, начальника афганского управления межведомственной разведки ISI, формированием военного заказа занимались непосредственно ЦРУ США и (по согласованию с ним) Саудовская Аравия - крупнейшие инвесторы Афганской войны (1979-1989). Вооружение покупалось у разных государств за пределами Пакистана, за исключением незначительного объёма, который по списку утверждённому ЦРУ, ISI приобретало на своей территории.

Поскольку для транспортировки военных грузов до афганской границы, был необходим транспорт, ЦРУ выделила разведке ISI средства, на которые были приобретены сотни грузовиков, налажено их техническое обслуживание и обеспечение горючим. Выделялись средства также для покупки или найма тысяч вьючных животных (мулов, лошадей и верблюдов), которых нужно было кормить и где-то содержать. Таким образом, стоимость доставки грузов из Пакистана в Афганистан в 1987 году, обходилась спонсорам около 1,75 миллионов долларов в месяц.

ПОМОЩЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В период Афганской войны (1979—1989) ряд частных международных медицинских общественных организаций под патронажем своих Правительств, организовали деятельность по открытию госпиталей, располагая их в близости к афганской границе в городах Кветта и Пешавар (Пакистан), а также внутри самой страны - в районах, подконтрольных афганской оппозиции. Финансирование этих международных медицинских организаций осуществлялось из трёх основных источников:

1. «Международного комитета Красного Креста» (МККК). Важно отметить, что госпитали в Пешаваре и Кветте (Пакистан), лечили раненных из формирований афганской оппозиции и находились под прямым управлением МККК.
2. Правительства Королевства Швеции, которое финансировало сеть из 10 (десяти) медицинских клиник, укомплектованных афганским медицинским персоналом.

3. Фондов трёх частных парижских международных медицинских организаций, которые формировали группы иностранных врачей, медсестер и медицинского оборудования в районах, находящихся под полным контролем вооружённой оппозиции.

На эти средства, заручившись политической поддержкой французского правительства, медицинский персонал, в основном состоящий из французов, скомплектованный в медицинские бригады, прибывал в Пакистан, а оттуда нелегально переправлялся на территорию Афганистана, где оказывал медицинскую помощь силам вооружённой оппозиции и гражданскому населению.

Со слов самих медработников, Советскими военными и афганскими правительственными войсками — на иностранный медицинский персонал была объявлена охота. Во избежание задержания, французские медицинские команды, обслуживающие конкретные вооружённые формирования, каждые несколько дней меняли места дислокации. Многие иностранные врачи практиковали в пещерах труднодоступных горных районов (и в базовых районах), где размещались полевые госпиталия сил оппозиции.

К примеру, одна из женщин-врачей направлялась в Афганистан в многомесячные командировки шесть раз. Несмотря на то, что большинство медперсонала были гражданами Франции, группы формировались, также гражданами Голландии, Норвегии, Великобритании и Бельгии.

Деятельность частных французских медицинских организаций в 1980-е годы имела спорный характер, однако обрела широкую известность мировой общественности. По данным одного из источников, с началом войны — 800 (восемь сот) докторов из франко-шведских команд, к концу 1983 года сократили общую численность до 300 (трёхсот).

В августе 1983-го года в Афганистане медицинскую помощь оказывало около 27 (двадцать семь) — преимущественно французских врачей и медсестер, десять из которых были женщинами. Французские медицинские бригады, по мнению руководства сопротивления, зарекомендовали себя с лучшей стороны.

Французские медицинские команды финансировались тремя частными организациями в Париже: MSF — *«Врачи без границ»* «*Médecins sans frontières*»; AIM — *«Международная медицинская помощь»* «*Aide Medicale Internationale*»; и MDM — *«Врачи мира»* «*Médecins du Monde*».

Наиболее активной в Афганистане была, безусловно, Организация «Врачи без границ» (MSF). Свою первую группу медицинской бригады она отправила в Афганистан в мае 1980 года. Эта группа констатировала, что до их прибытия на местах не было ни врачей, ни медикаментов, а были эпидемии кори и дифтерии с угрожающими эпидемическими перспективами. Также сообщалось, что многим раненым мятежникам требуется стационарное лечение.

В период с 1980-го по 1983-й годы около 250 франкоязычных врачей и медсестёр служили в районах боевых действий. Большая часть из них

пребывала в Афганистане от четырёх до восьми месяцев, ожидая замены. Каждая медицинская бригада состояла из двух-четырёх врачей или медсестер. Ряд представителей иностранного медицинского персонала находились в Афганистане безвыездно.

К концу 1983 года MSF отправила на территорию Афганистана более 170 врачей и медсестер, он также оснастил и эксплуатировал в разное время 12 небольших больниц в трёх провинциях. В свою очередь, АИМ отправил от 40 до 50 человек и MDM 20 человек.

Незадолго до этого, в декабре 1982 года, офис (SIDA) «Шведского агентства международной помощи» «Swedish International Development Cooperation Agency», в целях оказания чрезвычайной поддержки частному комитету Швеции в Афганистане, создающему сеть госпиталей на территории Афганистана, выделил значительные средства.

Так, к концу 1983 года было инвестировано более 4 (четырёх) миллионов шведских крон (500 000 долларов США). Десять госпиталей были образованы в шести провинциях ДРА, ими управляли, нанятые за оплату и из-за пределов ДРА, афганские врачи SIDA.

К середине 1984 года функционировало 17 (семнадцать) госпиталей. Патронирующий шведский комитет снабжал госпитали медицинским оборудованием и медикаментами, а также платил зарплату медперсонала. В свою очередь, местные силы оппозиции, контролирующие район, были обязаны гарантировать безопасность иностранного медперсонала.

Силы оппозиции поддерживали деятельность французских команд, и с энтузиазмом приветствовали открытие шведских госпиталей. По заявлению руководителя госпиталя, расположенного в провинции Кунар, в течение трёх месяцев его медперсоналом была оказана медицинская помощь 4000 (четырёх тысячам) пациентов, из которых лишь 40 (сорок) были ранеными мятежниками.

ПЕРЕВАЛОЧНЫЕ БАЗЫ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979-1989)

Большое значение в организации вооружённой борьбы оппозиции имела система тылового обеспечения. Учитывая, что военная помощь поступала из-за рубежа, перед оппозицией стояла задача организовать деятельность её органов: базовых районов, перевалочных баз, баз, опорных пунктов.

Перевалочные базы и перевалочные пункты являлись промежуточными органами снабжения оппозиции. На них осуществляли перегрузку оружия, боеприпасов, материальных средств с транспортов, пришедших из Пакистана и Ирана, на транспорт оппозиционных формирований, действующих в самом Афганистане. Здесь же при необходимости можно было длительное время хранить оружие и боеприпасы. Их содержали на караванных маршрутах вблизи границ с Пакистаном и Ираном, а пункты - в глубине территории ДРА (А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана»).

Благодаря архивным материалам и исследованиям видного историка Афганской войны (1979-1989) генерал-майора А.А. Ляховского, помощника начальника оперативной группа Минобороны СССР в Афганистане (1987-1989), мы обладаем большим объёмом информации, которая во многом корреспондируется с данными западных и афганских источников, открывая фактическую картину тех событий.

Перевалочные базы и пункты являлись промежуточными органами снабжения формирований вооружённой оппозиции. Их размещали на караванных маршрутах в приграничных с Пакистаном и Ираном районах. Перевалочные пункты вели свою деятельность в глубине территории страны.

С перевалочных баз шла отгрузка (переправка) вооружения, боеприпасов, других материальных средств, доставленных из Пакистана и Ирана на перевалочные пункты исламских комитетов оппозиционных партий на местах, и непосредственно, в вооружённые формирования мятежников, в глубине территории Афганистане. Здесь же длительное время осуществлялось их складирование.

Вооружение, купленное у разных поставщиков на средства западных государств и стран исламского мира направлялось в Пакистан (ИРП). Из ИРП караванами, состоящими от 25 до 100 вьючных животных или автомобилей и конвоем до 80 мятежников, на автомобильном транспорте переправлялось к границе с ДРА. Оттуда оно транспортировалось на перевалочные базы и в базовые районы, расположенные в приграничных районах ДРА. На этих перевалочных базах комплектовались караваны, доставляющие грузы до мест назначения.

Движение больших караванов по территории ДРА, подконтрольной правительственным и советским войскам, осуществлялось ночью. «Для доставки вооружения и боеприпасов из ИРП и ИРИ в ДРА использовалось свыше ста маршрутов: бадахшанское, кунар-нангархарское, газни-гардезское, кандагарское, гильмендское, фарахское, гератское и другие» (А.А. Ляховский).

Крупными перевалочными базами являлись Марульгад, Рабати-Джали, Шинарай, Кокари-Шаршари, Джавара, Льмархауза, Ангуркот, Ходжамульк, Мианпушта, Анандара, Шагали, Тангисейдан. Ряд крупных перевалочных баз — Джавара, Кокари-Шаршари, Марульгад, Шинарай, Джавара, Рабати-Джали, одновременно являлись и базовыми районами.

Некоторые перевалочные базы, в частности Джавара на пакистанской границе, строились «на протяжении многих лет, начиная с периода ещё до Апрельской (Саурской) революции 1978 года, для ведения борьбы с Правительством Мухаммеда Дауда».

Наиболее крупной перевалочной базой и одновременно мощным укрепленным районом афганской оппозиции на афгано-пакистанской границе была «Джавара». Через неё шла перевалка 20% от общей иностранной военной помощи Союзу «Пешаварская семёрка».

Другая крупная перевалочная база на Иранской границе Кокари-Шаршари, являющаяся также мощным укрепленным районом, была построена инженерами-фортификаторами из ФРГ и Ирана в 1984 году. На неё замыкался основной поток иностранной помощи, поступающей в ДРА из Ирана.

Перевалочные базы оппозиции в приграничных с Пакистаном провинциях Пактия, Логар, Нангархар, Кунар, Лагман, благодаря рельефу местности, были приспособлены к складированию вооружения, боеприпасов и продовольствия для дальнейшей переправки вглубь территории ДРА. Перевалочные базы хорошо оборонялись, находясь также под прикрытием средств ПВО: - крупнокалиберных пулемётов ДШК и зенитных установок ЗУ-23-2. Основными задачами перевалочных баз было обеспечение формирований оппозиции вооружением, боеприпасами, снаряжением и продовольствием, а также приём диверсионных групп прибывших из Пакистана.

Говоря о провинции Кунар, основную нагрузку по перевалке через пакистанскую границу несли перевалочные базы, расположенные в районе населённого пункта Дангам в 10-ти километрах юго-восточнее города Асмар (она была главной) и вспомогательная — в районе населённого пункта Чикар в 8-ми километрах восточнее города Асадабад, также существовала перевалочная база в населённом пункте Варикар.

Наряду с вышеуказанными перевалочными базами в провинции Кунар, в горном районе перевала Гулпрай близ населенного пункта Мамунда восточнее уездного центра Саркани, были оборудованы две перевалочные базы «Шахид Абдул Латиф» и «Фатха», выполняющие одновременно роль опорных пунктов. Обе имели выход в Пакистан в район Баджар, близость к которому обеспечивала быстрое наращивание сил с сопредельной территории. Эти базы принадлежали партии «Исламский союз освобождения Афганистана» под руководством Абдула Расула Саяфа.

В уезде Кама в провинции Нангархар формирование численностью 300–400 человек оборудовало перевалочную базу, хранившую вооружение и боеприпасы. С базы регулярно совершались нападения на окрестности города Джелалабад, осуществлялись засады на автомагистрали «Кабул — Джелалабад» и терроризировалось гражданское население.

По данным генерала А.А. Ляховского, крупными перевалочными базами являлись: Марульгад, Рабати-Джали, Шинарай, Кокари-Шаршари, Джавара, Льмархауза, Ангуркот, Ходжамульк, Мианпушта, Анандара, Шагали, Тангисейдан, (например, Марульгад, Шинарай, Джавара, Рабати-Джали и др.), одновременно являлись и базовыми районами.

БАЗОВЫЕ РАЙОНЫ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979—1989)

Базовые районы афганской оппозиции представляли собой долговременные оборонительные сооружения (фортификационные комплексы) с коммуникациями, организованными по единому плану управления (взаимодействия) системы огня. Предназначались для ведения продолжительных боевых действий в устойчивой обороне и полной изоляции с превосходящими силами ОКСВА и ВС ДРА, использующих тяжёлую артиллерию и авиацию.

В инфраструктуре организации вооружённой борьбы базовые районы играли важнейшую роль. Они размещались на значительной по площади территории в труднодоступных горных районах, удаленных от коммуникаций и гарнизонов советских и афганских войск.

«Фортификационные сооружения базовых районов представляли собой комплекс наземных и подземных, тоннельного типа с защитной толщиной 15–20 метров, сооружений. Жизнедеятельность укрепрайона поддерживалась резервными и альтернативными источниками энергии. Был оборудован системой автономного водоснабжения артезианской скважиной. БР располагал автономным электро- и водоснабжением.

Имелись административные здания и жилые дома для размещения высокопоставленных лиц и иностранных представителей. Подступы к базе были прикрыты эшелонированными рубежами опорных пунктов, оборудованных на господствующих высотах огневыми сооружениями с укрытиями. Базовые районы имели исключительно сильную ПВО — большое количество ПЗРК, ДШК, ЗГУ». (А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана»)

Базовые районы (БР): Агарсай (42 км. южнее Мазари-Шариф, «ИПА»), Байрамшах (36 км. юго-западнее Мазари-Шариф, «ДИРА»), Шорча (57 км. южнее Мазари-Шариф, «НИФА»), Хукумати-Духанайи-Гори (22 км юго-западнее Пули-Хумри, «ИПХ»), Верхний Панджшер (26 км. северо-восточнее Руха, «ИОАП»), Гурбатегар (38 км. западнее Бараки-Барак, «ИПА» и «ДИРА»), Азрау (58 км. юго-восточнее Кабул, «ИПА» и «ИСОА»), Искаполь (16 км. западнее Газни, «ДИРА»), Заркашан (70 км. западнее Газни, «ИПА», «ИПХ» и «ДИРА»), Исламдара (48 км. северо-западнее Кандагар), Варсадж (провинция Бадахшан, «ИОА»), Таганхок (провинция Герат, «ИОА»).

Подходы к базовым районам за несколько километров были заслонены минно-взрывными заграждениями. От ударов с воздуха базовые районы прикрывались средствами ПВО. В базовых районах на постоянной основе находился гарнизон для обороны и обслуживания.

В базовых районах размещались штаб «исламский комитета»; укрытия и бомбоубежища; госпиталь; узел связи (и ретранслятор); учебный центр; казармы; склады с оружием и боеприпасами для боевой деятельности; склады с запасами продовольствия и питьевой воды; авторемонтные и оружейные ремонтные мастерские, камеры для заключённых. Особо важным элементом в базовых районах были склады - «перевалочные базы» для временного хранения и перевалки вооружения, боеприпасов в «перевалочные пункты» вглубь территории ДРА.

Базовые районы, также выполняющие функции перевалочных баз:

«Джавара» — провинция Хост; «Кокари-Шаршари» — провинция Герат; «Кунсаф», «Пьядара», «Искаполь» — провинция Газни; «Кухи-Сафи», «Чакарай» — провинция Кабул; «Хуркабуль» — провинция Вардак; «Дарзаб» — стык провинций Джаузджан, Фарьяб; «Варсадж» — провинция Бадахшан; «Таганхок», «Исламдара», «Хакрез», «Хадигар», «Васатичигнай», «Чинарту», «Опушелло», «Исламдад» — провинция Кандагар; «Рабати-Джали» — провинция Нимроз; «Крер» — провинция Кунар; «Альбурз», «Агарсай», «Байрамшах», «Шорча» — провинция Балх, «Луркох» — провинция Фарах, «Марульгад», «Камдакка», «Мелава», «Гора-Бора», «Отз», «Шпольхай» — провинция Нангархар, «Шинарай» — провинция Парван, «Хукумати — Духанай — Гори» — провинция Баглан; «Пастаканца», «Джавида», «Льмафхауз» — провинция Хост; «Марджа» — провинция Гильменд; «Срана» — провинция Пактия.

В годы Афганской войны (1979-1989) известность обрели ряд крупных базовых районов: «Джавара» (Хост), «Кокари-Шаршари» (Герат), «Гора-Бора» (Нангархар), «Луркох» (Фарах), в Мармольском ущелье (Альбурз, Агарсай, Байрам-шах, Шорча - Балх), также «Дарзаб» (Фарьяб-Джаузджан), «Крер» (Кунар), «Гошта» (Нангархар) и другие.

Панджшерское ущелье, протяжённостью более ста километров, в силу физико-географических данных, являлось уникальным фортификационным комплексом, растянутым по долине, оборудованной множеством опорных пунктов. Подобными особенностями, но меньшими по размеру, обладали укреплённые районы в Мармольском ущелье, и в горном массиве Луркох.

К 1981 году оснащение базовых районов средствами ПВО резко возросло. В близости и внутри базовых районов и перевалочных баз оппозиции насчитывалось до нескольких десятков зенитных огневых точек.

«Базой» назывался незначительный по площади объект, в котором размещалось вооруженное формирование отдельной исламской партии и хранилось его оружие и имущество.

Базы мятежников: Альмар, Кара-Дарайи-Занг, Шах, Дарайи-Банд, Дарзаб, Карамкуль, Амрах, Тондж, Джароб, Бедак, Кашка, Дехи, Зингирд, Шер-Шер, Мушхана, Бустон, Яшуль, Пумбуки-Бала, Кухи-Суфи, Джигдалай, Мелава, Камбакка, Шпольхай, Срана, Кунсаф, Сурхаган, Апушела, Чинарту, Гулиная, Мулла-Бостанкалай и другие.

«Джавара» - базовый район и перевалочная база, объект формирования крупного полевого командира Джалалуддина Хаккани из «Исламской партии Афганистана». Располагался в провинции Хост, на юго-востоке страны. «Джавара» был объектом пропагандистского значения. Из Пакистана в Джавару привозили иностранных журналистов для освещения в мировых средствах массовой информации повстанческой борьбы афганских мятежников.

БР «Джавара» состоял из множества галерей и укрытий, бункера штаба, складов, казарм, госпиталя и т.д. Строительство БР «Джавара» началось ещё до свершения Саурской революции 1978 года, в период борьбы с режимом М. Дауда и велось продолжительное время. В ходе крупной совместной операции ОКСВА и ВС ДРА, «Джавара» был захвачен в апреле 1986 года афганской бригадой спецназ «Коммандос» при поддержке подразделений:

108-й мотострелковой дивизии; 56-й десантно-штурмовой бригады и 345-го парашютно-десантного полка.

«Кокари-Шаршари» — базовый район и перевалочная база, объект «западной объединённой группировки» под командованием крупного полевого командира на западе Афганистана Исмаил-хана (Турана Исмаила) из партии «Исламское общество Афганистана», располагался на западе провинции Герат, в зоне афгано-иранской границы. «Кокари-Шаршари» был построен в 1984 году, по плану, разработанному западногерманскими и иранскими инженерами-фортификаторами. В ходе общевойсковой операции «Западня» 26 августа 1986 года «Кокари-Шаршари» был захвачен подразделениями 149-го мотострелкового и 345-го парашютно-десантного полков.

«Тора-Бора» — базовый район и перевалочная база, объект формирования крупного полевого командира на востоке Афганистана Юнуса Халеса из партии «Исламская партия Юнуса Халеса». Представлял собой лабиринт тоннелей, уходящий на глубину 400 м, с множеством галерей, хранилищ, жилых помещений и укрытий, бункеров, складов вооружения и боеприпасов. Общая протяжённость сообщений составляет более 25 километров. Располагался в труднодоступном горном массиве на высоте 4000 (четырёх тысяч) метров в 85 (пятидесяти восьми) километрах южнее города Джелалабад провинции Нангархар. «Тора-Бора» был захвачен в октябре – ноябре 1980 года; 18, 19 июня 1981 года; 22 – 29 июля 1983 года подразделениями 66-й отдельной мотострелковой бригады и группой спецназа «Тибет» отряда «Каскад» ПГУ КГБ СССР (в 1980-м году).

«Альбурз», «Агарсай», «Байрамшах», «Шорча» - базовые районы партии «Исламское общество Афганистана» формирований под командованием полевых командиров на севере Афганистана: Мохаммад Забиулло (Абдул Кадер), Мохаммад Алим, Атта Мохаммад Нур. Располагались в 60 (шестидесяти) – 100 (ста) километрах южнее, юго-западнее города Мазари-Шариф в горных районах Мармольского, Тангимармольского, Шадианского, Ташкурганского ущелий в провинций Балх и Саманган.

В ходе различных по масштабу и составу участников войсковых операций - в 1980-м, в августе 1981-го; в 1982-м; в марте 1983-го; в январе-феврале 1984-го; в сентябре 1985-го; в 1986-м; в 1987-м годах, данные базовые районы захватывался ОКСВА частями: 201-й мотострелковой дивизии; Погранвойск КГБ СССР; 154-м отрядом спецназа ГРУ.

«Дарзаб» — базовый район формирования партии «Исламское общество Афганистана». Располагался на стыке провинций Фарьяб и Джаузджан в 300-метровом каньоне. «Дарзаб» был разгромлен в ходе войсковой операции, проведенной с 15 по 19 февраля 1982 года под командованием начальника штаба 40-й Армии генерал-майора Н.Г. Тер-Григорьянца силами подразделений 350-го и 357-го парашютно-

десантных полков 103-й воздушно-десантной дивизии; 154-го и 177-го отрядов спецназ ГРУ.

«Крер» — базовый район «Исламского союза освобождения Афганистана» лидера Абдула Расул Саяфа располагался на высоте 2-х тысяч метров к востоку от уездного центра Саркани в провинции Кунар на границе с Пакистаном. Был оборудован в начале 1980-х годов в двадцати километрах южнее административного центра провинции Кунар г. Асадабада на стыке границ Афганистана и Пакистана. Крер был разгромлен в конце марта 1986-го года силами 154-го и 334-го отрядов 15-й отдельной бригады спецназ ГРУ.

«Гошта» — базовый район в провинции Нангархар на границе с Пакистаном. Был уничтожен в январе 1986-го года подразделениями 154-го и 334-го отрядов 15-й отдельной бригады спецназ ГРУ.

«Луркох» — базовый район в провинции Фарах на юго-западе страны. Располагался юго-восточнее города Шинданд в горном массиве Луркох, в близости к трассе «Кандагар - Герат». В 1981-м и 1984-м годах был захвачен частями 5-мотострелковой дивизии.

«Васатичигнай» — базовый район и перевалочная база на юге страны в провинции Кандагар на границе с Пакистаном партии «Исламская партия Афганистана» под командованием полевого командира Абдуллы Резака. Располагался в горном массиве в 70-ти километрах восточнее Кандагара, в пятнадцати километрах южнее трассы «Кандагар-Кабул». «Васатичигнай» лежал на караванных маршрутах центрального направления, снабжающего вооружением формирования в провинциях Кандагар и Забуль.

Войсковая операция по разгрому «Васатичигнай» проводилась 27 февраля 1986-го года под общим командованием начальника штаба ТуркВО генерал-лейтенанта Гусева. Базовый район «Васатичигнай» был захвачен силами подразделений 70-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады, в составе разведроты, десантно-штурмового батальона, танкового батальона, подразделений ствольной и реактивной артиллерии и 173-го и 370-го отрядов 22-й отдельной бригады ГРУ.

ЧАСТЬ III.

АФГАНИСТАН: Войсковые операции 1985-1986 г.г.

ИСТОРИЯ МАРМОЛЬСКИХ ОПЕРАЦИЙ

В конце 1981 года в северной афганской провинции Балх была проведена войсковая операция, сорвавшая планы установлению в ней антиправительственного режима.

К 1982 году, в более чем 40 % уездов и волостей северных провинций ДРА оказались под контролем антиправительственных сил.

Провинциальные и уездные органы государственной и исполнительной власти были парализованы, основные коммуникации, трассы и дороги были блокированы.

Местное население, большей своей частью, было на стороне антиправительственных сил. Едва ли не в каждом кишлаке был свой вооружённый отряд антиправительственной оппозиции. Четверть из общего числа членов вооружённых формирований, достигших к 1982 году 45-ти тысяч, а к 1987 году 82,3 тысяч, приходилась на северные районы страны.

Провинция Балх, расположенная на севере ДРА, граничила с Советским Союзом. С вводом наших войск в Афганистан обстановка на границе значительно ухудшилась, участились случаи её нарушения, провокаций против пограничных подразделений, нападения на местные органы власти и транспортные колонны из СССР вглубь ДРА.

Северной столицей Афганистана и центром провинции Балх является Мазари-Шариф - один из самых крупных городов Афганистана. Его стратегическое положение, близость к южной границе СССР оказывало влияние на обстановку в ДРА в целом.

Для дестабилизации военно-политической обстановки на севере страны, вблизи коммуникаций крупных городов Мазари-Шариф, Балх, Ташкурган, Айбак местные полевые командиры вооружённых формирований ИОА (партия «Исламское Общество Афганистана»), в труднодоступных,

хорошо охраняемых опорными пунктами, горных районах размещали свои перевалочные базы.

На удачу оппозиции, в 20 километрах южнее Мазари-Шариф, находился горный массив, внутри которого: с запада на восток, на расстоянии около 200 километров, а затем круто на юг, ещё - 50 километров, тянулся глубокий каньон, с обеих сторон стиснутый отвесными скалами.

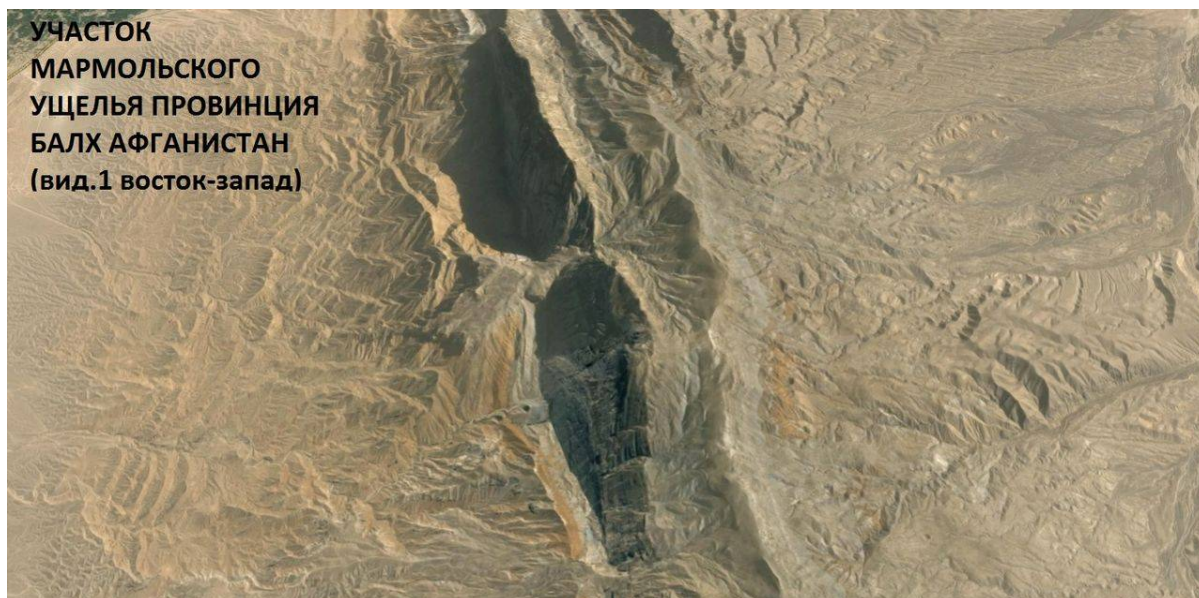
За характерный оранжево-бурый цвет своего рельефа Мармоль советскими солдатами был назван ущельем «красных скал». На всей протяженности Мармольского ущелья высота противоположных склонов, петляющего каньона заметно различается. Западный вход в ущелье через прорубленную в скалах горловину в самом узком месте не достигает и 4 метра.

Мармоль представлял собой практически готовый базовый район, на котором мятежникам оставалось лишь оборудовать огневые точки, склады вооружения, боеприпасов, продовольствия и госпиталь.

В период с 1980-1988 годы Мармоль стал местом проведения различных по масштабу войсковых операций Советской Армии и Погранвойск ПВ КГБ СССР.

В январе 1983 года произошло резонансное событие с взятием в заложники 16 советских гражданских специалистов. Находящийся в этот момент в Кабуле Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов – первый заместитель министра обороны СССР, отдал приказ о срочном проведении в Мармольском ущелье военной операции по их освобождению.

Спасти наших граждан, к сожалению, тогда не удалось. Однако в ходе проведённой зимой 1983 года войсковой операции, оппозиция понесла большие потери в живой силе, было захвачено много трофейного оружия и боеприпасов.

Проведённая в январе-феврале «Мармольская операция 1984 года» была единственной в истории Афганской войны (1979-1989) и Пограничных

войск КСАПО КГБ СССР, проведённой по директиве Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова и плану, утверждённому Председателем КГБ Ю.В. Андроповым и первым заместителем министра обороны Маршалом СССР С.Л. Соколовым.

Командование операцией было возложено на начальника главного управления войсками КСАПО генерал-майора Г.А. Згерского. В январе 1984 года генерал-майор Г.А. Згерский с предварительным планом операции прибыл на совещание к Маршалам СССР Соколову и С.Ф. Ахромееву в Кабул. После доклада генерала-майора Г.А. Згерского, военачальники сверили собранные разведывательные данные о силах противника, географии местности и обсудив план операции с командующим Туркестанским военным округом (ТуркВО) генералом армии Ю.П. Максимовым, одобрили его.

Командование операцией единогласным решением было возложено на генерал-майора Г.А. Згерского.

Зона «Мармольских операций» охватывала широкий фронт провинций Балх и Саманган, находящиеся в них труднодоступные горные участки - Мармольского, Тангимармольского, Шадианского и Ташкурганского ущелий. В них отряды партии ИОА оборудовали базовые районы - Альбурс, Агарсай, Байрамшах, Шорча и другие.

Итогом успешно проведённой за 12 дней в январе-феврале «Мармольской операции 1984 года» стала ликвидация 500 мятежников, овладение базовым районом, уничтожение 8 опорных пунктов, захват и частичное уничтожение складов оружия и боеприпасов.

Национальный состав Мармоля был представлен узбеками, хазарейцами, туркменами и таджиками. Контроль над северными провинциями в период 1980-1989 годы находился в руках крупного полевого командира Ахмад Шах Масуда. Наиболее крупными полевыми командирами являлись Мохаммад Забиулло, Атта Мохаммад Нур, Карим Ахмад, Насрулла Мансур.

МАРМОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1985 года

Прошло полтора месяца, как началась моя служба в Афганистане. После завершения боевых действий в районе Файзабада, наш 149-й полк после короткой передышки, оставив место постоянной дислокации, на собственной бронетехнике в начале сентября выдвинулся на запад в провинцию Балх для участия в «Мармольской операции 1985 года». Преодолев около 150 километров пути по трассе «Кундуз - Мазари-Шариф», колонна круто свернула на юг в холмистую местность.

При совершении марша на заданный рубеж БМП и другие гусеничные бронемашины, загруженные личным составом подразделений полка и автомобильная техника тылового обеспечения, с трудом взбирались на вершины холмов. Достигнув района, запланированного под площадки подскока, десантные группы полка погрузились в вертолёты Ми-8 и полетели в район операции в горы Мармоля.

При подлёте к месту высадки из кабины пилотов Ми-8 показался борттехник и знаком показал: «Готовьтесь к десантированию». Вертолёты начали резко снижаться, и наша десантная группа в считанные секунды стала покидать борт, занимая огневые позиции на одном из северных склонов Мармольского ущелья.

Внезапность и стремительная высадка тактического воздушного десанта на господствующую высоту, позволили застать скрытую за естественными складками расщелин и карнизов группу противника врасплох. Бой оказался скоротечным. Противник не успел оказать серьезного сопротивления, и был уничтожен.

«Мармольская операция 1985 года» состояла из трёх этапов. После успешного выполнения первого этапа операции по высадке десанта, с целью развить успех на 2-м этапе в узкое ущелье была введена боевая техника, среди них боевые машины противовоздушной обороны «Шилки», способные вести огонь, близкий к вертикальному и подавлять выявленные огневые точки противника.

Там, где огонь «Шилок» не достигал огневых точек мятежников, подразделения уничтожали ручными реактивными огнеметами «Шмель».

А в это время на командные высоты с вертолётов высаживались уже очередные группы воздушного тактического десанта 149-го гвардейского мотострелкового полка. Полностью овладев инициативой, они успешно развивали наступление, ломая упорное сопротивление противника.

На втором этапе операции наша разведывательная рота заняла боевые позиции на горном плато одного из южных склонов Марمولьского ущелья. После захода солнца, распределив смены ночного дежурства, мы расположились на отдых. Дождавшись очереди заступить в караул, я начал обход охраняемого участка. Осматривая и наслаждаясь горным пейзажем, мой взгляд приковался к отвесной стене, нависшей с противоположной стороны ущелья.

Стена скальной породы, возвышающаяся над нами более чем на две сотни метров, заполнила всю ширину горизонта. Изрешеченная множеством отверстий, она напоминала собой высокий отвесный берег реки, место традиционного обитания «ласточек-береговушек». Пещерный город, издревле обустроенный в отрогах скалистых гор, растянулся на многие километры с запада на восток и далее на юг. На всем полотне рыже-бурой горной породы, из вырубленных в скале на равном удалении первобытных жилищ, горели тысячи очагов. Зрелище было незабываемое.

Сразу вспомнился курс истории, рассказывающий о том, что здесь, в бесчисленных пещерах и лабиринтах Мармоля, со времён Греко-Бактрийского царства, походов арабских завоевателей, покорения края ордой Чингисхана и полчищами Тамерлана, многие древние народы находили убежище. Благодаря исключительному географическому положению и труднодоступному горному ландшафту, в пещерах Марمولьского ущелья на зимовку расквартировал свои войска и Александр Македонский.

В знаковый исторический период с 1919 по 1931 годы зона Марمولь, стала местом боестолкновений, укрывающихся в Северном Афганистане басмаческих отрядов курбаши Ибрагим-бека с отрядами РККА под командованием В.М. Примакова (Рагим-бея) и Я.А. Мелькумова (Якуба Туры).

За тысячи лет в Мармоле мало что изменилось: жилища, таджиков, узбеков, хазарейцев, туркмен, врубленные в ярусы отвесных скал, связывает с внешним миром узкая серпантинная дорожка.

А на рассвете древнюю тишину ущелья нарушили мощная артиллерийская канонада и БШУ боевых вертолётов Ми-24. После их

обработки, подразделения 149-го мотострелкового полка начали захват хорошо оборудованных опорных пунктов мятежников. Уничтожив последние очаги сопротивления, подразделения полка ворвались в пещеру, в которой был оборудован военный госпиталь мятежников.

Удивляло наличие в нём современного медицинского оборудования, большое количество медикаментов и продовольствия. Операционная, больничная палата, помещения для отдыха обеспечивались энергией из альтернативных источников питания, мощных дизельных генераторов и габаритных аккумуляторных батарей.

Среди медперсонала были афганцы и три женщины-врача из Франции. Как потом стало известно, лидер мятежников Ахмад Шах Масуд, окончивший в юности Кабульский французский колледж, прилично говорил по-французски, а в ходе Афганской войны (1979-1989) тесно взаимодействовал с официальными представителями «пятой республики».

По утверждению западных журналистов, в походах А.Ш. Масуда всегда сопровождали книги, часто они были на французском языке.

Надо отметить, что участие 149 гвардейского мотострелкового полка в боевых операциях, становилось залогом успеха в захвате объектов тылового обеспечения мятежников, складов с оружием, боеприпасами и продовольствием, госпиталей, оборудованных современной медицинской техникой и палатами с белоснежными койко-местами.

Так было в Андарабской долине, уездах Хост-О-Ференг, Ишкамыш и на значительном удалении от места постоянной дислокации 149-го мотострелкового полка, в провинциях Кунар и Герат.

Завершая повествование о «Мармольской войсковой операции 1985 года», подчеркну, что в сентябре 1985 года базовый район мятежников был ликвидирован. Подразделениями 149-го полка было захвачено большое количество вооружения, боеприпасов и важной документации. Содержимое мармольских складов в течение нескольких дней вывозилось на КамАЗах и вертолётами Ми-8 в расположение 201-й мотострелковой дивизии.

Об успешном планировании и проведении войсковой операции также свидетельствовал факт, что потери в личном составе 149-го гвардейского мотострелкового полка были минимальные.

ЗАБИУЛЛО и АТТА НУР

Повествуя об истории «Мармольских операций» в разные годы, было бы не справедливым обойти вниманием знаковые личности полевых командиров противоборствующей стороны, отдавая должное их упорству и смелости.

В период с 1980 по 1984 годы в провинциях Балх и Саманган наиболее крупным полевым командиром был Забиулло (Мохаммад Забиулло, настоящее имя Абдул Кадер). Бывший религиозный учитель, на начальном этапе войны, он был одним из наиболее молодых и перспективных полевых командиров А.Ш. Масуда в Панджшере.

В 1980 году М. Забиулло был направлен А.Ш. Масудом в провинции Балх и Саманган для усиления в регионе позиций партии «ИОА». Из воспоминаний западного журналиста, побывавшего в Мармоле в 1982 году: *«Забиулло был невысокого роста, круглолицым молодым человеком с чёрной бородой, двадцати с небольшим лет, с ярко выраженными качествами лидера и организатора. Отличался сдержанностью и харизмой».*

М. Забиулло лично руководил действиями своих отрядов при нападении на афганские правительственные силы и Советские войска в провинциях Балх и Саманган, включая бои в окрестности города Мазари-Шариф.

К 1983 году, большая часть всех боевых действий в провинциях Балх и Саманган велась под его непосредственным командованием.

Являясь эффективным организатором, Забиулло поделил регион на 73 участка. В каждом из них он назначил командира, руководящего одной или несколькими малочисленными диверсионными группами по – 10, 20, но не более 30 человек. Все они находились под общим командованием Забиулло.

На примере А.Ш. Масуда в Панджшере, стремясь завоевать авторитет у местного населения, М. Забиулло организовывал в кишлаках социально значимые мероприятия, в том числе, открывал медресе, классы по обучению грамоте и основам ислама, обучал основам партизанской борьбы.

По утверждению того же западного журналиста, Правительство в Кабуле, неоднократно предпринимало попытки подкупить М. Забиулло деньгами или выгодной государственной должностью, в обмен на прекращение партизанской борьбы и гарантий не атаковать афганские правительственные и советские колонны в близости к ущелью Мармоль.

Мохаммад Забиулло был убит в провинции Балх. Транспортное средство, в котором он перемещался 14 декабря 1984 года, было подорвано на фугасе, заложенном предположительно членами соперничающей партии ИПА, по другой версии, - советскими военными. С гибелью Забиулло, место

лидера занял Атта Нур (Атта Мохаммад Нур), уроженец провинции Балх, таджик, 1964 года рождения.

Перед началом Афганской войны (1979-1989) А.М. Нур преподавал в школе (отсюда его прозвище «учитель»), затем влился в вооружённую оппозицию «ИОА». В дальнейшем А.М. Нур стал наиболее влиятельным командиром на севере Афганистана и близким соратником А.Ш. Масуда.

После вывода Советских войск из Афганистана в 1989 году, начиная с 1992 года по настоящее время, Атта Мохаммад Нур, является одним из наиболее известных и влиятельных афганских политиков.

В 1996 году А.М. Нур, вместе с другими крупными полевыми командирами А.Ш. Масудом и Рашидом Дустумом вошёл в «Объединённый исламский фронт спасения Афганистана», больше известный, как «Северный альянс», противостоящий радикальной исламской группировке «Талибан», захватившей власть в Афганистане (1996-2001), и провозгласившей на его территории «Исламский Эмират Афганистан». В 2004 году А.М. Нур был избран губернатором провинции Балх.

Возвращались с «Мармольской операции 1985 года» мы очень уставшими. Маршрут к пункту постоянной дислокации в Кундуз пролегал по красивейшим городам Афганистана - Мазари-Шариф. Пролетая в стремительном темпе центральную улицу города, сидя на броне БМП, нам удалось коротко насладиться великолепием небесно-голубой «Джума-мечети», покрытой бирюзовыми изразцами, и храмового комплекса могилы (кенотафа) Халифа Али (Али ибн Абу Талиба – двоюродного брата и зятя Пророка Мохаммеда), представляющего одну из мировых шиитских святынь.

СИДОР

Одним из курсантов нашей учебной разведроты в Термезе-Шерабаде, которые попали служить в 149 гвардейский мотострелковый полк, был Сергей Сидоренко (Сидор). В ходе службы мы часто встречались в расположении части, учитывая, что палатка 2-го разведывательного взвода, где служил Сидор, находилась через две от нашей и на одной линии.

Повстречавшись как-то в один из воскресных дней октября 1985 года при выходе из столовой, мы разговорились и, за беседой, стали обходить её строения по кругу. В тыльной части, за распахнутыми дверями одного из служебных входов, наше внимание привлёк повар офицерской столовой, который, достав у нас на глазах из холодильника овал колбасы, начал её ловко нарезать. Колбаса в Афганистане была исключительной редкостью, но я не придавал увиденному особого значения, поскольку был погружён в разговор с Сидором до момента, пока не почувствовал, что мыслями Сидор уже в другом месте. Тогда я с ним попрощался и удалился в расположение роты.

Утром объявили полковое построение, на котором командир полка А.И. Скородумов дал оценку действиям личного состава в завершившейся

армейской операции, поблагодарив особо отличившиеся подразделения. Завершив официальную часть, командир перешёл с серьёзного тона на свободный и начал рассказывать случай, приключившийся с ним прошлой ночью: «Я попросил отъезжающего в отпуск в Союз зампотыла полка навестить мою семью. Просьбу мою он выполнил, заодно передав, вместе с письмами, и гостинец, - приготовленную женой домашнюю колбасу. Желая сам поесть и угостить заместителей, я передал её повару офицерской столовой, сказав, чтобы он подал её на ужин. За вечерним столом, обсуждая с заместителями ближайшие задачи, я совсем забыл о домашней колбасе. Ночью я решил пройтись по палаткам подразделений и проверить, как отдыхает личный состав полка. Проходя палатки одну за другой, добрался до расположения 2-го разведвзвода. Разведчики уже отдыхали, а у обогревающей палатку раскалённой буржуйки, вороша кочергой угли, истопником сидел молодой солдатик». После этих слов командир полка направил взгляд на строй второго батальона и стал искать в нём разведвзвод: «Ну, где ты там, покажись нам! Разведчик, выйди из строя!» Из заднего ряда, сделав три шага вперёд, вышел и повернулся лицом к строю Сидор.

Опустив голову, он с трудом сдерживал смех. Командир полка продолжал: «В одной руке у него, значит кочерга, а во второй огромный такой бутерброд с уложенными сверху нарезанными кусочками колбасы. А он ещё меня не видит. Я незаметно приблизился из-за спины и, положив руку на его плечо, тихо спросил: «Сынок! А ты колбасу-то, откуда взял? А он, повернулся вполоборота и, глядя на меня честными глазами, отвечает: Нашёл!». После непродолжительной паузы, обращая свой вопрос к личному составу полка, командир спрашивает: «Так скажите мне! Где в Афганистане колбасу можно найти?» Полк хором захохотал. Сидор вернулся в строй, и с этого дня он стал известной в полку личностью.

Сидор был весёлым, жизнерадостным парнем и настоящим товарищем. На всю жизнь я запомнил случай в горах Андараба, когда наша разведрота высадилась первой и, захватив «духовский» склад с оружием, тащила трофейный арсенал на протяжении длинного пути, израсходовав силы и запасы воды. Восходя на одну из вершин с ротой, я услышал сверху чью-то надменную и издевательскую реплику: «Эй, душара! Чего еле ноги волочишь!» Я увидел, сидящего выше на большом валуне, свесившего ноги Сидора. В ответ, набрав в лёгкие больше воздуха, я выдавил осипшим голосом: «Я сейчас, заберусь и, покажу тебе, какой я душара». Когда я поднялся на вершину, злость куда-то пропала. Сидор смеялся без злобности, и даже что-то продолжал говорить. В один момент, увидев мои растрескавшиеся губы, он спросил: «У тебя вода-то есть?» Я ответил: «Сожалею брат, уже второй день без воды». Он открыл свой рюкзак, достал оттуда полную фляжку воды и передал её мне: «Держи!» На мой взгляд, это редкий поступок, который способен совершить далеко не каждый. Сидор, которому также предстоял трудный путь в горах, не сказал тогда, мол, «на, попей» или «дай пустую фляжку, я тебе налью», не было также слов: «возьми

фляжку, отлей себе». Он, не задумываясь, передал полную фляжку воды, словно с барского плеча, и тут же забыл об этом. По достоинству оценить поступок Сидора может только человек, который сполна испытал на себе тяготы и лишения горных переходов.

Широкой был души, но не прощал оскорблений. Во время первой своей операции в горах в уезде Кишим провинции Бадахшан, один старослужащий ударил его по лицу. Сидор сдержался и внешне не выдал эмоций. Но, дождавшись наступления ночи и отлучения обидчика по нужде, Сидор достал из рюкзака гранату Ф-1, незаметно пробрался к месту его ночлега. Там, откинув плащ-палатку, на которой отдыхал «дед», он выдернул кольцо гранаты и силой вдавил запалом в грунт, под самым её центром. Потянув за углы, убрал складки, чтобы скрыть следы постороннего присутствия, и удалился.

Всю ночь Сидор не сводил со спящего и ни разу за ночь, не шелохнувшегося «деда» глаз, ожидая, когда тот, наконец, сдвинется с места и прогремит взрыв. Утром, как ни в чём не бывало, «дед» поднялся и стал сворачивать плащ-палатку в рулон. Оголив место, где лежала граната и, вероятно, сняв достаточный вес для удерживания в сжатом состоянии чеку, послышался щелчок. За мгновение, «дед» перевёл взгляд с гранаты на Сидора и опять на гранату, затем, прыгнув и схватив её, бросил на дно ущелья. Взрыв произошёл в воздухе. Поняв, чьих это рук дело, он бросился на Сидора с кулаками. Командир 2-го разведвзвода оттащил его от Сидора. По возвращению в полк, после разбора этого случая, старослужащего перевели в другое подразделение.

Будучи человеком широкой души, он обладал также особым талантом по добыванию продовольствия в ограниченных условиях. Однажды, он обошёл ребят с нашей учебной разведроты, служивших в разных разведподразделениях полка, и предложил за помощь в транспортировке продуктов из расположения дивизии, находящейся за забором, в ночное время суток и в течение нескольких ночей по пять ящиков каждого наименования: сгущёнки, толстолобика, сахара и сливочного масла.

Желание участвовать изъявили шесть человек. На сборе после вечерней проверки установили время выхода, двигаться по расположению дивизии договорились по двое, местом встречи была выбрана палатка Ленинской комнаты Агитотряда дивизии. Заставленная флагами ДРА, увешанная портретами генсеков ЦК НДПА Бабрака Кармаля и ЦК КПСС К.У. Черненко, различными предметами наглядной агитации советско-афганской дружбы, партами и скамейками для проведения политзанятий, палатка Ленинской комнаты Агитотряда дивизии представляла деревянную конструкцию, с натянутым на неё прорезиненным полотном. Для сохранения прохлады или тепла, в зависимости от сезона, между деревянной конструкцией и прорезиненным полотном, по всему периметру, оставлялось пустое пространство, технологически, служащее воздушной прослойкой при теплоизоляции. Ширина пространства, вытянутого по всему периметру

палатки, составляла до пятидесяти сантиметров, высота от пола до нижнего уровня оконных проёмов была более полутора метра, вполне достаточно, чтобы спрятать в нём большое количество продовольствия.

Выложенные в несколько рядов ящики, были разложены по всему периметру палатки и по уровню, едва не доходили до нижней границы окна.

Доступ к данному пространству изнутри палатки обеспечивался через двенадцать, по шесть с двух сторон, квадратных деревянных оконных проёмов, снаружи, в него можно было заглянуть, скатав в рулон и закрепив на подвязках, декоративные прозрачные целлофановые окна в прорезиненном полотне палатки. Прямо напротив палатки стоял огромный дивизионный склад, ангар из профильного листа. Для проникновения на склад, в верхней его части, был разобран профильный лист. Какими силами и средствами эти ящики из помещения были подняты на крышу склада, затем спущены вниз и, оставаясь незамеченными, были размещены в пространстве по периметру палатки, осталось большой загадкой. Груз переносился в несколько ходок за ночь, на протяжении недели и был сложен по подобию того, как в ленинской комнате агитотряда, уже в палатках разведчиков или в ямах, выкопанных за палатками подразделений, где хранился отапливающий каменный уголь.

Пропавшие продукты искали везде, во всём расположении дивизии. Но допустить, что продукты могут находиться в стоящей у входа в склад палатке ленинской комнаты агитотряда, не мог никто. Сложно представить, сколько материальных средств было списано по итогам ревизии на складе. Сам же провиант постепенно был съеден разведчиками на боевых действиях.

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛИНА»

В середине октября 1985 года под руководством командующего 40-й Армией генерал-лейтенанта И.Н. Родионова проводилась армейская войсковая операция «Долина». Личный состав подразделений 201-й мотострелковой дивизии, прибывший из пунктов постоянной дислокации на аэродром Пули-Хумри на собственной бронетехнике, ожидал начала участия в трёх этапах операции высадкой тактического воздушного десанта на горном участке стыка Андарабской и Панджшерской долин.

Утро 15 октября 1985 года выдалось туманным. На аэродроме, под гул запускающихся двигателей вертолётов Ми-8, десантные группы ожидали приказа грузиться в вертолёты. А на край взлётной полосы, за уложенными в ряд рюкзаками и личным оружием, будто по сигналу с разных концов слетелись повидаться друзья-разведчики, выпускники Шерабадской учебной разведроты.

Парни были рады встрече, крепко обнимались, вспоминали, смеялись, шутили, но внезапно, получив приказ быть в готовности к погрузке в вертолёты, попрощались и разбежались по своим подразделениям.

Эта тёплая встреча товарищей по учебной разведроте с разведчиком Германом Стрельцовым стала последней. При выполнении болевой задачи, выходе на заданный рубеж 16 октября 1985 года, передовой дозор разведывательной роты 395-го мотострелкового полка, в составе которого находился Герман Стрельцов, понёс потери. Герман стал первым погибшим в Афганистане из нашей Шерабадской учебной разведроты.

Разведывательная рота 149-го мотострелкового полка, в ходе первого этапа операции «Долина» высадилась на одну из высот и, следуя по узкой серпантинной дорожке, опоясывающей склон горы, обнаружила пещеру–склад и укрытие, в котором ощущалось недавнее присутствие людей: ещё теплился очаг, и оставалась приготовленная еда.

В глубине пещеры были найдены оставленные мятежниками, полтора десятка английских винтовок Ли-Энфилд и Ли-Метфорд (Lee-Enfield Lee-Metford) больше известных как БУР (название, установившееся после «англо-бурской войны») с солидным запасом патронов калибра 7,74; крупнокалиберный пулемёт ДШК и несколько коробов с лентами, снаряжённых патронами. Так к своему - штатному ДШК, с треногой и коробами, набитыми лентами добавился и трофейный.

Весь пещерный арсенал забрали с собой, что крайне затруднило десантирование на следующих этапах операции. Трофей шёл в копилку боевой деятельности полка и разведроты, в частности. У командира разведроты стояла задача продемонстрировать трофейный арсенал командованию полка, во всей его красе и добиться для личного состава роты наград и поощрения.

Так, к полагающемуся строевым смотром вооружению - боеприпасам и воде, на моей шее висели, соединённые льняной верёвкой два короба ДШК, наполненных снаряжённой лентой, и помимо личного оружия АКС-74, на плечах, было две винтовки БУР. Спрыгнув с вертолёт, увешанный трофейным и личным оружием, с рюкзаками, полными боеприпасов, от тяжести я не мог не то, что встать – даже отползти в сторону. Поэтому прыгающие следом, сваливались мне прямо на голову.

После отлёта вертолёт, командир роты указал на вершину, на которую нам предстояло взойти. Мысль, что одолею её, была невероятна. Главной задачей было встать, а уже потом, не думая, «можешь или не можешь», идти, неся на себе непосильную тяжесть. В эти часы, я спиной чувствовал, прикованные взгляды старослужащих, наблюдавших за моим преодолением. Одно дело иметь смелость ответить на притязания в палатке, другое, показать, какой ты в действительности в горах. Выдерживая темп, за шагом шаг, тысячу раз, я повторял про себя фразу: «Врёшь, не возьмёшь», - и размеренно поднимался в гору. В минуты общего привала не садился, потому что понимал – если сяду, встать, а потом идти, будет тяжелее. Поэтому, поставив рядом БУРы, оперлся ладонями о горную твердь склона, и, подав тело вперёд, чтобы распределить тяжесть груза с ног на спину, я отдыхал отведённое время стоя. А уже к вечеру, добравшись до конечной, походного

дня, вершины, скидывал с себя рюкзак, коробка, БУРы и личное оружие, отдыхал «без задних ног», запрокинув голову назад.

Поход следующего дня был таким же продолжительным и трудным. Но, учитывая вхождение в ритм и привычку к переносимой тяжести, передвижение было значительно легче. Следующим утром, оставив на высоте один взвод, командир разведроты и два взвода со старшим лейтенантом, переводчиком полка с языка дари – таджиком по национальности, спустились в долину для разведки местности и набора воды.

Шёл второй день, как фляжки были пусты, а после длительного спуска на дно ущелья на пути встречались лишь жёлтые лужи неизвестного происхождения, возможно, дождевого, а могли быть и следствием остановки походных ишаков. Но на том этапе это было не так уж важно. Жидкость набиралась во фляжки вместе с мутной тиной, затем в неё бросали дезинфицирующий пантоцид и спустя полчаса пили.

Проходя по дну ущелья, разведчики и переводчик полка вышли на местность, где обнаружили несочетающуюся с пейзажем глинобитных строений необитаемого кишлака – волейбольную площадку. Сетка со стоек была снята, но скамейки, по обе стороны от площадки, для наблюдения за игрой и судейская вышка присутствовали. Сомнений не было - это пункт реабилитации мятежников. Рядом, примыкая к глинобитным строениям, используемыми под казармы, стояли десять ишаков, а в стороне, мирно пощипывая траву, тихо передвигалась по местности отара двадцати овец, используемая, судя по всему, мятежниками для приготовления пищи. Учитывая, что к завершению третьего дня этапа операции, сухой паёк уже съели, ответ на «что будем есть» был найден.

Командир разведроты поручил переводчику и разведчику, умеющему разделывать барана, выбрать «самого небольшого» и быстро завершить задачу. Попытки схватить животное успехом не венчались, отара ускользала, уводя за собой вглубь ущелья и увеличивая угрозу отрыва от сил роты. Отчаявшись в поимке, прибегли к оружию, сделав выстрел из АКМ-47 с надульным глушителем для бесшумной стрельбы ПБС в хвост отары. Но попали всё же в самого крупного. Быстро подобрались к туше, выпустили кровь и, вонзив в нижнюю часть голяшки трубку от капельницы, начали вдвигать воздух, чтобы легко отделить шкуру от мяса.

Максимально надув, расположили тушу в удобное для разделывания положение и начали работать ножами. В это время послышались выстрелы. Сначала били издали, но огонь стал приближаться и усиливаться. Схватив барана за ноги, офицер и разведчик побежали в сторону ближайших глинобитных стен. На бегу, когда огонь противника усилился, стало ясно, что с грузом не добежать, офицер скомандовал: «Бросай барана», - и продолжили путь без туши. Одна из пуль попала переводчику в нижнюю часть спины. Увидав за клубами садящейся пыли, лежащего и поднимающего руку раненного офицера, мятежники почувствовали, что им представился шанс отбить двух шурави от группы, и стали быстро спускаться вниз. Разведрота

открыла огонь по мятежникам с занимаемых позиций, не давая им возможности приблизиться к офицеру и разведчику. Когда переводчика полка вытащили из-под огня и перенесли в безопасное место, ему вкололи промедол и перевязали.

Командир разведроты вызвал авиацию, через 20 минут прилетела пара Ми-24 и стала обрабатывать огнём реактивных снарядов ближайшие склоны. Когда вертолёты отработали удары по целям, огонь стих, мятежники покинули район, а переводчика вертолётom Ми-8 эвакуировали в Кундузский санитарный батальон. Не возвращаясь за бараном, разведчики наполнили фляжки водой и вернулись на удерживаемую высоту.

Прошло двое суток. На третьем этапе операции ночью выпал тонкий слой снега. Учитывая, что запасы воды вновь были израсходованы, разведчики и приданные силы – артиллерийские корректировщики и авианаводчики, разбитые на группы, начали организованно соскабливать снег с валунов и расщелин, откуда было можно, и сваливать в ёмкости.

За час наша группа, преимущественно молодого призыва, наполнила наполовину один маленький заварочный чайник и начала греть его на сухом горючем. Вскипятив эту бурюю жидкость, бросили в неё пантоцид, лимонную кислоту, пакетик заварочного чая и сахар и, встав вдесятиром в круг, по очереди стали пить по маленьким глоткам. Один из нашей группы, солдат-арткорректировщик, по виду старше других «срочников», вероятно призванный в армию после института, до которого дошла очередь, выбрал характеризующие случай слова: *«Эти горы, этот чайник и этот - наш круг, мы будем помнить всю свою жизнь».*

Операция «Долина» октября 1985 года завершилась взятием большого количества оружия и боеприпасов. Потерь в разведротe не было.

Взойдя на условленную горную вершину для эвакуации вертолётами Ми-8, разведчики пустили дым (сигнальные ракеты с красным дымным следом), обозначив своё место расположения, и, разгрузив от трофейного арсенала десять транспортирующих ишаков, уведённых с базы мятежников, дабы не служили более противнику, перед посадкой на борт расстреляли.

НИКОЛАЙ КАНДАУРОВ – «С КОРОТКОЙ БИОГРАФИЕЙ, ВЕЛИКОЮ СУДЬБОЙ»

После победы на первенстве Татарской АССР по боксу среди юношей, первую тренировку наш тренер Нияз Хамидуллин объявил разгрузочной и, направил нас в баскетбольный зал, находящийся в том же здании ДЮСШ, этажом выше, на товарищеский матч с юношеской сборной командой по волейболу.

С начала матча игре был задан стремительный темп - каждой из команд нужна была победа. В одном из эпизодов игры я добежал до щита соперника и ждал передачи для броска в корзину. Увидев летящий в мою сторону мяч, я прыгнул, как мог высоко, но в воздушном противостоянии был снесён

капитаном команды сборной волейболистов Николаем Кандауровым (Кандауров Николай Петрович 1966 года рождения). Рухнув на пол, я ощутил в правой лодыжке острую боль. Встать на ногу более я уже не мог.

Коля Кандауров был давним моим приятелем. Мы росли в разных концах одной улицы, вместе играли в футбол и хоккей, часто встречались на разных соревнованиях, болели друг за друга на состязаниях с иногородними соперниками.

Взяв под руки, ребята из секции проводили меня к штатному доктору ДЮСШ. Ощупав болевой участок ноги, он констатировал высокую вероятность перелома лодыжки, что в последствие подтвердили снимки рентгена, сделанные в районной больнице.

Прошли годы, я поступил в Московский институт нефти и газа им.И.М. Губкина и стал учиться в Москве, откуда призвался в Армию и попал служить в Афганистан.

Связь с Николаем, оставшимся в Азнакаево, была прервана. Спустя полгода моей армейской службы, в одном из писем, Мама написала мне, что в Азнакаево похоронили погибшего в Афганистане Николая Кандаурова. Родители Коли работали на одном предприятии с моим отцом, были очень доброжелательными людьми, поэтому горе семьи Кандауровых было нам не сторонним. Тело Николая Кандаурова из Афганистана в Азнакаево доставили во второй половине декабря 1985-го года. Проводить его в последний путь пришло много народу.

Когда я читаю или слышу рассказы о «Панджшерских операциях» разных лет, первым, кто приходит мне на память, несмотря на участие в них личного состава нашего 149-го полка, - это мой героический земляк Николай Кандауров, тот, с кем я рос, тренировался в Детско-юношеской спортивной школе и в одно время служил в Афганистане.

Навечно в моей памяти Николай остался отзывчивым, добродушным, жизнелюбивым парнем.

ПОДВИГ. ПАНДЖШЕР. 1985 год декабрь

В период Афганской войны (1979-1989) Панджшерская долина стала ареной ширококомасштабных военных действий Советских войск против вооружённых формирований Панджшерского фронта. Называемое афганцами «ущельем пяти львов», Панджшерское ущелье (или долина) расположено в центральной части Афганистана, простираясь на 115-ть километров с юго-запада на северо-восток и разделяя Афганистан на северную и южную части. На всём протяжении Панджшерского ущелья в природных складках, пещерах и брошенных шахтах в годы Афганской войны (1979-1989) было установлено большое количество наблюдательных и опорных пунктов, связанных ходами сообщений укрытий и убежищ. К устью долины с обеих сторон, с севера и юга, стыкуется множество второстепенных

ущелий, создавая картину крестообразных перекрёстков. Находящиеся в глубине второстепенных ущелий, базы использовались отрядами Панджшерского фронта для нанесения ударов по Советским подразделениям в главной долине одновременно с двух сторон.

Так произошло и 14 декабря 1985 года.

8-я парашютно-десантная рота 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, выполняющая боевую задачу в районе «Пизгаранского креста», на стыке Панджшерской долины с ущельем Хазара, была атакована отрядом мятежников. В завязавшемся бою, несмотря на полученное пулевое ранения ног, пулемётчик Н. Кандауров не прекращал вести огонь, прикрывая отход роты. Израсходовав весь боекомплект, он подпустил группу противника на максимально близкое расстояние и уничтожил их и себя последней гранатой.

За героизм и самопожертвование Указами Президиума Верховного Совета СССР гвардии рядовой Николай Кандауров был награждён медалью «За Отвагу» и Орденом Ленина (посмертно).

В наградном листе к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1986 года, по которому рядовой Кандауров Николай Петрович, 1966 года рождения награжден орденом Ленина посмертно, по должности пулеметчика 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, записано: «В Вооруженных Силах СССР с октября 1984 года. Призван в Вооружённые силы СССР Азнакаевским РВК Татарской АССР.

При оказании интернациональной помощи афганскому народу в деле защиты завоеваний Апрельской революции в ДРА, проявил мужество и героизм. Принимал участие в 15 боевых операциях, гвардии рядовой, пулемётчик. 14 декабря 1985 года при ведении боевых действий в районе ущелья Хазара рядовой Кандауров Н.П. действовал в составе разведдозора батальона.

Выдвигаясь в заданный район, дозор обнаружил передвижение крупной банды мятежников, которые занимали позицию для нападения на основные силы батальона. Сообщив об этом на командный пункт батальона, дозор занял выгодную для боя позицию и открыл по мятежникам прицельный огонь, сорвав их планы внезапного нападения на основные силы батальона.

Мятежники ответили сильным обстрелом позиции дозора из стрелкового оружия и безоткатных орудий. Завязался упорный бой. В ходе боя командир дозора получил ранение, двое солдат погибли, сам рядовой Кандауров Н.П. был ранен в обе ноги. Истекая кровью, он продолжал огнем своего пулемета сдерживать натиск мятежников, превосходящих по численности.

Однако мятежники продолжали наступать уже с трех сторон. Рядовой Кандауров Н.П. дал команду оставшимся в живых выносить командира из-под огня противника. Оставшись на позиции один, рядовой Кандауров Н.П. до последнего патрона вел бой с мятежниками, а когда у него кончились

патроны, он удерживал противника гранатами. Поняв, что у десантника кончились патроны, мятежники решили захватить его в плен.

С последней гранатой рядовой Кандауров Н.П. оставался на своей позиции, когда мятежники окружили его, отважный гвардеец, дав им, возможность приблизиться на минимальное расстояние, подорвал себя, уничтожив при этом семь мятежников. Проявив хладнокровие, мужество и героизм, рядовой Кандауров Н.П. погиб, до конца выполнив свой воинский и интернациональный долг».

В бою на «Пизгаранском кресте» в ущелье Хазара 14 и 15 декабря 1985 года вместе с гвардии рядовым Николаем Кандауровым из состава 8-й и 9-й парашютно-десантных рот, а также приданных сил 3-го парашютно-десантного батальона 345-го парашютно-десантного полка, погибло по разным данным от 13 до 15 человек.

ПОГИБШИЕ воины **345-го** отдельного гвардейского парашютно-десантного полка в Панджшерском ущелье **14 декабря 1985 года** (на «Пизгаранском кресте» в долине реки Хазара):

1. лейтенант Рожков Игорь Анатольевич, командир взвода парашютно-десантной роты 8-й пдр
 2. сержант Нагорный Николай Васильевич, зам.командира взвода, старший стрелок роты 8-я пдр
 3. рядовой Панин Михаил Юрьевич, радиотелеграфист-пулеметчик, химик-огнемётчик, приданный 9-й пдр
 4. старший лейтенант Полонников Виктор Петрович, командир артиллерийской батареи, арткорректировщик придан 9-й пдр
 5. рядовой Товаров Рахимджон Сафарович, пулеметчик 9-я пдр
 6. сержант Ерофеев Сергей Юрьевич, зам. командира парашютно-десантного взвода.
 7. рядовой Живилов Андрей Витальевич, наводчик миномёта
 8. рядовой Слюсарь Владимир Иванович, сапёр
 9. младший сержант Самойлов Константин Георгиевич, командир парашютно-десантного отделения
 10. рядовой Кандауров Николай Петрович, пулеметчик, 8-я пдр. Награжден орденом Ленина (посмертно).
 11. ефрейтор Филатов Владимир Николаевич, наводчик-оператор БМП, 9-я пдр
 12. младший сержант Журавель Леонид Васильевич санинструктор
 13. ефрейтор Заволока Юрий Владимирович пулемётчик
- Список погибших неполный

ПОГИБШИЕ при выходе из ущелья Хазара

1. рядовой Константинов Андрей Викторович разведвзвод 3-го пдб
2. рядовой Мангушев Марс Адельпинович разведвзвод 3-го пдб

На Родине в городе Азнакаево Республики Татарстан именем Николая Кандаурова названа Азнакаевская средняя общеобразовательная школа №6, в которой восемь лет учился Николай.

В Азнакаевском СГПТУ №28, которое в 1984 году закончил Николай Кандауров, как и в общеобразовательной школе №6 была установлена мемориальная доска. Азнакаевцы свято хранят память о своём земляке и

гордятся им. На примере его героизма, беззаветной преданности Родине и самопожертвования воспитываются тысячи юных азнакаевцев.

ИСТОРИЯ ПАНДЖШЕРА и ПАНДЖШЕРСКИЕ ВОЙСКОВЫЕ ОПЕРАЦИИ.

Не за горами 40 лет с начала, в 1980 году первой военной операции в Панджшерском ущелье. «Панджшерские операции» 1980, 1982, 1984, 1985 годов и в другие годы, разные по масштабу, вошли в историю Афганской войны (1979-1989) и летопись боевого пути частей и соединений Советской Армии.

Стабильность в соседнем государстве, общая протяжённость границы с которым у СССР составляла около 2300 км, была невозможна без контроля над стратегически важным регионом страны – долиной Панджшер. Афганистан, в силу его географического положения, неизменно остаётся в сфере национальных интересов Российской Федерации и других ведущих мировых держав.

Для нескольких сотен тысяч советских военнослужащих участие в Панджшерских, Кунарских, Кандагарских, Гератских, Кундузских, Алихейльских и других операциях является личной гордостью.

Географические названия в историографии войсковых операций Афганской войны (1979-1989) стали применяться для идентификации военной операции, с точки зрения местности, где происходили данные боевые действия.

За время присутствия Ограниченного контингента Советских войск в отдельных регионах Афганистана, проводилась целая серия войсковых операций. Среди прочих, операции в Панджшерском ущелье, названные в среде контингента «Панджшерскими операциями», можно отнести к разряду особо важных, по причине территориальной близости региона к стратегическому тоннелю Саланг, соединяющему север и юг Афганистана, и к столице Афганистана – Кабул.

Панджшерские операции на всех этапах Афганской войны (1979-1989) по причине сложного горного рельефа и протяжённости долины, относились к разряду чрезвычайно сложных.

Наиболее крупные Панджшерские операции были проведены в 1982 и 1984 годах.

В мае 1982 года к участию в операции от ОКСВА были привлечены части 108-й, 201-й мотострелковых, 103-й воздушно-десантной дивизий, 66-я отдельная мотострелковая, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 191-й и 860-й отдельные мотострелковый и 345-й отдельный парашютно-десантный полки.

ВС ДРА привлекли части трёх пехотных дивизий, бригаду «Коммандос», отдельный полк, подразделения МВД «Царандой» и МГБ «Хад». К операции привлекли «около 12 тыс. человек, из них 4 тыс. 200 — в

составе тактических воздушных десантов. Всего было задействовано 36 батальонов (20 афганских и 16 советских), более 320 единиц бронетанковой техники: танки (БМП, БТР), 155 орудий и миномётов, 137 вертолётов, 26 самолётов».

К «Панджшерской операции 1984 года» было привлечено 33 батальона (20 советских, 13 афганских). В общей сложности в операции участвовало более 11000 (одиннадцать тысяч) советских и 2600 афганских военнослужащих. От ВВС 40-й Армии было выделено 194 самолётов и 154 вертолёта. Артиллерийскую поддержку осуществляли 39 артиллерийских батарей (из них 13 батарей РСЗО).

149-й гвардейский мотострелковый полк 201-й мотострелковой дивизии, в котором я проходил службу, в середине июля 1985 года вернулся с «Панджшерской операции 1985 года», проведённой под руководством заместителя командующего, начальником штаба 40-й Армией генерал-майором В. П. Дубыниным, по плану, утверждённому в Генеральном Штабе, министром обороны Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым.

Операция стала ответом на разгром отрядами Ахмад Шах Масуда базы афганских правительственных войск в населённом пункте Пишгор (Киджоль), убийство командира бригады и пленение пятисот афганских военнослужащих, позже найденных казнёнными.

Нам, прибывшим из учебных подразделений призыва «весна 1985-1987» на аэродром города Кундуз 1 августа 1985 года, не довелось принять участие в той масштабной операции. Однако, граничащие с Панджшерским ущельем долины Андараб, Хосто-О-Ференг и перевалы, соединяющие их с большим Панджшером, были местом частой высадки в составе воздушного тактического десанта.

Воздавая должное памяти погибших и славному боевому пути нашей 40-й Армии, прочитав и осмыслив большое количество исторического материала, я счёл для себя долгом написать кратко об операциях Советских войск в Панджшерском ущелье.

Панджшерскими операциями принято называть серию различных по масштабу, целям, задачам и составу участников, военных операций частей и соединений Советских войск и правительственных сил ДРА против отрядов под А.Ш. Масуда в Панджшерском ущелье и прилегающей к нему территории. Панджшерское ущелье расположено в 120 километрах от столицы Афганистана, Кабул - на западе южных отрогов горной системы Гиндукуш и простирается на расстоянии 115 километров из центральной части страны на крайний северо-восток, разделяя Афганистан на северную и южную части.

В Панджшерской долине на период 1980-х годов было сосредоточено более 200 населенных пунктов, с общей численностью более 100 тысяч человек. Долина реки Панджшер, общей протяжённостью 250 км, является связующим звеном северо-восточного Афганистана с Пакистаном.

Территориально, Панджшерское ущелье относится к провинции Панджшер (ранее Парван) и берёт своё начало в нынешней провинции Парван, на северо-востоке Чарикарской долины в населённом пункте Гульбахор, в 20 километрах от города Чарикар и в 6 километрах от города Джабаль-Уссарадж.

Завершается Панджшерское ущелье населённым пунктом Паси-Шахи-Мардан. На юге и юго-западе оно граничит с провинцией Парван, на юго-востоке с провинцией Каписа, на северо-востоке с провинцией Лагман, на северо-западе с провинциями Баглан и Тахар и связано с ними горными перевалами Хавак, Тал, Паранда, Анджуман, Зард и Чакар.

Города Чарикар и Джабаль-Уссарадж расположены непосредственно на стратегической автотрассе «Кабул-Термез», связывающей столицу Афганистана с северными провинциями и приграничным городом Хайратон, который стоит напротив города Термез (Узбекской ССР).

К Панджшерской долине, в переводе (*с дари*) «ущелью пяти львов», с севера и юга примыкает множество второстепенных ущелий и долин, создавая картину крестообразных перекрёстков, так: ущелье Фарадж, расположено напротив ущелья Заманкур, Тавадж - напротив ущелья Абдара, Хисарак - напротив Чамалуде, Паранда - напротив ущелья Манджхур.

Панджшер - наиболее густонаселённый регион Афганистана, пролегает на площади 3526 квадратных километров. Расширяясь и вновь сужаясь, Панджшерское ущелье, напоминая долину, окруженную горами, высота вершин которых, по мере удаления от долины возрастает, достигнув максимальной отметки – 6 тысяч метров.

В 327 году до нашей эры, в эпоху своих завоеваний Александр Македонский (*по-тюркски Искандер*) со своим войском продвигался по Панджшерскому ущелью через перевал Хавак (высота 3670 метров) и, достигнув местности Дарапаска (современного Андараба), двигался в долину Кушан-дара. Известно, что дважды, как минимум, он проходил через перевал Хавак, следовал далее в Панджшер и возвращался в Капису. В том походе Искандер овладел крепостью Дарбанд, руины которой до сегодняшнего дня сохранились в нижней части Панджшерской долины.

На разных этапах военными походами через перевал Хавак проходили войска султана Махмуда Газневи, монгольские полчища Чингисхана, армия Тамерлана, султана Захир Уд-дина, Мухаммада Бабура. Здесь, в Парване, состоялось сражение Джалал Ад-Дина с войсками Чингиз-хана. Понеся тяжелые потери, в ходе второго поражения в Панджшере, остатки Монгольского войска бежали к Чингисхану.

В период с 1958-1964 годы, на финансовые средства СССР, усилиями горнопроходчиков «Московского Метрополитена им. В.И. Ленина» внутри перевала Саланг, примыкающего к Панджшерской долине, в скальной породе был прорублен путь, ставший единственным маршрутом из юго-восточных провинций в северные, разделённые высокогорными хребтами системы Гиндукуш.

В новейшей истории Афганистана Панджшер вновь стал ареной масштабных боевых действий. В ходе крупных общевойсковых операций, растягивание Советских войск по Панджшерскому ущелью предоставляло возможность противнику нанести удары в главной долине силами, стянутыми с баз, расположенных в глубине второстепенных ущелий. Атакуя внезапно и, с двух сторон одновременно, мятежники быстро исчезали.

По всей протяжённости Панджшерского ущелья в природных складках, пещерах и брошенных шахтах было установлено большое количество наблюдательных и опорных пунктов, связанных друг с другом ходами сообщений, с укрытиями и убежищами. Подробное знание местности давали панджшерцам значительное преимущество в бою.

Близость Панджшерского ущелья к тоннелю Саланг и к стратегической авиабазе Баграм, представляло серьёзную угрозу советским войскам. Удары советской авиации и артиллерии в ходе боевых действий, учитывая физико-географические условия Панджшера, имели ограниченную досягаемость. Оборона панджшерцев носила устойчивый и стойкий характер.

Населяют долину панджшерцы - этнические таджики, заселившиеся в долине на рубеже 13 века, более 700 лет назад. Исторической родиной их является посёлок Дахбед Акдарьинского района, что в 8-ми километрах севернее города Самарканд республики Узбекистан.

В низовье Панджшерского ущелья живёт малочисленная и, единственная в своём роде, община хазарейцев-суннитов.

Площадь земель, пригодных для сельского хозяйства в Панджшерской долине ограничена. Вследствие этого лишь незначительное число панджшерцев занято земледелием и скотоводством. Местная молодёжь, будучи не востребована в народном хозяйстве региона и не имея ясных перспектив будущего, покидала долину. Те же, кто оставался в долине, зачастую становились объектом агитации и пропаганды местного духовенства, призывающего к борьбе с советской агрессией и Кабульским режимом, и мобилизовались в отряды Панджшерского фронта.

Поскольку в 1980-е годы в Панджшерской долине многократно проводились масштабные боевые действия, многочисленная часть её населения покидала жилища и, в поисках лучшей доли, налаживала свой быт в других регионах страны либо в Пакистане.

Уехав из Панджшера, его жители поступали на государственную службу, получали образование и профессии, занимались торговлей в столице Кабуле и городах северо-востока - Баграме, Чарикаре, Джабаль-Ус-Сарадже, Пули-Хумри, Баглане, Кундузе, Талукане, Файзабаде. Пустив корни вдали от Родины, панджшерцы не прерывали контакт с Родиной, оказывали помощь оставшимся в долине родственникам, организовывались в сообщества и землячества. Где бы они не находились, оставались верны своим традициям и сохраняли самоидентичность.

Это обстоятельство существенно упрощало задачу сбора оброка в сообществах панджшерцев, независимо от местонахождения, статуса, чина и

звания для нужд Панджшерского сопротивления (фронта). Оброк собирался, начиная от торговцев дуканов до крупных военачальников афганской армии, видных государственных и политических деятелей ДРА. На собранные средства «Панджшерский фронт» пополнял бюджеты своих исламских комитетов в уездах. Основная часть средств направлялась на покупку оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия и содержание агентурной сети.

Сами панджшерцы отмечают в себе такие качества как: смелость, сплочённость, стойкость и целеустремлённость. Причина, вероятно, кроется в этническом, религиозном, лингвистическом и культурном монолите жителей долины.

В июле 1975 году в Панджшерской долине под руководством партии «Мусульманская молодёжь» было поднято антиправительственное вооружённое восстание, направленное против режима Президента Афганистана Мохаммада Дауда, завершившееся его жёстким подавлением.

Тем не менее, противостояние официального Кабула и панджшерцев на этом не завершилось. Уже к лету 1979 года, за несколько месяцев до ввода Советских войск в Афганистан, из Панджшерского ущелья были выбиты все правительственные силы. Фактическая власть в долине перешла под полный контроль А.Ш. Масуда. Политическое же руководство отрядами осуществляла партия «Исламское общество Афганистана». ИОА была образована в городе Пешавар (Пакистан) в 1973 году профессором теологии (богословия) Кабульского университета, таджиком по национальности, Бурханудином Раббани. Являясь одной из двух наиболее крупных исламских партий, ИОА заняла передовые позиции в союзе «семи суннитских исламских партий моджахедов Афганистана», больше известной как «Пешаварская семёрка».

По инициативе А.Ш. Масуда для единого боевого управления и тылового обеспечения в 5-ти центральных и северо-восточных провинциях: *Парван, Каписа, Баглан, Кундуз и Тахар* был образован «Наблюдательный совет ИОА» (НС ИОА), объединяющий «Панджшерский» и «северо-восточные» фронты, главенствующая роль в котором отводилась «Панджшерскому фронту».

НС ИОА, как главный орган, решал весь спектр военно-политических задач, стоящих перед фронтами, разрабатывал план предстоящих боевых действий, налаживал взаимодействие между командирами, пополнял резервы (вооружение, боеприпасы, продовольствие, амуницию), распределял финансовые средства и обеспечивал финансовый контроль. Наблюдательный совет реорганизовал существовавшую ранее структуру вооружённых формирований и приступил к созданию «исламской армии» (ИА).

Применение ИА было рассчитано на различные по масштабу вооружённые столкновения, налёты на коммуникации, органы государственной и исполнительной власти. Другим важным направлением в

деятельности ИА являлась пропаганда среди простых, неграмотных афганцев, а также среди личного состава министерства обороны и МВД ДРА.

На вооружённую борьбу с Правительством ДРА и ОКСВА, партия ИОА, наряду с другими исламскими партиями «Пешаварской семёрки», в рамках секретной операции «Циклон» ЦРУ США, и от ряда западноевропейских стран; государств исламского мира и ближнего востока: Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана, ОАЭ, Египта, Иордании и других, получала значительную финансовую и военную помощь.

Однако, несмотря на обширную внешнюю финансовую помощь, Панджшерский фронт мобилизовал имеющиеся в долине и прилегающих районах, внутренние экономические ресурсы, взяв в первую очередь, под свой контроль разработку всех полезных ископаемых. В Панджшерской долине добывались серебро и изумруды, а в уезде Джарм в Бадахшане знаменитый афганский лазурит. Их добыча, в большей степени, чем другие источники, пополняла бюджет Панджшерского фронта.

В верховье Панджшерского ущелья в местности Пават, в кишлаках Пирьях, Мабаин, Зарадхак, Хенч, Омарз, Сафечир, Даштериватв в устье одноимённой реки в 10-13 километрах юго-восточнее и восточнее населённого пункта Пишгор, в ущелье Дархиндж было сконцентрировано от 20 до 40 шахт. Горные работы на скальных грунтах осуществлялись японскими бурильными установками под управлением западноевропейских инженеров. Население данного района существовало на средства от продажи изумрудов и платило с добытых камней оброк в казну Панджшерского фронта.

После добычи в Панджшерской долине изумруд и, в Бадахшане лазурит, сначала транспортировался на переработку в Пакистан, а оттуда распространялся по всему миру. Доход, полученный от реализации на мировом рынке одних только изумрудов, основными покупателями которых были Франция, Пакистан, Индия, в среднем в год составлял до 10-ти миллионов долларов, покрывая более половины затрат на вооружение, боеприпасы и обмундирование Панджшерского фронта.

Помимо добычи драгоценных и полудрагоценных камней, в низовье Панджшерского ущелья в местности Джарий-аб издревле разрабатывались серебряные рудники. Добытое в Панджшере серебро, направлялось в соседнюю долину Андараб, где из него изготавливали серебряные изделия. В результате, в районах добычи серебра, в горной породе образовалось большое количество выработанных брошенных шахт, напоминающих решето с большим количеством отверстий.

В дальнейшем в этих шахтах панджшерцами были оборудованы опорные и наблюдательные пункты. Панджшерское ущелье служило удобным транспортным коридором для транспортировки оружия и боеприпасов из Пакистана вглубь территории Афганистана. Другим важным достоинством Панджшерского рельефа была его приспособленность к

развёртыванию учебно-тренировочных баз мятежников, как в самой долине, так и прилегающих.

В период с 1980-1985 годов, с вычетом времени на два перемирия, Панджшер становился театром масштабных боевых действий. На этапах вооружённой борьбы А.Ш. Масуд неоднократно объявлял всеобщую мобилизацию мужского населения долины.

Панджшерские операции в период Афганской войны (1979-1989) проводились регулярно, в той или иной степени, повторяя основные элементы замысла операции 1982 года. Их диктовали физико-географические данные долины, не позволяя действовать иным способом.

Количество Панджшерских операций, в мемуарах советских военачальников, в различных западных и афганских источниках, разнятся, достигая девяти.

На начальном этапе, учитывая локальный характер военных действий, Советским войскам противостояли немногочисленные отряды мятежников, образованные по принципу клановой, племенной, религиозной (сунниты, шииты, исмаилиты) принадлежности. Эти формирования соперничали друг с другом и, зачастую, открыто враждовали.

Раскол в рядах оппозиции был на руку советским войскам. Однако перед началом масштабных боевых действий с внешним противником единство между конфликтующими оппозиционными формированиями, хоть и временно, но устанавливалось. Отбросив имеющиеся противоречия и распри, разрозненные формирования выступали единым фронтом.

Для организации единого боевого управления и тылового обеспечения отрядами, лидерами партии ИОА, был разработан план борьбы. Он предусматривал объединение вооружённых отрядов по всей протяжённости Панджшерского ущелья в мощную ударную силу, получившую название «Панджшерский фронт» (ПФ).

ПФ был хорошо организован в части боевого управления и тылового обеспечения. Партия ИОА поставила цель сделать ПФ символом всего афганского сопротивления. Ему была отведена лидирующая роль в планировании, организации, управлении боевыми действиями формирований партии ИОА в центральной, северо-восточной и западной части страны, налаживание между ними взаимодействия по принципу регулярной армии. ПФ координировал и объединял усилия «панджшерского» и «северо-восточного» фронтов, контролировал финансовые потоки, боролся за лидерство в распределении иностранной помощи с конкурирующей «Исламской партией Афганистана» ИПА.

ИПА, состоящая из пуштунских формирований, в равной степени с ИОА, занимала прочные позиции в северо-восточной части Афганистана, за исключением Панджшерского ущелья. Как и ИОА, была создана в 1973 году в городе Пешавар (Пакистан), но тремя месяцами раньше.

ИПА была второй крупной политической партией в составе «Исламского союза моджахедов Афганистана», состоящего из семи

исламских партий афганских моджахедов суннитского толка (шести пуштунских и одной таджикской) больше известного, как «Пешаварская семёрка», образованного в 1982 году в одноимённом городе Пакистана, на средства США в рамках секретной операции ЦРУ «Циклон».

Финансовая и военная помощь «Пешаварская семёрка» поступала через Пакистанскую межведомственную разведку «ISI», выполняющую функции агента-распределителя средств ЦРУ США. Она же, осуществляла сбор средств для афганского сопротивления в исламских государствах, странах Персидского залива, Западной Европы и КНР. «ISI», непосредственно, координировало боевую деятельность формирований исламских партий «Пешаварской семёрки», против правительственных сил ДРА и ОКСВА.

Штаб-квартиры исламских партий «Пешаварской семёрки» были открыты в приграничных с Афганистаном районах – Пешаваре и Кветте (Пакистан).

Духовным лидером ИПА был Гульбеддин Хекматияр 1947 года рождения, уроженец кишлака Вотапур уезда Имам-Сахиб (Имам-Сахиб), провинции Кундуз из зажиточной пуштунской семьи племени Хароти (Гильзай). Его предки переселились на северо-восток из юго-восточной провинции Газни.

Массовое переселение пуштунов в северные и северо-восточные провинции, в Афганский Туркестан, Каттаган и Бадахшан из мест их традиционного проживания, получило название «пуштунизация» северных территорий. Цель пуштунизации заключалась в блокировании угроз сепаратизма у северных границ коренного «непуштунского» населения: *таджиков, узбеков, туркмен, хазарейцев и других народов* и укрепления власти правителей Эмирата, традиционно являвшихся пуштунами по национальности.

Степень влияния ИПА, прежде всего, распространялась на территории с традиционным проживанием пуштунских племён - это восток, юго-восток и юг, однако по причине искусственной «пуштунизации» афганскими эмирами на рубеже 19-го и 20-го веков её позиции в северо-восточных провинциях были также существенными.

Зачастую отряды ИПА, активно действующие в провинциях Кундуз, Баглан, Тахар блокировали пути и коммуникации, парализуя деятельность партии ИОА на прилегающих к Панджшеру и удалённых от него северных территориях.

В уездах Алиабад и Баглан, Ханабад и Талукан, Чардара и Кундуз – для осуществления засадных действий наша разведрота останавливалась на днёвку в расположении сторожевых застав и охранений подразделений 3-го мотострелкового и танкового батальонов, находящихся на удалении и полной изоляции от главных сил 149-го мотострелкового полка и 201-й дивизии.

Их тяжёлые боевые будни, суровый окопный быт в сжатом пространстве, при бледном освещении керосиновых ламп, скудном питании,

полном враждебном окружении, под постоянным миномётным, стрелковым и реактивным огнём оставлял у нас удручающее впечатление.

В период службы в Афганистане неоднократно становился свидетелем вооружённых столкновений отрядов соперничающих партий. Так, в ходе проведения одной из засад в районе Алиабад, расположившись у края сухого русла, разделяющего два кишлака, нашим отделением на заданном участке велось наблюдение за передвижением людей и техники. Выбрав удачные позиции и включив приборы ночного видения, мы ждали подхода групп противника с караваном с вьючными животными или автомобильного транспорта. Внезапно в извилистом русле арыка появился головной дозор мятежников. Ожидая пока группа противника поравняется с нашими позициями, создав возможность максимально её поразить, мы были оглушены грохотом очередей выпущенных с противоположной стороны русла. По проходящему каравану со стороны ближайшего кишлака был открыт кинжальный огонь. В этот момент из кишлака напротив другая группа, вероятно ожидающая подхода каравана, по учинившим расправу над своими сторонниками, открыла ответный огонь. Так между членами противоборствующих отрядов из двух соседних кишлаков завязался ожесточённый бой. Возникал вопрос: Что произошло? Кто были те стрелявшие, опередившие нас? Возможно, это был кто-то из «наших», с кем действия не были согласованы? Нам, теряющимся в догадках, оставалось лишь ждать окончания боя.

Как только стрельба прекратилась, начальник разведки полка капитан объяснил: в Афганистане помимо войны с ограниченным контингентом советских войск между отрядами исламских партий ведётся междоусобная война за контроль над территориями, и эта борьба порой не менее ожесточенная, чем джихад с шурави.

В провинциях Баглан, Кундуз, Тахар, Бадахшан между отрядами исламских партий ИПА и ИОА существовала жёсткая конкурентная борьба. Девиз был прост: *«Кто контролирует большие территории, тот получает больше иностранной помощи»*.

Список полевых командиров Исламских партий ИПА и ИОА:

Исламская партия Афганистана (ИПА):

Тимуршах, Клыч (Чардара, Кундуз); Доктор Шамс (Ханабад); Ишони Мирзо (Талукан, Тахар); Мохаммад Башир (Центральный Баглан, Баглан); Нурджон (Пули-Хумри, Баглан); Саид Мансур (Доши, Северный Саланг, Баглан), Хиродманд (Файзабад, Бадахшан); Бахадур (Кишим, Бадахшан); Абдул Халид Басир (Шахри-Бозорг, Бадахшан).

Им противостояли полевые командиры отрядов партии

Исламское общество Афганистана (ИОА):

Арифхан (*Чардара, Кундуз*); Рахматулла (*Ханабад, Кундуз*); Холмурод (*Алиабад, Кундуз*) Абдулхай (*Бурка, Баглан*); Мохаммад Вадуд, Пахлавон Ибрагим (*Талукан, Тахар*); Казим Кабир Марзбон-Исламуддин, Саид Икромуддин (*Ишканыш, Тахар*); Джан Али, Максуд (*Файзабад, Бадахшан*); Ариентур (*Кишим, Файзабад*).

Борьба за пальму первенства между партиями «Исламское общество Афганистана» ИОА с лидерами таджиками - Бурханудином Раббани и Ахмад Шах Масудом и «Исламской партией Афганистана» ИПА - с лидером пуштуном-гильзайем Гульбеддином Хекматияром, входящими в «Союз Пешаварская семёрка», и получавшими отсюда основную финансовую и военную помощь, была жёсткой.

Лидеры оппозиционных исламских организаций на словах выступали за прекращение междоусобных столкновений и даже осуждали их, но фактически, поощряли своих полевых командиров, чтобы те громили и выдавливали с территорий, лишая контроля, отряды конкурирующих партий.

Конфликт между партиями ИПА и ИОА, в большей степени, чем где-либо, развернулся в северо-восточной провинции Кундуз. Здесь, наряду с пуштунами, в равных долях представлены другие титульные народы Афганистана - узбеки, таджики, хазарейцы, казахи, арабы и другие.

На ряду с обширной приграничной с Пакистаном территорией, населённой пуштунскими племенами, влияние Г. Хекматияра распространялось также на разделённую после 1964 года на провинции *Кундуз, Баглан, Тахар* - провинцию Каттаган, населённую таджиками, узбеками, пуштунами, хазарейцами приблизительно в равных долях.

Острая конфликтная обстановка сложилась между отрядами партий ИОА и ИПА также в соседней с Кундуз провинции Баглан в уезде Баглани-Джадид в долине рек Кундуз и Баглан. Вдоль автотрассы «Кундуз-Баглан» и «Кундуз-Ханабад» было построено большое количество пуштунских населённых пунктов, с характерными окончаниями в названии – «хейль» и «зай», составлявших оплот партии ИПА. По этой причине ареной непрекращающихся междоусобных войн формированиями ИОА и ИПА в период (1980-1989) были, в основном, провинции Кундуз и Баглан.

Власть А.Ш. Масуда в уездах данных провинций была ограниченной. Провинции Тахар и Бадахшан в большей степени благоволили Панджшерскому льву. Национальный состав уездов данных провинций состоял подавляюще из «непуштунского» населения: таджиков, узбеков, туркмен, памирцев, хазарейцев, арабов, кучи и т.д.

Гульбеддин Хекматияр, благодаря авторитету влиятельных полевых командиров-пуштун из ИПА, имел более прочные позиции в провинции Баглан, её стратегических уездах Андараб и Хост-О-Ференг, соединяющих Панджшер с северо-восточной частью Афганистана. Путь из Панджшерского

ущелья в стратегически важную для Ахмад Шаха провинцию Тахар пролегал через долины Андараб и Хост-О-Ференг, через высокогорный перевал Хавак.

Здесь формирования ИПА Гульбеддина Хекматияра доставляли панджшерцам много проблем, забивали их караваны, забирали материальные средства.

Так, например, в приказе военного комитета ИПА в 1981 году прямо говорилось: *«Братья-моджахеды ИПА должны прилагать усилия к обнаружению складов оружия, обмундирования и снаряжения других политических групп. При благоприятных обстоятельствах захватывать их и использовать в интересах мусульманского джихада. Помимо складов они могут осуществлять операции по захвату оружия и продовольствия на дорогах».*

Со стороны ИОА имело место письмо А.Ш. Масуда своему доверенному лицу в городе Пешавар (Пакистан) доктору Исхаку. Письмо датировано 24 декабря 1982-го года.

"Я несколько раз посылал в Андараб своих людей с тем, чтобы договориться об открытии дороги на Хавак, но другие «исламские партии», среди которых нет настоящих мусульман, не снизили до наших просьб. Наоборот, они только усугубляют наше бедственное положение, требуя у обездоленных, голодных и несчастных людей деньги за мыло и спички. В районе Пули-Хиссар (район уезда Андараб, где базировались отряды ИПА Гульбеддина Хекматияра - они издевались над панджшерцами и каждого из них на несколько дней сажали в тюрьму. Доставка к нам товаров из Пешавара не может быть осуществлена в связи с блокированием дороги в Саидхейле (район провинции Парван)".

В период начала 1980-х годов Афганское Правительство выступало за скорейшее установление государственной власти в подконтрольных повстанцам территориях, в особенности в Панджшерском ущелье, по причине его сложного горного рельефа, большой плотности населения и противостоящей группировки А.Ш. Масуда, уроженца долины, пользующегося большой поддержкой местного населения.

Ахмад Шах Масуд (1953-2001) по национальности таджик, уроженец кишлака Джангалак уезда Базарак в Панджшерском ущелье. Родился в многодетной семье полковника королевской полиции. Окончил французский колледж в Кабуле. Был женат на дочери своего подчинённого по Панджшерскому фронту, имел шесть детей, сына пять дочерей.

В период обучения в Кабульском политехническом университете в начале 1970-х годов стал заниматься политической деятельностью, стал членом партии «Мусульманская молодёжь» ММ, созданной в конце 1950-х в начале 1960-х Гулямом Ниязи, профессором теологии (богословия) Кабульского университета.

В июле 1975 года, А.Ш. Масуд, в составе организационной группы партии ММ, куда также входил Гульбеддин Хекматияр, участвовал в организации Панджшерского мятежа, подавленного Кабульской властью под руководством Мохаммада Дауда.

В ходе столкновений с правительственными войсками был ранен в ногу. Избежал смерти, скрывшись от преследования в кукурузном поле. Боясь быть схваченным, бежал в Пакистан в город Пешавар. Там провёл несколько лет, войдя в тесное сотрудничество с духовным лидером партии «Исламское общество Афганистана» ИОА Бурханудином Раббани. Таджик, уроженец Файзабада, Б. Раббани также как Гулям Ниязи, был профессором богословия Кабульского университета.

На протяжении более 25 лет, А.Ш. Масуд входил в «высший политический совет» ИОА, одновременно являясь крупным полевым командиром.

В период присутствия Советских войск в Афганистане А.Ш. Масуд командовал «Панджшерским фронтом» - боевым органом ИОА на северо-востоке и севере Афганистана. Координировал боевую деятельность вооружённых формирований ИОА, обеспечивал оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием, пропагандистской литературой.

Будучи прагматичным военным А.Ш. Масуд создал разветвлённую агентурную и разведывательную сеть. В число осведомителей А.Ш. Масуда входили представители разных социальных слоёв, начиная от торговцев лавок, заканчивая крупными военачальниками, отдельными партийными и государственными деятелями ДРА.

Исходя из агентурных сведений о ближайших планах Советского командования и Правительственных сил ДРА, А.Ш. Масуд планировал боевую деятельность подконтрольных себе формирований.

Особое географическое положение Панджшерской долины и личный авторитет А.Ш. Масуда способствовали превращению «Панджшерского фронта» в образцовое военное объединение. В постоянную зону действий формирований А.Ш. Масуда входила стратегическая трасса «Кабул – Термез», соединяющая столицу Афганистана Кабул с границей СССР, перевал Саланг, связывающий северную и южную часть Афганистана, а также находящаяся в максимальной близости к долине авиабаза Баграм.

На начальном этапе вооружённого сопротивления подконтрольные А.Ш. Масуду формирования насчитывали чуть более 2000 человек, однако к концу 1988-го года их численность превысила 12.000 человек.

Временный контроль над Панджшерским ущельем не решал задач по достижению военно-политической стабильности в регионе. Оттеснённые и рассеянные в ходе войсковых операций члены формирований А.Ш. Масуда – являясь подавляюще жителями долины, возвращались в свои дома и ждали сигнала к сбору. Итогом всех «Панджшерских операций» 1980-1985 годы был кратковременный полный либо частичный контроль над Панджшерским ущельем. Однако постоянное нахождение значительной группировки

Советских войск в Панджшерском ущелье отвлекало большое количество войск и материальных ресурсов.

По итогам Панджшерских операций формирования А.Ш. Масуда несли большие потери, как в живой силе, так и в вооружении, а сам он вынужден был временно покинуть долину. Группировка на какое-то время теряла управление и утрачивало боеспособность. Однако по прошествии короткого отрезка времени, А.Ш. Масуд налаживал управление, восстанавливал группировку, укреплял разрушенные опорные пункты и создавал резервы по вооружению, боеприпасам и продовольствию.

ФРАНЦУЗСКИЕ ВРАЧИ в Афганистане

Рассказывая об обнаруженном в ходе Мармольской операции 1985 года госпитале мятежников, который был оснащен современным медицинским оборудованием и укомплектован французским медицинским персоналом, полезно было бы подробнее остановиться на нелегальной миссии ряда международных медицинских организаций в Афганистане. На начальном этапе Афганской войны (1979-1989) иностранные медицинские учреждения в ДРА отсутствовали. Первопроходцами, нелегально пересекающими границу ИРП и ДРА, для проникновения вглубь афганской территории, в районы подконтрольные вооружённым антиправительственным формированиям, стали французские и шведские медицинские бригады.

Заручившись поддержкой французского правительства в 1980 году, три частные парижские медицинские организации, начали комплектовать вахтовые бригады из врачей, медсестёр и медицинских работников для отправки в подконтрольные афганским мятежникам горные районы в 8 (восьми) провинциях, занимающих 4/5 части афганской территории. В западных средствах массовой информации деятельности французских медицинских организаций в Афганистане придавался большой гуманитарный характер.

Согласно западному источнику из 800 (восемисот) докторов, прибывших в Афганистан к началу войны в 1980 году, к концу 1983 года осталось только 300 (триста). Угроза личной безопасности, сложные условия пребывания в труднодоступных районах, отсеивали большое количество иностранного медицинского персонала. К августу 1983 года в Афганистане находилось около 27 (двадцать семь) преимущественно французских врачей и медсестёр, из которых более десятка были женщины.

В период 1980-83 годы в районах боевых действий находилось около 250 франкоязычных врачей и медсестер, большинство из них летали в Афганистан вахтовым способом на период от четырех до восьми месяцев. Известен случай шести таких командировок. Каждая медицинская бригада состояла из двух-четырёх иностранных врачей или медсестер. Большинство медицинских сотрудников были гражданами Франции, однако были также, граждане Бельгии, Голландии, Швеции, Норвегии, Великобритании.

К концу 1983 года международная организация «Врачи без границ» направила в Афганистан 170 врачей и медсестёр. Она же оснастила и ввела эксплуатацию в разное время 12 небольших больниц в трёх провинциях. Организация «AIM» направила от 40 до 50 человек, а «MDM» - 20 человек.

Французские медицинские бригады финансировались тремя частными организациями в Париже: MSF «Врачи без границ»; AIM – «Международная медицинская помощь» (Aide Medicale Internationale); и MDM – «Врачи мира» (Medecins du Monde). Наиболее активная - «Врачи без границ», первой в мае 1980 года отправила медицинскую бригаду в Афганистан.

По их утверждению, тогда в ДРА не было ни врачей, ни медикаментов, а были лишь эпидемии дифтерии, тифа и большое количество раненных в боевых действиях мятежников.

Члены французских медицинских бригад практиковали медицину за вознаграждение или без него. По словам одного из французских врачей, услуги трёх медицинских работников, направленных в Афганистан на три месяца обходились работодателю, в лице частной медицинской организации - в 7500 долларов США. Стоимость авиабилетов до городов ИРП оплачивали французские медицинские организации. В аэропортах ИРП иностранный медперсонал встречали проводники - члены афганских мятежных формирований, они же обеспечивали нелегальное пересечение границы и проникновение вглубь территории, непосредственно, в районы дислокации госпиталей. По прибытию на место, все издержки, включающие съём жилья, покупку продуктов питания и обеспечение безопасности выплачивались из бюджета Союза партий афганских моджахедов «Пешаварская семёрка».

Одни французские медики находились непосредственно в отрядах мятежников и постоянно меняли своё месторасположение, другие руководили небольшими госпиталями в труднодоступных горных пещерах.

В ходе Панджшерской операции мая 1982 года в поле зрения подразделений армии ДРА и Советских войск, попали врачи-француженки, которым удалось уйти от преследования. Поиск, по словам француженок, длился два месяца: «Нас искали повсюду, в кишлаках раздавали листовки, в них было написано, что мы падшие женщины и хотим украсть изумруды из Панджшера».

Официальный Кабул и Советское командование деструктивно оценивали деятельность французских и других международных медицинских организаций, считая, что их деятельность направлена, прежде всего, на оказание медицинской помощи афганским мятежникам. Международные медицинские организации, не соглашались с мнением афганского правительства, обвиняя Кабул в закрытии гуманитарных медучреждений и преследовании их сотрудников. По их мнению, большая часть их пациентов, составляющая 8-10 миллионов, были гражданские лица и «всего 10% из общего числа являлись мятежниками». Вероятно, что эти данные правдоподобны и укладываются в представление о фактической численности

афганских мятежников, получивших ранения и увечья, с учётом общей численности населения ДРА.

В конце 1983 года Правительство Королевства Швеции выделило 500 тысяч долларов международной организации «SIDA» на открытие десяти госпиталей, укомплектованных афганским медперсоналом, нанятым за пределами ДРА.

К середине 1984 года численность шведских госпиталей в шести афганских провинциях достигла семнадцати. Безопасность шведского медперсонала, подобно французскому контингенту, обеспечивали мятежные формирования, контролируемые данным районом.

В приграничных с ДРА пакистанских городах Пешавар и Кветта, действовали два госпиталя «Международного комитета Красного Креста» МККК, занятые лечением исключительно раненых афганских мятежников.

КУНАРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1985 года

В ходе службы в 149-м гвардейском мотострелковом полку в Республике Афганистан в палатках и модулях полка, после команды «отбой» - поздними вечерами, когда можно было спокойно поговорить и вспомнить события минувших войсковых операций, погибших в них боевых товарищей, в разговорах, часто возникали эпизоды из Кунарской операции 1985 года

Начиная с конца весны и до середины лета 1985 года полк участвовал в двух крупных общевойсковых армейских операциях – в «Кунарской операции мая-июня 1985 года» и «Панджшерской операции 1985 года».

Драматично для 149-го мотострелкового полка завершилось участие в боевых действиях в восточной провинции Кунар. Подразделения второго мотострелкового батальона - 4-я мотострелковая рота, миномётная батарея и гранатомётный взвод в долине реки Печдара у кишлака Коньяк вступили в бой с отрядом мятежников, приведший к большому числу жертв.

К проведению Кунарской операции 1985 года сподвигла гибель 1-й разведывательной роты 334-го «5-го отряда» специального назначения в одноимённой провинции у кишлака Маравара, в 2-х километрах северо-восточнее Асадабада. При совершении своего первого боевого выхода рота спецназа попала в организованную мятежниками засаду и в скоротечном бою потеряла 29 военнослужащих и ещё 2-х - при эвакуации тел погибших с поля боя.

Кунарская операция 1985 года проводилась с привлечением значительных сил и средств на широком фронте 170 километров от Джелалабада до Барикота. В ходе операции вертолётами был высажен воздушный тактический десант 11 (одиннадцать) тысяч человек.

Цель операции в провинции Кунар состояла в ликвидации членов вооружённых формирований в приграничных с Пакистаном районах и захват их тыловых баз. Командование операцией осуществлял начальник

оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане генерал армии В.И. Вареников.

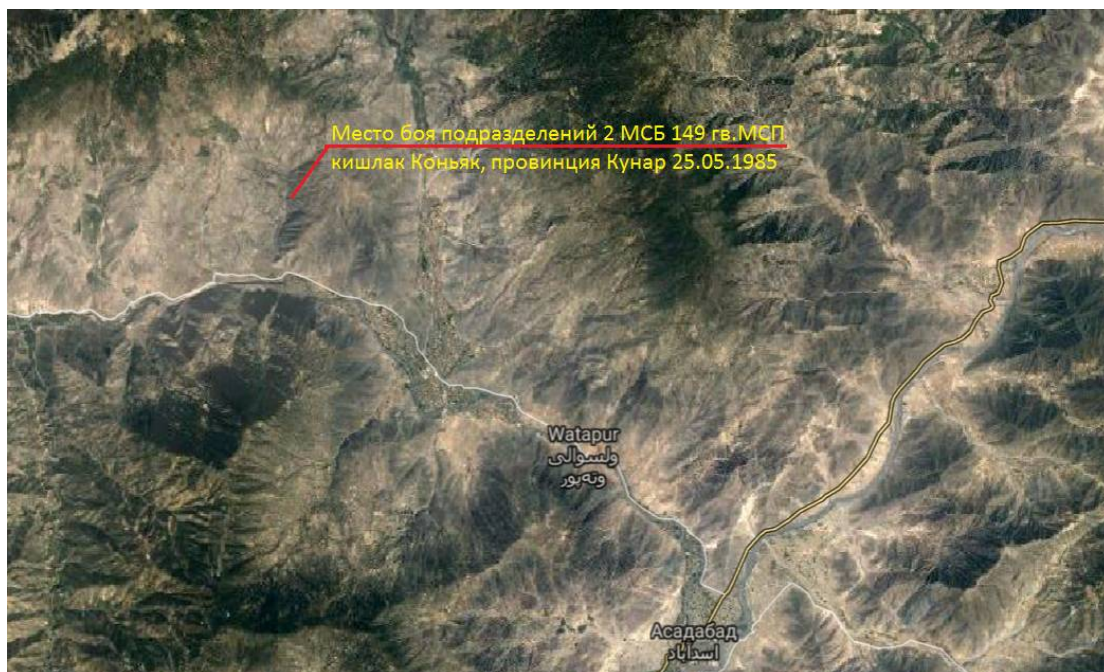
Для участия в Кунарской операции 1985 года подразделения второго мотострелкового батальона и разведывательная рота 149-го гвардейского МСП самолётами Ил-76 ВТА 40-й Армии прибыли в Кабул, отсюда на броне одного из подразделений 103-й воздушно-десантной дивизии добрались до Джелалабада.

В ходе этапов операции на горном участке в провинции Кунар, был высажен воздушный тактический десант, подразделений частей и соединений ОКСВА.

24 мая 1985 года подразделения 149 мотострелкового полка из 2-го мотострелкового батальона: 4-я мотострелковая рота, миномётная батарея и гранатомётный взвод и, разведывательная рота, совершали рейд в долине реки Печдара, северо-западнее города Асадабад, проходя через населённые пункты Наубад, Адваль, Ачаль, Гидре, Айбат, Дар-Керта, Вотапур, Перроне, Шамиркот, Дергай, Паджигаль и Коньяк.

25 мая 1985 года данные подразделения попали в засаду противника и понесли тяжёлые потери - 22 человека убитыми и 18 ранеными.

Список военнослужащих 149-го гв. МСП, погибших в провинции Кунар 25

мая 1985 года:

1. командир роты гвардии капитан Перятынец Александр Григорьевич - 4 рота
2. заместитель командира взвода гвардии сержант Еровенков Виктор Владимирович - 4 рота
3. командир отделения гвардии младший сержант Кузнецов Василий Александрович - 4 рота
4. командир отделения гвардии сержант Гареев Ильфак Вахитови - 4 рота

5. снайпер гвардии рядовой Абакумов Алексей Викторович- 4 рота
6. пулеметчик гвардии рядовой Алибаев Нуритдин Юлдашбаевич - 4 рота
7. пулеметчик гвардии рядовой Акчешаш Виктор Николаевич 4 рота
8. пулеметчик гвардии рядовой Францев Александр Васильевич - 4 рота
9. командир огневого взвода гвардии лейтенант Замковой Валерий Константинович - 2 миномётная батарея
10. наводчик миномета гвардии младший сержант Лукошкин Алексей Петрович - 2 миномётная батарея
11. наводчик миномета гвардии ефрейтор Андреев Владимир Константинович - 2 миномётная батарея
12. наводчик миномета гвардии рядовой Христофоров Алексей Валентинович - 2 миномётная батарея
13. наводчик миномета гвардии рядовой Хамзаев Абдулханон Бобоалиевич (умер от ран 26.05.85) - 2 миномётная батарея
14. минометчик гвардии рядовой Забоев Юрий Михайлович - 2 миномётная батарея
15. стрелок-радиотелефонист гвардии рядовой Ходжакулиев Русалберды Суханович - 2 миномётная батарея
16. командир отделения гвардии сержант Вохмянин Василий Михайлович – 2 гранатомётный взвод
17. старший наводчик гранатомета гвардии рядовой Царцидзе Заза Михайлович – 2 гранатомётный взвод
18. снайпер гвардии рядовой Цалай Владимир Иванович – 2 гранатомётный взвод
19. санинструктор гвардии рядовой Фицык Василий Петрович батальонный медпункт
20. стрелок-санитар гвардии рядовой Дёмкин Виктор Петрович (пмп)
21. командир отделения гвардии сержант Дуплищев Вячеслав Анатольевич (придан из 3 мср 1-го мсб)
22. командир отделения гвардии младший сержант Кодиров Шухрат Мухаммаджонович (придан из 3 мср 1-го мсб)

Гвардии младший сержант В.Кузнецов, будучи ранен в первые минуты боя, продолжал вести ответный огонь по нависшему противнику, прикрывая отход боевых товарищей. Израсходовав весь боекомплект, он подпустил группу противника на максимально близкое расстояние и, выдернув чеку последней гранаты, уничтожил её взрывом их и себя.

«За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Республике Афганистан» гвардии младший сержант Василий Кузнецов был награждён «Орденом Ленина» посмертно.

В период Афганской войны (1979-1989) был зафиксирован целый ряд случаев, свидетельствующих об участии в боевых действиях на стороне афганских моджахедов военнослужащих пакистанской армии и сотрудников «межведомственной разведки» (ISI).

ОПЕРАЦИЯ «МАНЁВР» и ПЛОВ ДЛЯ ШЕРАГИ

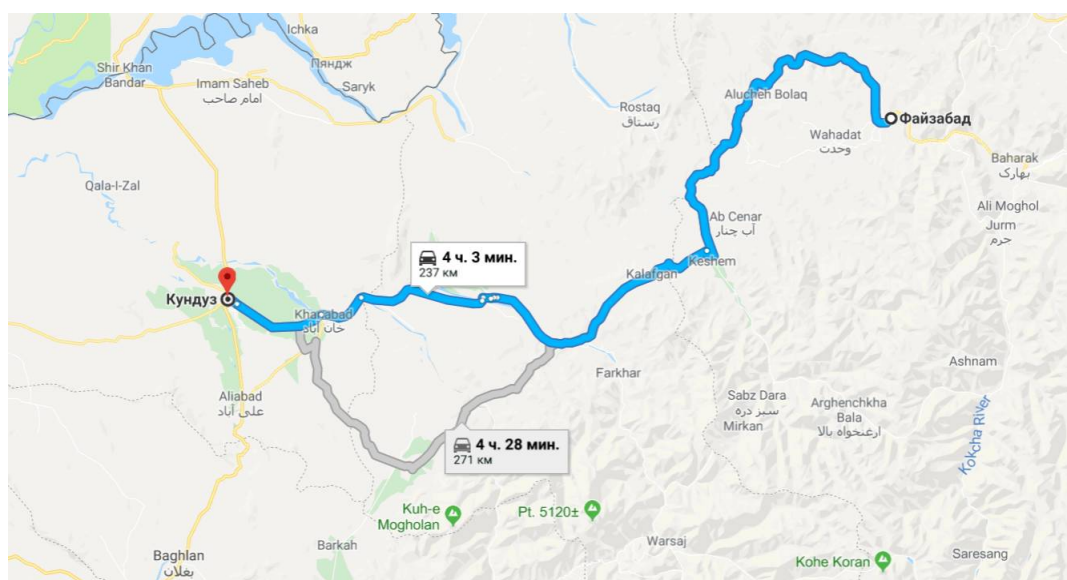
В период Афганской войны (1979-1989) в северо-восточной части ДРА командованием 40-й Армии регулярно проводились различные по масштабу войсковые операции по доставке военных и гражданских грузов для нужд 860-го отдельного мотострелкового полка, который дислоцировался на

удалении (до 240 километров) от крупных сил ОКСВА, в уездах приграничной с Пакистаном и КНР, провинции Бадахшан.

К лету 1986 года возникла очередная необходимость доставки грузов с материальными средствами из Кундуза в Файзабад. Учитывая отсутствие в регионе достаточной группировки войск, единиц советского и афганского автотранспорта, для транспортировки необходимого объёма грузов требовалось совершение трёх рейсов.

Сложность доставки грузов в Файзабад заключалась в том, что в данном районе действовали многочисленные, хорошо вооружённые и организованные отряды непримиримой оппозиции исламских партий ИПА и ИОА. Они осуществляли постоянные диверсии и налёты на транспортные колонны, органы государственной власти ДРА, советские и афганские гарнизоны.

В первой половине июня 1986 года, руководство 40-й Армии начало проведение масштабной общевойсковой армейской операции с кодовым названием «Манёвр».

Командование плановой операцией «Манёвр», проводимой в три этапа, с 9 июня по 14 июля 1986 года на широком фронте равнинного и горного участков провинций: Кундуз, Тахар и Бадахшан было возложено на командующего 40-й армией генерал-майора В.П. Дубынина. Общее командование «Манёвром», осуществлял начальник оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане генерал армии В.И. Варенников.

К операции было привлечено значительное количество войск и боевой техники ОКСВА и ВС ДРА: 37 батальонов - 15 советских и 22 афганских.

Цель общевойсковой операции «Манёвр» состояла в обеспечении материальными средствами гарнизона 860-го отдельного мотострелкового полка, дислоцированного на значительном удалении от войск 40-й армии и оказание продовольственной и гуманитарной помощи местному населению в труднодоступных горных районах провинции Бадахшан.

Основными задачами её достижения были: проводка и прикрытие колонн, блокирование прилегающих к трассе дорог и населенных пунктов и ликвидации горных перевалочных баз вооруженной оппозиции со складами вооружения и боеприпасов.

Учитывая, что фактический контроль над данными провинциями находился в руках антиправительственных сил, проводка колонн до города Файзабад развертывалась в «масштабную армейскую общевойсковую операцию».

На первом этапе операции с 9 по 15 июня, в районе города Кундуз была создана необходимая группировка войск, собраны и подготовлены советские и афганские транспортные колонны.

Перед выходом колонн, в зелёной зоне между населёнными пунктами Кундуз и Ханабад, в районах, примыкающих к основной трассе «Кундуз-Файзабад», на участках вероятного выхода на коммуникации, для предотвращения нападений на колонны, части 201-й мотострелковой дивизии: 149-й мотострелковый полк и 783-й отдельный разведывательный батальон, совместно с афганскими правительственными силами, выполнили задачи по зачистке, от диверсионных групп и формирований противника.

Разрозненные партийной принадлежностью, временами открыто враждующие, отряды Гульбеддина Хекматияра ИПА и Бурхануддина Раббани ИОА, на время проведения операции, оставив распри и противоречия, договаривались об объединении усилий для выступления единым фронтом с планом согласованных действий, под общим руководством полевого командира А.Ш. Масуда.

Применяя тактику засад и налётов на широком фронте от Кундуза до Файзабада, они атаковали Советские и афганские колонны, следующие в афганский Бадахшан.

Мы же, солдаты 40-й Армии, участвуя в боевых действиях в разных провинциях Афганистана, честно выполняли воинский и интернациональный долг и были уверены в том, что делаем для Родины и афганского народа, важную работу.

До дня, когда последний советский солдат покинет афганскую землю, оставалось ровно два с половиной года. А пока здесь, не затихая, полным ходом шли бои, в результате которых потери несли обе стороны конфликта.

Экипажу боевой машины пехоты (БМП), которой я командовал, командир роты поставил задачу - съехать с трассы и установить БМП в максимальной близости от глинобитных строений населённого пункта Мулла-Гулям, заблокировать кишлак на заданном участке, обеспечить прикрытие проходящих колонн и пресекать попытки проникновения в кишлак подкрепления противника.

В экипаж нашего БМП, состоящий из шести бойцов, на этап операции старшим был назначен парторг полка, в звании капитан. Проследовав вдоль наделов рисовых чеков (небольших участков земли, ограждённых невысокими брустверами для удержания воды) мы расположили машину

на окраине кишлака. Между нашим БМП и кишлаком пролегла узкая полоска пшеничного поля.

Афганская семья, состоявшая из бородатого дехканина с привязанным к спине младенцем, сгорбленной старухи и двоих пацанят лет 8-ми и 10-ти, старательно собирала спелые колосья. Бросив на нас недобрые взгляды, дехканене продолжили работать. Было очевидно, наш визит их не обрадовал.

На исходе дня дехканин, преодолев волнения, подошёл ко мне, и видимо, определив, что я в экипаже старший, завёл разговор: «Скоро наступит ночь, вы, наверняка, начнёте стрелять в сторону кишлака и обязательно спалите наш хлеб. Итог один, нас ждёт голодная смерть».

У меня четверо детей: трое сыновей, один из которых инвалид, и маленькая дочь, осиротевшие после смерти в родах жены, да старуха-мать. Дайте нам хотя бы два дня, чтобы мы успели закончить уборку урожая». Действительно, и в горах, и в зелёной зоне, покой отдыхающим солдатам ночью обеспечивался непрекращающимся «беспокоящим огнём» в направлении вероятной угрозы, это было необходимой составляющей в несении ночной караульной службы в боевых условиях.

Увидев мою озабоченность, и не получив конкретный ответ, дехканин махнул рукой и обречённо побрел в сторону кишлака. Было понятно, что за два дня им, не управиться. Но меня тронули слова дехканина, я подозвал товарищей, изложил им ситуацию и дал команду извлечь из боекомплектов все трассирующие патроны и заменить их обычными. Огонь разрешил открывать в случае крайней необходимости.

Первая ночь была очень напряженной и, казалось, тянулась бесконечно долго. Бодрствуя часть времени либо находясь в полудреме, я все время окликал дневального. Наконец, наступило утро и всё пошло, как обычно: кто-то чистил оружие, кто-то вёл наблюдение за обстановкой. Я решил заняться изучением подаренного мне парторгом Устава КПСС, готовясь к вступлению в члены партии. Капитан-парторг читал книгу, из-под очков изредка поглядывал в мою сторону. На своей делянке, совсем рядом с нами, не разгибая спин, трудились семья дехкан, стараясь уложится в указанный срок.

Я окликнул афганца и, призывно махнув рукой, подозвал к себе. Он поднял голову. Из-под загрубевшей ладони, он посмотрел на меня таким тоскливым взглядом, что стало ясно: он не ждёт от меня хороших вестей. Разогнув усталую спину, старик медленно подошел к БМП. Я спросил, как его зовут, и предложил горячего чаю. Взяв одной рукой пиалу с чаем, чуть склонив голову, афганец традиционно приложил вторую ладонь к груди.

«Мое имя Шераги», - сказал он. Я протянул ему руку, назвав свое имя. Сказал, что я, как и он мусульманин, татарин, и произнес суру из Корана: «Ля илляха иль Аллах». Рассказал, что в самом центре России находится моя родина - Татарстан, где живет самый северный мусульманский народ. И мой родной - татарский язык, близок к узбекскому и туркменскому языкам, на которых говорят часть населения провинции Кундуз.

Услышав, как я с товарищем узбеком, легко перекидываюсь фразами, афганец, постепенно стал проникаться доверием. «Среди шурави много мусульман», - сказал я. Прощаясь, я пригласил его с сыновьями на вечерний плов.

После захода солнца Шераги пришёл, как и обещал, но один. Я оценил его смелость, но отправил назад за сыновьями, сказав: «Без них не приходи». Он явно не ожидал такого гостеприимства с моей стороны и казался очень взволнованным. И уже через десять минут Шераги и трое его сыновей сидели под навесом, туго натянутым между нашей БМП и столетней чинарой.

Мы не спеша разговаривали. Афганцы с неподдельным чувством достоинства пробовали скромные солдатские угощения.

Так, у солдатского очага за ляганом плова собрался весьма интересный по национальному составу народ: татарин, узбек, таджик, башкир, русский, белорус и капитан (куда от него денешься) - парторг нашего полка - украинец и наши гости - четверо афганцев.

Плов, на счастье, получился отменный. Я заметил, что Шераги, не решаясь попробовать плов, я сразу предположил, что он опасается, нет ли в кушанье запретной свинины. Тогда я дал ему в руки жестяную банку из-под тушенки с изображенной на ней коровой. Только после этого Шераги заулыбался и взял ложку. Все были счастливы. Только капитан все время беспокойно ерзал на месте, понимая, что окончательно теряет контроль над стремительно развивающимися событиями.

Наши вечерние посиделки за пловом стали регулярными. Надо заметить, что с каждым разом наши отношения все больше крепились и развивались. Мы о многом говорили, обсуждали обычные житейские и глобальные политические вопросы: шурави, моджахедов, жизнь простого афганского народа, власти ДРА, СССР.

Часто говорили одновременно на дари, узбекском или просто на языке жестов. Возможно, со стороны это выглядело, странно, однако не припомню случая, чтобы мы в чем-то друг друга не поняли. С каждым днем доверие друг к другу росло.

В один из вечеров, прощаясь после очередного ужина, в знак расположения я водрузил на спину Шераги большой мешок риса. Растроганный неожиданным подарком, он не мог поверить своему счастью. Вот такие, может быть, нетипичные для войны эпизоды подтверждают, как крепла советско-афганская дружба.

Ночи напролёт, от заката до рассвета, со всех БМП шла безостановочная стрельба, только у нас на участке была полная тишина. Командир роты, объезжая занимаемые позиции, обеспокоенный такой тишиной, с удивлением спрашивал: «У вас точно все в порядке?»

Однако на шестой день такого «мира во всем мире» терпение парторга лопнуло. «Дауди, - окликнул меня он, - заканчивай этот балаган и неуставные взаимоотношения. С сегодняшнего дня начинаем жить по Уставу. Мы в армии, в конце концов, или в кибуце? Караульным на посту ты не стоишь,

молодых припахиваешь. Плов с басмачами каждый день кушаешь. Все, прекращаем этот бардак».

- Есть, товарищ капитан, - взял я под козырек.

Распределив периоды дежурств на всю ночь, я отстоял свою смену и передал дежурство другому. Находясь в постоянной дреме, через каждые полчаса я окликал караульного, и в ответ слышалось: «Я!» Однако, бывали случаи, когда молодые бойцы и засыпали на посту. Так, в течение ночи на мое регулярное: «Дневальный!?» через раз в ответ стояла тишина. Капитан всё это слышал, и я, зная, к чему это может привести, старался отгонять тревожные мысли.

Как-то утром я построил бойцов, вывел из строя заснувшего, объяснил ему доступным языком, к каким последствиям все это может привести. Позже санкции к провинившемуся были дополнены: ему предстояло в кратчайший срок вырыть глубокие, в два метра, траншеи вокруг наших позиций и таким образом значительно укрепить нашу обороноспособность.

В соответствии с существующим распорядком на период проведения войсковой операции каждое утро по машинам (БМП), блокирующим трассу, развозился солдатский завтрак, приготовленный на полковой полевой кухне. Бойцы, сидя кто где, кляня парторга, давились остывшей кашей.

Меня же, будил «новый афганский друг», благодарный дехканин Шераги и угощал только что извлечённой из тандыра горячей лепёшкой и свежей ледяной простоквашей. Я, в свою очередь, по-прежнему продолжал вечерами приглашать его на плов.

Тем временем наблюдавший за происходящим голодный капитан был не в силах противостоять процессу торгово-культурного обмена и неуклонно крепнувшей советско-афганской дружбы. Он, демонстративно отвернувшись, сидел и в одиночестве поглощал холодную говяжью тушенку.

Воины, расстроенные таким поворотом событий, вызванным то ли уставными заморочками парторга, то ли моей самоотрешенностью от управления взводом, раз за разом стали всячески уклоняться от выполнения приказов офицера, делая вид, что плохо слышат или безнадежно больны.

Так продолжалось три дня, больше капитан не выдержал: «Черт с тобой, басурманин, давай жить по-старому». И зажили мы прежней, правильной во многом, жизнью.

Вскоре окончательно деморализованный беспорядком нашей службы парторг, оставив надписанный им на память Устав КПСС, убыл для дальнейшего прохождения службы на КП полка. И к вечеру мы о нем уже благополучно забыли.

Все так бы и шло, но однажды перед традиционной совместной трапезой появился взволнованный Шераги. Забежал под навес, огляделся и, убедившись в отсутствии капитана, сказал: «Я сейчас вернусь».

Спустя пять минут он возвратился с тремя бородатыми афганцами крепкого телосложения и сказал: «Я тебе доверяю и хочу, чтобы ты

поговорил с этими людьми». Сначала я подумал, что он хочет сосватать мне покупателей соляры. Однако, лица и темперамент, представших людей существенно отличались от лиц типичных афганских торгашей.

Сомнения развеялись, я понял - это «духи». Я знал, что район кишлака Мулла-Гулям, как и многие населённые пункты уезда Ханабада провинции Кундуз, входил в зону влияния полевого командира ИПА - доктора Шамса. На участке Мулла-Гулям, трассы «Кундуз – Файзабад», местные отряды, регулярно минировали дорогу, атаковали советские и афганские колонны.

Окинув каждого взглядом, сохраняя хладнокровие, я предложил им сесть. Мы расположились вокруг тлеющего очага. Я, Шераги, мой товарищ - таджик сели по одну сторону, трое переговорщиков напротив. Передав по кругу разлитый в пиалы чай, мы начали наш разговор.

Один из «гостей» довольно сносно говорил по-узбекски. Его задача заключалась в переводе на узбекский того, что я не мог понять на дари. Разговор начал старший, заметно отличающийся по возрасту и авторитету. Обратившись ко мне по имени, пристально глядя в глаза, он начал:

- Ильяс, мы знаем, ты мусульманин и хороший человек. Мы пришли сюда, чтобы предложить тебе уйти с нами. У тебя будет здесь свой дом, семья, афганская жена. Зачем тебе здесь умирать? Ты погибнешь здесь! Это не ваша земля. Вот тебе, к примеру, последний случай: двое его молодых родственников (он кивнул головой в сторону третьего, сидящего справа) тут недалеко были найдены в арыке с прострелянными головами. Что нам остается делать?

- Почему вы считаете, что это дело рук шурави? — спросил его я.

- А чьих?

- Вероятно, они были вооружены.

- Какое это имеет значение?

- Большое, - отрезал я.

Я пытался разобраться в обрушившемся на меня потоке мыслей и найти ответ, какова же будет развязка этой совершенно бесперспективной, на здравый взгляд, встречи. Так и не сумев ответить на поставленный себе же вопрос, я сделал следующий вывод: добрые дела порождают человеческое доверие. Портрет советского воина, который нарисовал в своих рассказах жителям кишлака Мулла-Гулям Шераги, вызвал у басмачей неподдельный интерес. Гостеприимство и щедрость, подобно силе и храбрости, всегда имели на Востоке особую цену.

Не торопя и не прерывая собеседников, я дал каждому из «гостей» высказаться. Слушая их, я думал: «Что вселяло уверенность в этих людей, отправлявшихся на встречу, что они вернутся назад? Откуда они знали, что, услышав их предложение, я не разряжу в них рожок автомата или в лучшем случае не пленю?» Позже, размышляя о той встрече, я понял истину: будучи сами воинами, они знали, что идут на разговор к воину. Одно дело - пуля, выпущенная в грудь противнику в бою, другое - в спину во время доверительного разговора.

Вежливо поблагодарив собеседников, я с невозмутимым спокойствием сообщил, что мой дом далеко на севере, и шурави - мои братья. Я сам - один из них. С ними я пришел, с ними и уйду, если останусь жив, конечно.

«Это твое решение, - сказал старший. - Единственное, что мы можем гарантировать: здесь с тобой этого не произойдет». На том и расстались.

Следующим утром Шераги вышел на поле позже обычного. Наверное, мое решение его очень расстроило. Видимо, в том, чтобы я согласился уйти в горы, он был лично заинтересован.

Вечером того же дня командир роты объявил, что через два дня нам предстоит десантироваться в горы, и дал команду быть готовыми к снятию. Понимая, что все имеет свой конец и мы с Шераги, скорее всего, больше не увидимся, я напоследок решил хоть как-то скрасить жизнь этому афганцу, к которому успел привязаться.

Я вручил ему приготовленные нашими парнями солдатские гостинцы. Махнув, пока нет командира роты, на своём БМП до автопака батальона, я выменял у «бескорыстного» прапорщика хоззвода два мешка риса, муки, два ящика масла и сгущенки за свой новенький трофейный пистолет «Беретта М-92».

Утром был получен приказ сниматься. Я построил ребят, потом подозвал Шераги и трех его сыновей и передал им все, что было собрано для этого прощального мероприятия. На глазах изумлённого Шераги проступили слезы. Утерев скупую мужскую слезу, неловким движением рук напоследок старик меня обнял. Погрузив врученные гостинцы на хребет привлеченного к транспортировке ишака и плечи двух своих сыновей, он тронулся в сторону дома.

Больше Шераги мы не видели. Спустя почти 30 лет я со светлым чувством вспоминаю эту страницу того периода моей жизни, когда мы воевали на многострадальной земле Афганистана. Я часто задумываюсь: как сегодня живется тому простому афганскому дехканину? Жив ли? Сыновья, наверно, совсем взрослые мужчины. Мне, как и многим побывавшим там, по-прежнему не безразлично, какими нас, солдат той далекой войны, запомнили сотни тысяч таких афганцев, как Шераги.

Впереди нас ждал второй (горный) этап операции «Манёвр» с 16 июня по 22 июня 1986 года с высадкой в составе групп тактического воздушного десанта на господствующие высоты: Карбату 3161, Дехмиран 2781, Яфсадж 2540, Шастдара 4123, в районах Мугулан, Чольбахир, Тали-Гобанг, расположенных в уездах Ишкамыш и Хост-О-Ференг в горной части провинций Тахар и Баглан, с целью блокирования отрядов мятежников из базовых районов, осуществляющих нападения на трассе «Кундуз-Файзабад».

ГОРНЫЙ ЭТАП «МАНЁВРА»

На рассвете 16 июня 1986 года началась высадка тактического воздушного десанта, который должен был захватить вскрытый разведкой

укрепрайон - перевалочную базу со складами вооружения и боеприпасами, ликвидировать членов формирований ИОА, подконтрольных А.Ш. Масуду.

Тактический воздушный десант 783-го разведывательного батальона в авангарде батальонов 201-й дивизии в количестве 120 на 10 бортах Ми-8, высадился на горные участки районов Ишкамыш и Хост-О-Ференг (Хост-Ва-Фирин), примыкающих к трассе «Кундуз-Файзабад».

При высадке десанта 783-го ОРБ, с господствующих высот по вертолётам и по десанту был открыт безостановочный огонь. Лётчик, командир первого Ми-8, впоследствии четырежды раненный в бою, до последнего сохранял управление машиной, под шквальным огнём высадил десант, чем спас жизнь 12 разведчикам и экипажу.

Убедившись, что десант покинул борт, командир объётого пламенем вертолёт и бортовой техник, впоследствии также получивший тяжелое ранение, выпрыгнули на площадку и вместе с разведчиками приняли бой. Подбитый выстрелом из гранатомёта, Ми-8 за считанные минуты сгорел дотла. Высаженный десант занял круговую оборону и вступил в бой.

Исходя из сложившейся обстановки, командир эскадрильи принял решение прекратить десантирование и отдал приказ остальным бортам возвращаться на площадку подскока.

Высадившись в авангарде передовых подразделений, десантные группы четырёх бортов от 45 до 50 разведчиков 783-го отдельного разведывательного батальона, были зажаты в огненный мешок и вели продолжительный бой. Натиск противника, преобладающего числом и господствующими позициями привёл к потерям в 783-м ОРБ.

В это время десант, вёл ожесточенный бой с превосходящими силами противника, неся потери, сдерживая натиск и попытки окружения. Силами десанта 783-го ОРБ, командовал командир взвода 2-й разведывательной роты. Начштаба ОРБ, авиа-наводчик, командир огнемётной роты и другие были в укрытии среди огромных валунов без средств связи, а командиры 1-й и 3-й разведывательных рот были ранены уже на начальном этапе боя, замполит 3-й разведывательной десантной роты погиб.

По истечении долгих двух часов, после подачи вертолётов, комбат П.В. Коротный с остатками 783-го ОРБ погрузился в вертолёты и направился на выручку батальону. Подлетев к месту высадки, комбат в иллюминатор увидел, что внизу идёт бой. Вертолёт ушёл за склон и, зависнув на высоте 3-4-х метров, высадил с бортов прибывшие группы ОРБ и ящики с боеприпасами.

Узнав о прибытии комбата майора П.В. Коротного, разведчики воспрянули духом: «Раз комбат с нами, все будет хорошо!» Вслед за бортом комбата высадились и оставшиеся группы десанта. Оценив обстановку, майор с батальоном сместился выше по склону. Метрах в тридцати, покосившись на бок, стоял второй подбитый вертолёт, с прострелянного бака большой струёй бил керосин. Желая его поджечь, мятежники открыли интенсивный прицельный огонь трассирующими патронами.

Высадка командиром головного вертолётa, первого эшелона 783-го ОРБ на горное плато, подконтрольное противнику и не обработанное ранее ударами штурмовиков Су-25, привело к тяжёлым последствиям.

Через два часа, при полёте второго эшелона в район высадки, на горном плато, экипажи и десант, увидели два сбитых вертолётa Ми-8, один из которых сгорел, а также ведущих бой разведчиков.

Комбат майор П.В. Корытный окончательно осознал, что десантирование подразделений 783-го ОРБ было ошибочно произведено в другом месте, как выяснилось потом, в 16 километрах северо-восточнее отметки 2540 горы Яфсадж, утверждённого планом операции заданного района. Эта ошибка сыграла роковую роль для действий батальона. Фактически, десант был высажен на главные опорные пункты базового района, на стрельбище, где проходили подготовку снайперы учебного центра, подконтрольного полковому командиру ИОА этническому узбеку Кази Кабиру (Мохаммад Кази Кабир Марзбон).

С заходом солнца огонь стих. По приказу комбата, всех раненных и убитых укрыли в относительно безопасном месте. Среди погибших были командир сожженного вертолётa Ми-8, военный корреспондент газеты ТуркВО, замполит разведывательно-десантной роты, другие разведчики ОРБ и бойцы приданных подразделений.

Дождавшись полной темноты, майор П.В. Корытный со связистами обошёл все позиции, на месте уточняя задачи. Он принял решение под покровом ночи с группой разведчиков подняться вверх, к господствующей вершине площадки десантирования, и предпринять попытку выбить мятежников с первого рубежа горной гряды, чтобы с рассветом как-то переломить ход боя.

Однако ночью мятежники подтянули свежие силы и с восходом солнца открыли непрерывный, усиливающийся огонь, в том числе из миномётов. Разведчики также ответили приданным миномётным огнём, но количество мин было ограничено и боекомплект был быстро израсходован. Бой достиг высокого огневого напряжения. Число раненных стремительно росло, оказание первой медицинской помощи в условиях непрекращающегося огня было сложным, вода и боеприпасы были на исходе.

В этой ситуации напрашивалось только одно решение - вызов авиации для нанесения БШУ по занимаемым противником господствующим высотам и непосредственно по перевалу, с тем, чтобы под прикрытием дыма и пыли посадить вертолётa Ми-8 для сброса боеприпасов, погрузки раненных и убитых. П.В. Корытный понимал - отступление вниз по ущелью приведёт к ещё большим потерям. Поэтому при выходе на связь с командованием операцией, он настаивал на ударах авиации.

Аккумуляторы садились, слышимость ухудшилась до минимума. Пытаясь улучшить слышимость, майор вытащил радиостанцию из окопчика и поставил на бруствер. На какое-то время связь улучшилась. Но снайпер, давно выжидавший удобный момент, выпустил в комбата пулю, вошедшую навывлет в голову, пронзив глаз и висок: «Видать, потерял боевую бдительность, а вражеский снайпер не растерялся», - вспоминал этот день П.В. Корытный. Несмотря на тяжелейшее ранение, пока находился в сознании, комбат продолжал отдавать приказы и руководить боем.

Только утром 18 июня в действительный район боя были направлены штурмовики СУ-25 и боевые вертолеты МИ-24, которые офицером ОРБ были наведены на цели. После ударов, как и всегда, мятежники стали покидать район операции. Появилась, наконец, возможность эвакуировать раненых и убитых. Их, к сожалению, оказалось много.

Артиллерист-корректировщик, находившийся рядом в одном окопе, наложил комбату на голову повязку, а приползший начмед ОРБ вколол промедол. Об обстоятельствах и характере ранения комбата 783-го ОРБ П.П. Корытного доложили на ЦБУ командованию операции. После доклада, спустя короткое время, в район высадки десанта прилетела долгожданная пара штурмовиков СУ-25 и нанесла бомбовый удар по целеуказаниям майора П.В. Корытного.

Вслед за Су-25 под прикрытием двух вертолетов МИ-24 села пара вертолетов Ми-8, и началась эвакуация убитых и раненных. Комбата вместе с другими разведчиками положили на плащ-палатки и погрузили в вертолёт.

Подошедшее подкрепление, прочесывая ущелья, обнаружило трупы мятежников, много оружия и боеприпасов. Всё указывало на то, что ночью, основным силам мятежников всё же удалось ускользнуть через перевал на Талукан, либо через отрог, который вёл в ущелье Явур и далее на Ишкамыш.

Восстанавливался Петр Васильевич после тяжёлого ранения долго: сначала в госпиталях Афганистана и ТуркВО, затем в глазной клинике в Одессе. Но, несмотря на тяжелое ранение, пройдя длительный курс лечения и реабилитации, он написал рапорт и приказом Министра обороны СССР был оставлен в боевом строю, став заместителем военного комиссара Курганской области, дослужился до воинского звания «полковник».

В лице П.В. Корытного, выжившего «всем смертям назло», мы отдаём дань уважения тысячам командиров, сделавшим всё возможное, чтобы сохранить жизни своих подчинённых. Мы всегда будем помнить имена тех, кто сложил свои головы на Афганской земле, «это нужно не мертвым, это надо живым».

За мужество и стойкость, проявленные в Афганистане, П.В. Коротный награждён орденом «Красного Знамени» и орденом «Красной Звезды», многими советскими медалями и орденом «Красного Знамени» Республики Афганистан.

АЛЕКСАНДР ЗЮЗИН

После драматического боя 783-го ОРБ и разведанных о присутствии в районе Ахмад Шаха Масуда, командование изменило продолжительность горного этапа операции «Манёвр».

Подразделения 149-го мотострелкового полка ещё пять суток перемещались по горному массиву Чольбахир (3153), Тали-Гобанг (2973; 3584), Мугулан (4331), в устьях рек Чаль, Джарав и Явур в поисках «Льва Панджшера». Одной из ночей в ущелье мотострелками были замечены огни, освещавшие кому-то путь в темени. Предположительно, так мятежники выводили А.Ш. Масуда из района боевых действий.

О понесённых потерях среди личного состава 783-го ОРБ на операции «Манёвр» 16, 17 июня 1986 года я узнал лишь через неделю, вернувшись с операции и, навестив своего земляка и товарища Сашу Зюзина в санчасти Кундузского гарнизона. Находясь в составе первых десантных групп 783-го ОРБ, в ходе второго этапа операции Александр высадился на горном плато района Ишкамыш. Покинув борт Ми-8 последним, он услышал за спиной резкий свист и разрыв. Повернувшись, он увидел охваченную пламенем машину и выпрыгивающих из неё пилотов. Точное попадание в бак вертолёта снаряда гранатомёта привело к полному воспламенению и быстрому сожжению. Через несколько часов на том злополучном плато мятежниками был уничтожен ещё один Ми-8, к счастью, успевший высадить группу разведчиков. Пулемётный огонь Александр Зюзина, открытый по мятежникам, спас не одну жизнь в том драматическом бою. В течение двух дней, разведчики сдерживали натиск противника, теряя своих боевых товарищей. В числе первых погиб наш товарищ из Шерабадской учебной разведроты Владимир Жиденко. По пулемётчику А. Зюзину, сковывающему

действия мятежников, был открыт прицельный огонь. Одна из пуль попала ему в бедро.

Когда А. Зюзина оттащили в укрытие и стали перевязывать, огонь из его пулемёта продолжил вести командир экипажа первого сожжённого вертолёт Ми-8 капитан В.С. Герасимов, ставший очередной приоритетной целью для мятежников. Вероятно, участок, где располагались позиции Александра и капитана В.С. Герасимова, были хорошо пристреляны снайпером – пуля, вошедшая в бок пилоту, минуя защищавший его бронезилят, стала для пилота роковой. Получив возможность осуществить эвакуацию, под прикрытием ударов штурмовиков Су-25, в подлётывшие вертолёт Ми-8, разведчики погрузили своих товарищей, в числе которых были погибшие - рядовой Владимир Жиденко, капитан В.С. Герасимов и раненные – майор П.В. Корытный и рядовой Александр Зюзин.

ФАЯЗ ЛАТЫПОВ. Провинция ПАКТИЯ 1986 год

Фаяз Латыпов, с параллельного класса, в ряды Вооружённых сил СССР призвался в октябре 1985-го года. После 3-х месячной подготовки в учебном подразделении в городах Термез и Шерабад Узбекской ССР для дальнейшего прохождения службы в феврале 1986 года был направлен в состав Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане в 191-й отдельный мотострелковый полк, дислоцированный в провинции Газни.

Спустя три месяца, 14 апреля 1986 года на горном участке трассы у населённого пункта Чамкани, провинция Пактия, в зоне афгано-пакистанской границы колонна машин и бронетехники советских войск попала в засаду.

Зенитная установка Зу-23-2 боевого расчёта, в котором нёс службу Фаяз Латыпов, устанавливалась в кузовах автомобилей КАМАЗ и обеспечивала огневое прикрытие в голове и хвосте колонны. Грозное оружие, обладающее мощной ударной силой - ЗУ-23-2 представляла наибольшую опасность для атакующего советскую колонну противника.

Исходя из этого, она была выбрана главной целью для начала атаки. Так, в первые минуты, боя мятежники расстреляли КАМАЗ с расчётом Фаяза, ранив его водителя. Расстреляв КАМАЗ и заблокировав тем самым движение, с ближайших гор по колонне мятежниками был открыт шквальный огонь из имевшихся видов вооружения. Фаяз быстро сориентировался и установил расположение огневых точек противника. Очередью из трассирующих патронов своего АК-74, он навёл огонь зенитной установки на позицию атакующего противника. В неравном огневом противостоянии Ф. Латыпов получил сквозное пулевое ранение в живот.

Не имея шанса выжить, пребывающий ещё в сознании – Фаяз, перед смертью взял с боевого товарища обещание: «После демобилизации, первым делом навестить его семью, Маму и сестру в городе Азнакаево Татарской АССР и передать им его последние слова: «Мама! Я честно выполнил долг,

прости за причинённое мной горе». Фаяз скончался на пути в госпиталь 14 апреля 1986 года.

В Книге Памяти погибших в Афганистане о Фаязе написано: «ЛАТЫПОВ Фаяз Мазгарович, рядовой, радиотелефонист, родился 26.06.1967 в селе Учаллы Азнакаевского р-на Татарской АССР. Татарин. Работал в Азнакаевском управлении буровых работ. В Вооруженные Силы СССР призван 18.10.1985 Азнакаевским РВК.

В Республике Афганистан с февраля 1986. Во время боевой операции мотострелковая рота, преодолевая ущелье, была обстреляна. Под огнем противника Ф. Латыпов действовал смело и решительно. При смене огневой позиции получил тяжелое ранение. Скончался от ран 14.04.1986.

За мужество и отвагу награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно). Похоронен в Азнакаево. В школе, где он учился, установлена мемориальная доска».

О гибели Фаяза Латыпова в Афганистане я узнал в середине декабря 1986 года, вернувшись домой после курса лечения и реабилитации в госпиталях 40-й Армии и ТуркВО, в связи с полученным там же тяжёлым ранением.

ОПЕРАЦИЯ «ЗАПАДНЯ»

В августе 1986 года командование 40-й Армии и генеральный секретарь ЦК НДПА М. Наджибулла пришли к единому мнению о необходимости ликвидации крупнейшего на западе, границе с Ираном, базового района «Кокари-Шаршари».

Фортификационный комплекс Кокари-Шаршари (КШ) был построен западно-германскими и иранскими инженерами в 1984 году и являлся одновременно крупнейшей перевалочной базой на границе с Ираном.

Операция готовилась в условиях строгой секретности и получила кодовое название «Западня». В соответствии с разработанным планом она должна была проводиться в три этапа на широком фронте равнинной и горной местности - в окрестностях старого Герата и в приграничном с Ираном горном районе Шаршари. На примыкающем к Герату, равнинном участке, планировалось провести «зачистку» от мятежников всех населенных пунктов, а на горном - овладеть базовым районом «Кокари-Шаршари» - главным опорным и перевалочным пунктом вооруженной оппозиции на границе с Ираном.

На этапе планирования операции была проведена аэрофотосъемка района, собраны агентурные данные, подтвердившие их подлинность и точность, что в ходе операции обеспечило точность ударов авиации и артиллерии по наземным сооружениям и огневым точкам.

Для проведения операции была создана группировка войск в составе 28-ми батальонов: *советских - 19 и афганских - 18*. В провинции Герат такого количества войск не дислоцировалось, поэтому было принято решение привлечь дополнительные силы из Кундуза и Баграма.

Командование плановой общевойсковой операцией было возложено на заместителя командующего 40-й Армией генерал-майора Г.Г. Кондратьева, общее руководство и координацию действий советских и афганских войск осуществлял генерал армии В. И. Варенников.

Боевые действия проводились одновременно в двух, удалённых друг от друга на 160 километров, районах:

1. В районе «Кокари-Шаршари» на границе с Ираном
2. В западной части города Герата (старая часть Герата)

На заключительном этапе уничтожались формирования, базирующиеся в городе. Для не допущения переброски отрядов оппозиции из одного района в другой, в каждом из них была создана своя группировка войск, состоявшая из 14 батальонов: *советских - 5, афганских - 9*.

С целью ввести Исмаил-хана в заблуждение о районе боевых действий, все принимающие участие в операции «Западня» войска, дислоцированные в провинции Герат, покинули пункты дислокации одновременно.

17-я пехотная дивизия ВС ДРА была направлена на запад в район «Кокари-Шаршари», а прибывшие из Кабула афганские подразделения - на блокирование зелёной зоны Герата, к подразделениям 5-й мотострелковой дивизии ОКСВА.

Базовый район «Кокари-Шаршари» являлся пунктом тылового обеспечения партии ИОА – «западной объединённой группировки» афганских моджахедов, командовал ими крупный полевой командир Туран Исмаил (капитан Исмаил), известный также под именем Исмаил-Хан.

Исмаил-хан (Мохаммад Исмаил-хан), уроженец провинции Герат уезда Шинданд – таджик, профессиональный военный. До 1979 года Исмаил-Хан был кадровым офицером 17-й пехотной дивизии ВС ДРА, дислоцированной в Герате. В дни Гератского мятежа в марте 1979 года Исмаил-хан, обратил подчинённые ему подразделения на сторону восставших против Правительственных войск ДРА. Личные качества, профессиональная карьера и боевой опыт позволили Исмаил-хану объединить разрозненные отряды в крупное формирование численностью в пять тысяч воинов и стать эмиром пяти западных провинций: *Герат, Бадгис, Фарах, Гор, Нимроз*, возглавив борьбу по всему западу Афганистана.

Член высшего совета ИОА, Исмаил-Хан был третьим по влиянию лидером партии. Он получал финансовую помощь одновременно от двух антагонистичных, по отношению к друг другу, союзов афганских моджахедов: афганских моджахедов-суннитов «Пешаварской семёрки» со штаб-квартирой в Пешаваре ИРП и союза афганских моджахедов-шиитов «Шиитской восьмерки» - в ИРА со штаб-квартирами в городах:

Мешхед, Кум, Тайбад. В «Западную объединённую группировку» Исмаилхана входило около 200 отрядов мятежников разной численности.

К операции «Западня» военным командованием ОКСВА были привлечены части и подразделения дислоцированной в провинции Герат 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, 149-го гвардейского мотострелкового полка (Кундуз) и 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка (Баграм), а также штурмовая и военно-транспортная авиация с аэродромов Герата, Шинданда, Баграма, Кабула и Желалабада. От ВС ДРА к участию в «Западне» привлекли, дислоцированную в провинции Герат, 17-ю пехотную дивизию и 5-ю танковую бригаду, а также другие подразделения.

Накануне в пунктах дислокации, на специально изготовленных макетах местности, командный состав Советских подразделений ознакомился с планом операции, были также отработаны вопросы управления и взаимодействия между частями и подразделениями. По воспоминаниям генерал-полковника А. И. Скородумова, в августе 1986 года - подполковника, командира 149-го гвардейского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии: «Утром 19-го августа меня вызвали в штаб 201-й мотострелковой дивизии, где комдив поставил задачу срочно перебросить полк самолётами Ил-76 в провинцию Герат для участие в крупной войсковой операции. Поздно вечером того же дня мы прибыли на аэродром Герата. Я приказал офицерам провести смотр наличия боеприпасов и провизии. После этого я собрал своих заместителей, старших офицеров и поставил каждому командиру подразделения боевую задачу».

Утром следующего дня - 20 августа в 5.30 личный состав 149 гвардейского мотострелкового полка разделился на группы и ждал команду грузиться в вертолёты Ми-8Т». Через 20-25 минут полётного времени авангард головных батальонов подлётал к месту высадки - район «Шаршари». Из окон вертолёт был виден низкий по афганским меркам, горный массив и русло обмелевшей реки Герируд, здесь по географическим координатам проходила граница ДРА и Ирана.

Пролетая вдоль пограничной полосы, из окон вертолѐта была видна открытая по всей ширине горизонта граница. Пограничные посты двух государств, а также места постоянной дислокации 17-й пехотной дивизии ВС ДРА, нанесѐнные на планшетных картах, либо отсутствовали совсем, либо представляли полуразрушенными глинобитными строениями.

На сопредельной территории, за снижающимися по высоте горами лежала широкая равнина. При полѐте к месту высадки и снижении для десантирования, была отчетливо слышна стрельба, а внутри бортов - стук, бивших по фюзеляжу очередей. Стало ясно, высадка десанта осуществляется под плотным огнѐм противника.

Спрыгнув и заняв круговую оборону, группы десанта столкнулись с непрерывным миномѐтным и стрелковым огнѐм. Экипажи Ми-8 заметно нервничали и торопили с высадкой. Не успев отлететь на длинное расстояние, Ми-8 возвращались на места высадки десанта за ранеными. Пристрельная стрельба и точность попаданий из безоткатных орудий и миномѐтов свидетельствовали о хорошей боеготовности противника.

В условиях непрекращающегося и плотного огня противника, командиры выстроили боевые порядки и выдвинули подразделения на указанные рубежи. На всех направлениях и всѐм протяжении пути, советские и афганские подразделения сталкивались с минно-взрывными заграждениями.

Противник минировал все подходные тропы и естественные укрытия, используемые под огневые позиции. Количество подрывов на итальянских противопехотных минах было высокое. На подступах к базовому району огонь противника усилился. Наступление на главном направлении удара захлебнулось под плотным стрелковым и гранатомѐтным огнѐм противника.

Тогда на помощь сухопутным частям пришла штурмовая авиация. Пары Су-25, сменяя друг друга, наносили БШУ по фортификационным сооружениям, опорным пунктам и огневым точкам противника, ведущего ответный огонь из зенитных установок ЗУ-23-2 и ПЗРК «Blowpipe».

Учитывая, что боевые действия проходили на линии государственной границы ДРА с Ираном, во избежание международного конфликта, связанного с нарушением государственной границы, маршруты боевой авиации были построены, исключительно вдоль приграничной полосы.

23 августа 1986 года на главной линии театра военных действий при смене очередной двойки, при выходе из пикирования, зенитной ракетой «земля-воздух», британским ПЗРК «Blowpipe» был поражён штурмовик Су-25 капитана А. Г. Смирнова. Пилот катапультировался и был эвакуирован с места десантирования спасательной группой на вертолёте Ми-8 ППС.

Вертолёты Ми-8, эвакуирующие раненных либо доставляющие боеприпасы и питьевую воду на передовые позиции, являлись для противника приоритетной целью, по ним вёлся прицельный огонь из гранатомётов, зенитных установок и ПЗРК. Для выполнения данных задач, вертолёты садились на удаленных от линии соприкосновения тыловых высотах.

Бои продолжались от рассвета и до заката в течение шести суток. С позиций противника, в течение дня несколько раз доносился голос муэдзина, читающего из рупорного громкоговорителя строки из Корана. Часто это происходило в момент высокого огневого напряжения, тогда мятежники вставали в полный рост и выпускали длинную очередь из пулемёта или выстрел из гранатомёта. Ночью противник перегруппировывал силы, обходил занимаемые советскими войсками высоты, минировал отходные пути. Много времени противоборствующие стороны посвящали чистке оружия.

На заключительном этапе, организованное взаимодействие штурмовой авиации и сухопутных войск, позволило стянуть вокруг противника плотное кольцо. 24 августа 1986-го года с различных направлений начался штурм укрепленного района. Большая численность гарнизона «Кокари-Шаршари», наличие арабских и иранских наёмников не спасло от полного разгрома.

25 августа 1986 года, после подавления ударами артиллерии и авиации последних очагов сопротивления, наземные войска перешли в наступление. Мятежники же начали беспорядочно отступать.

25 августа 1985 года укрепрайон Исмаил-хана в Кокари-Шаршари был взят, формирование разбито. И только совсем незначительная часть уцелевших мятежников, оставив оружие и боеприпасы, вместе с Исмаил-ханом ушла в Иран. Несмотря на отчаянное сопротивление мятежников, потери советских войск были минимальными.

В ходе боевых действий было уничтожено 26 (двадцать шесть) различных складов с оружием и боеприпасами, 25 (двадцать пять) приспособленных к обороне глинобитных домов-крепостей, 32 (тридцать две) пещеры-укрытия.

26 августа 1986 года операция «Западня» была успешно завершена. На долгое время были прекращены поставки вооружения и боеприпасов вооруженной формированию Исмаил-хана с территории Ирана.

МЕЛА СВИНЦОВАЯ МЕТЕЛЬ

*... А песня ходит на войну, а песня рушит доты.
Я тоже песню знал одну, как подданный пехоты.
На том гремучем рубеже, когда трясет планету,
Она приходит — и уже ни зла, ни страха нету...*

Сергей Островой

Афганистан, провинция Герат, афгано-иранская граница — тактический воздушный десант подразделений 149-го гвардейского мотострелкового полка, высаженный на ближайшие к опорным пунктам басмачей господствующие высоты, вёл бои с отрядом Исмаил-хана.

Солнце в зените. Жара выше 60-ти градусов по Цельсию. Раскаленные до багрового цвета непрерывной стрельбой оружейные стволы дымились, отдавая запахом жженой сметаны. Боеприпасы были на исходе, а боекомплекты снаряжены последними патронами. Вода закончилась сутки назад. По вертолетам, сбрасывающим спасительные боеприпасы и воду, враг бил из гранатометов и ДШК. Господствующая высота, на которой были оборудованы опорные пункты басмачей, обеспечивала огневое господство над позициями наших подразделений, не давая поднять головы.

Четвертые сутки, с восходом солнца и до наступления темноты, обеими сторонами велся массированный огонь. Под протяжное чтение сур из Корана, звучавшее по мощному громкоговорителю, басмачи вскакивали из укрытий, вставали в полный рост и выпускали снаряд гранатомета или длинную пулеметную очередь. Так, бравируя собственным бесстрашием, они старались оказать психологическое воздействие и подавить моральный дух наших бойцов.

А в это время, стремясь преодолеть грохот автоматных очередей и созывающий глас муэдзина, на внутренней стороне бруствера ответственно трудился неизменный спутник всех боевых походов — маленький японский транзистор SANYO. В эфире шел концерт по заявкам радиослушателей и звучала популярная в 1980-е, песня «Снег кружится» в исполнении вокально-инструментального ансамбля «Пламя»:

... Сегодня целый день идет снег,

Он падает, тихо кружась.

Ты помнишь, тогда тоже все было засыпано снегом?

Это был снег нашей встречи...

Слышимость песни звучавшей в радиоэфире, была приличной, достигаемой слуху шестерых, находящихся рядом бойцов. «Снегом нашей встречи» — с басмачами, советским воинам виделся — внезапно высаженный десант, заставший неприятеля врасплох, а повестью «нашей большой любви», вероятно, были — шесть минувших лет с начала Афганской войны.

... Он лежал перед нами белый-белый, как чистый лист бумаги,

И мне казалось, что мы напишем на этом листе повесть нашей любви...

Белого цвета горный рельеф иранского приграничья, освещался ярким августовским солнцем, напоминая стихи песни о «кружащем и засыпающем белом-белом снеге», с юмором, с проецированным в афганскую реальность, на «белый-белый горный пейзаж», с выжигающим солнцем, зноем, жаждой и

басмачами. Звучавшая в радиэфире песня о зиме и любви тут же подключила к пению других, находившихся поблизости бойцов:

*... Такого снегопада, такого снегопада
Давно не помнят здешние места...*

Строки о «таком снегопаде, которого не помнят здешние места» — могли говорить лишь о большом масштабе войсковой операции, которого не помнили местные басмачи.

Улыбаясь сквозь растрескавшиеся в кровь губы, еле ворочая сухим языком, но не прекращая вести огонь, воины: Евгений Замятин, Александр Гут, Александр Саркисян, Абдурахман Магомедов, Александр Челмакин, Василий Солодуха, Юрий Силкин (погиб дембелем - в декабре 1987-го) — надрывая голоса подпевали:

*... И верю я, что скоро, и верю я, что скоро
По снегу доберутся ко мне твои следы...*

Словно обещая басмачам, добраться до них в ближайшее время, и во чтобы то ни стало — пели советские воины.

... Снег кружится летает, летает, и поземкою клубя...

Какой, к черту, снег?! Над кем он кружился? Кого заметал?

До разгрома басмачей было еще далеко. В продолжающемся противостоянии в помощь сухопутным силам появились штурмовики Су-25. Пролетая над позициями войск, сменяющиеся пары «Сушек» наносили бомбоштурмовые удары, сокрушая фортификационные сооружения басмачей.

Транзистор, словно понимая важность момента, не сбавляя темп, перешел ко второй части концерта по заявкам радиослушателей с песней «Мы желаем счастья вам» в исполнении ВИА «Самоцветы»:

*... В мире, где кружится снег шальной,
Где моря грозят крутой волной,
Где подолгу добрую
Ждем порой мы весть...*

Глядя на очередной заход пары Су-25 на бомбоштурмовой удар, бойцы подхватывали строки из припева и громко до хрипоты, дружно пели:

*... Мы желаем счастья вам,
И оно должно быть таким,
Когда ты счастлив сам,
Счастьем поделись с другим...*

«Счастье», которым в каждом куплете призывали делиться строки песни, в той ситуации были реактивные снаряды и авиабомбы штурмовиков Су-25. Окрыленные поддержкой с неба бойцы, усиливали стрелковый огонь и с улыбкой, как могли громко, запевали:

*... Мы желаем счастья вам,
Счастья в этом мире большом,
Как солнце по утрам,
Пусть оно заходит в дом...*

Ведущие огонь по нашим штурмовикам Су-25 и вертолетам Ми-24, басмачи воздать им должное — не укрывались от воздушных атак, а продолжали вести ответный огонь из крупнокалиберных ДШК и английских ракетных комплексов «Блоупайп».

В одном из таких налётов ракетой ПЗРК басмачей был поражён штурмовик Су-25. Самолёт был охвачен пламенем, пилот катапультировался. На выручку летчику срочно была направлена пара Ми-24. Пилота, приземлившегося недалеко от позиций басмачей, быстро подобрали вертолетчики.

Бой продолжался, обессилевшие и обезвоженные, но полные решимости повергнуть врага, воины продолжали совмещать интенсивную стрельбу и пение, вкладывая в слова песни актуальный для обстановки смысл. Всякий раз, с приближением припева — с усмешкой и блеском в глазах они усиливали плотность огня и громкость коллективного пения, искренне желая всем счастья.

Воины, достигшие ближних подступов к укрепрайону, были ограниченными в просторе, ждали завершения подавления авиацией огневых точек противника и приказа наступать.

*... Раскинутся просторы, раскинутся просторы,
До самой дальней утренней звезды...*

И в награду за тяжкий ратный труд, за веру в победу и «в то, что счастье есть» был разгром отряда Исмаил-хана, овладение укрепрайоном «Кокари-Шаршари» и захват большого числа единиц стрелкового оружия, минометов, гранатометов, боеприпасов и секретной документации.

*... Чтобы было легче в трудный час,
Нужно верить каждому из нас,
Нужно верить каждому,
В то, что счастье есть...*

Воины, тем кому повезло — кто тогда не погиб и не был ранен, возвращались в пункт постоянной дислокации в Кундуз. Ожидая заветный борт Ил-76 на аэродроме Герата, расположились на металлическом аэродромном покрытии и вспоминали трудные дни операции. Услышав по транзистору знакомую песню, не сговариваясь, стали негромко подпевать:

*... Мы желаем счастья вам,
Счастья в этом мире большом...*

После успешного завершения любого боевого похода сокровенной мечтой каждого солдата является возвращение домой, встреча с родными и близкими, с теми, кто ждал воина «из-за речки»:

*... Где ветрам покоя нет,
Где бывает облачным рассвет,
Где в дороге дальней — часто снится дом.
Нужно и в грозу, и в снегопад,
Чтобы чей-то добрый взгляд,
Чей-то очень добрый взгляд — согревал теплом...*

Так сложилось, что песня на войне — и воевать и выжить помогала. (Статья из журнала «Армейский сборник»)

КАБУЛЬСКИЙ ГОСПИТАЛЬ. НЕЗАБЫВАЕМОЕ

*Сраженным, но не поверженным,
выстоявшим и не сгнувшим,
посвящается.*

Волею судеб - занесённый тяжёлым ранением в Кабульский госпиталь, в череде хирургических операций, одолевшей бессоннице - от не стихающей физической боли, доносившихся стонов и тяжких дум, я сохранил в скупой солдатской памяти – увиденное здесь, на всю жизнь.

Во тьме полуночной госпитальной палаты, освящённой десятком огоньков тлеющих сигарет, связанных в цепочку у изголовий больничных коек, с которых в угрюмом молчанье, устремив взор в бездонный потолок, глядели искалеченные войной молодые парни, отрешённые мыслью: «Как теперь жить?».

Каждым оголённым нервом я чувствовал гнетущую ауру, парящую в воздухе, переполненном большим человеческим горем, куполом, нависшим над каждым, кто остался наедине со своей личной бедой, утраченной верой и смыслом - начать жить заново. И всё же, обессилевшие, но крепкие волей, мы поднимались. За шагом шаг, побеждая боль и немогость, опираясь на костыли или хрупкие плечи медсестёр, мы вновь учились ходить, приближая возвращение домой.

За нашими спинами оставался, ставший родным, госпиталь, его священное братство, где в забвении от случившегося, мы лишь на подступе к точке невозврата: ещё не принят последний бой, мы в полушаге от рокового щелчка мины, в мгновение от вылетевшей из БУРа зловещей пули.

Не парадным коридором, а «грузом-300» в «спасателе» Ил-76, в назначенный срок, лежащие на носилках, укрытые солдатскими шинелями, мы в крайний раз поднимаемся в афганское небо и, взяв курс к родным зарницам, полетим навстречу своей новой судьбе.

Сражённым, но не поверженным, прошедшим коридорами афганских госпиталей, впереди предстоят серьёзные испытания – чуждая среда, другая страна, где повторно сражённые, мы будем обмануты, отвергнуты и забыты.

*Ильяс Дауди,
«Незабываемое» - Кабул, Афганистан, 20 октября 1986г.*

Путь в 650-й Центральный клинический военный госпиталь 40-й Армии, больше известный, как армейский «Кабульский госпиталь», начался в сентябре 1986 года, из гарнизонного госпиталя Шинданда, откуда бортом Ил-76МД «скальпель» эвакуировали партию тяжело раненных солдат, участников общевойсковой операции «Западня», нуждающихся в продолжении оперативного лечения.

В «Приёмное отделение» Кабульского госпиталя, на холодный бетонный пол, с редко сохранившейся плиткой, разгрузили десяток брезентовых носилок с лежащими тяжело ранеными, оставив так лежать на сорок минут.

Завершив оформление документов и внешний осмотр, раненных нас распределили по разным отделениям и палатам. В них каждый обрёл новое «место службы», в лице койко-места, госпитальную робу и новый круг боевых товарищей.

В недавнем прошлом, в помещениях, переоборудованных под госпиталь, находились «конюшни офицерской гвардии короля Мухаммеда Захир-шаха», поэтому размеры их были внушительными. Палаты отделений госпиталя были заставлены одно- и двухъярусными железными кроватями.

Широкий коридор госпиталя являлся оживлённой транспортной артерией, соединяющей с многими отделениями, с операционной, перевязочной и столовой.

Первый ярус коек был законно закреплён за тяжелоранеными: ампутантами, незрячими, полосниками (ранеными в брюшную полость), ранеными в область позвоночника, головы и так далее. За два месяца лечения в Кабульском госпитале, довелось повидать много военнослужащих с ампутациями - двух нижних конечностей, одновременно - руки и ноги, двух рук, и полностью потерявших зрение. Много, всего было...

Большое количество больных были, так называемые носители аппарата Илизарова, специальной конструкции - из стальных дисков и спиц, стыкующих два конца на отсутствующем участке костной ткани. Были больные, у кого было два таких аппарата - на ногах, либо на одной из ног, и руке.

Не припомнится, чтобы в палатах были свободные места, более того, их не хватало. После эвакуации в Ташкент, койко-места, в тот же день находили нового хозяина. Эвакуация раненных из госпиталей и санчастей 40-й Армии в Кабул, осуществлялась самолётами «спасателями» «Ил-76 МД Скальпель», эти же борта, два раза в неделю - во вторник и пятницу, эвакуировали раненных в Ташкент.

В случае нарушения графика эвакуации «спасателя» из Кабула в Ташкент, или притока раненных из районов масштабных боевых действий, начальство госпиталя выставляло в коридор дополнительные кровати.

Отряд врачей, медсестёр и санитаров госпиталя был всегда перегружен, недостаточное количество медиков на большое количество больных, не позволяло уделить им необходимого внимания. Обе операционные хирургического отделения и перевязочные функционировали эффективно. График операций был очень плотным.

По утрам в перевязочные тянулась вереница каталок с «тяжёлыми», параллельно выстраивалась очередь из тех, кто самостоятельно обрабатывал свои раны и менял марлевые шарики, не отвлекая врачей и медсестер. Носители аппарата Илизарова, освоив принцип его действия, по согласованию с врачами, сами регулировали натяжку спиц на дисках.

До обеда все три стола перевязочной были заняты. Находясь на утренней перевязке, можно было стать свидетелем того, как на соседнем столе только что привезённому с передовой раненному, находящемуся под болевым шоком и действиями промедола большими ножницами разрезали военную форму, обрабатывали раны и готовили к операции.

Особой категорией являлись, получившие ранения в область позвоночника и живота. Физические страдания при таких ранениях были адские, по ночам всей палатой приходилось слышать их крики и стоны. Бывало, что не помогали даже очень сильные обезболивающие.

Ежедневная утренняя перевязка тяжело раненных включала обработку обширных открытых участков ран и швов ампутированных конечностей. Вследствие сильных болевых ощущений и сложности справиться с эмоциями, она сопровождалась громкими криками и ненормативной лексикой. Для локализации этого шума, в моей практике, использовалась обычная госпитальная подушка. Лежа на операционном столе, при сильных болевых ощущениях, я скомкал угол подушки руками и плотно забивал ею рот, так чтобы крик, сменился гулким стоном.

День больного начинался с утреннего обхода врачей. Вместе с начальником отделения палату обходили лечащие врачи-офицеры. Останавливаясь у кровати больного, ответственный врач – офицер-медик, вводил в курс коллег, зачитывал историю болезни, просил больного показать рану, демонстрировал рентгеновские снимки, сообщал выбранный курс и ход лечения. Завершив профессиональные обсуждения, доктора расспрашивали больного о его самочувствии и настроении, ориентировали на предстоящие этапы лечения.

Врачи и медсёстры пользовались у раненых большим уважением. Медики же отдавали должное стойкости, воле и духу воинов. Верные Военскому уставу и клятве Гиппократу, врачи, будучи профессиональными военными, сохраняли служебную субординацию, однако вместе с этим, имели большую человечность. Они позволяли себе быть ближе, чем это мог позволить себе линейный офицер.

Вечерами, в свободное время, врачи и медсёстры частенько усаживались у больничных коек, в кругу раненных воинов, расспрашивали их о чём-либо или рассказывали какую-нибудь историю и анекдот.

Доброжелательность и участие товарищей по палате помогали преодолевать тяготы госпитальных будней. Обычным явлением, на этапе лечения, было обсуждение между больными предстоящих хирургических операций, проводы, которые носили торжественно-комический характер. Накануне операции, больному вместе с пожеланиями успеха, заказывался предпочтительный концертный репертуар, который товарищи по палате желали услышать после её завершения.

Выезд больного из палаты на операцию сопровождался подбадривающим словами, хлопаньем, стуком костылей о край кровати, выкриками и свистом. Бывали случаи, когда новичок по неопытности, или даже матёрый санитар, замотанный службой, забыв о больничных суевериях, совершал оплошность, выкатывая каталку с больным из палаты «вперёд ногами». Спустя секунды, он становился мишенью, заброшенной, летящими со всех сторон, костылями, тростями, суднами, графинами и другими попавшимися под руку, предметами.

О завершении хирургической операции вешал громко поющий голос больного, перевоплотившегося в «маэстро», доносившийся из дальней части коридора, где находилась операционная. Исполняя собственное попури на шлягеры советской эстрады, ненадолго прерываясь на словесную перепалку с нецензурной бранью в адрес толкающих каталку санитаров, больной въезжал в палату, как пьяный барин с субботней ярмарки.

Экспромт исполнения разно-жанровых песен, под воздействием анестезии, по прибытию в палату обретал коллективную поддержку, подпеванием дурачащихся товарищей. Однако анестезия, питающая талантом новоявленного артиста, в жизни - скромного молодого парня, постепенно шла на убыль. На смену ей приходили ломка, депрессия и физическая боль.

После перенесённой в Шиндане ампутацию средней трети бедра, хирургом-травматологом II-го хирургического отделения Кабульского армейского госпиталя майором Александром Владимировичем Тепловым было сделано ещё пять операций по сохранению второй ноги.

Наиболее дорогими воспоминаниями для воинов, получивших ранения и увечья, долгое время не способных встать и передвигаться, были их первые шаги, которые они делали на костылях, с опорой на трость или плечи медсестёр. Преодолевая физическую боль, головокружение, немощность и скорую потерю сил, они медленно, но верно шли к заветной цели - дойти домой.

Так завершились Кабульские госпитальные будни, позволившие забыть о драматических последствиях боя, о злополучной пуле или щелчке адской машины.

Не парадным коридором, а «грузом-300» в «спасателе» Ил-76, в назначенный срок, лежащим на носилках, укрытым солдатскими шинелями, в крайний раз представится случай подняться в афганское небо и взять курс к родным зарницам, навстречу своим родным и близким, навстречу своей новой судьбе. Сражённым, но не поверженным, прошедшим коридорами афганских госпиталей, впереди предстояли новые испытания – чуждая среда, другая страна, во многом развенчавшая свои вчерашние идеалы.

ЧАСТЬ IV.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПОЕЗДКА в ЛЕНИНГРАД к МАМЕ ГЕРМАНА

Москва 1987 год. Домой из армии я вернулся в середине декабря 1986 года, после лечения в военных госпиталях на территории Афганистана и в Туркестанском военном округе. Быстро освоив протез, восстановился на первый курс вуза. Оттуда, весной 1985 года, я добровольно был призван в Вооруженные Силы СССР. Учеба не оставляла времени для размышлений о личной драме, о полученном на войне увечье. Однако было кое-что важное, не дававшее мне покоя.

Будучи в бессознательном состоянии, в кармане маскхалата, обрезанного военврачами, я оставил маленькую записную книжку с адресами и телефонами своих боевых товарищей по учебке и Афганистану. Тяжелая контузия и продолжительный курс лечения с обезболивающими опустошили мою память. Но все же некоторые адреса хоть и не совсем четко, остались в голове. Так, неожиданно всплыл в памяти адрес погибшего друга, Германа Стрельцова, парня, с которым мы в то время сошлись довольно близко: город Ленинград, Полюстровский проспект... Дальше помнил смутно: то ли дом 5, квартира 99, то ли наоборот, а возможно, дом 95, квартира 9...

Как бы то ни было, ответственность перед памятью погибшего в Афганистане боевого товарища, с кем я сильно сдружился, перед его мамой, которая приезжала на принятие присяги в Узбекистан, потерявшей на войне единственного сына 18-ти лет, обязывали меня во что бы то ни стало, навестить её.

В мае 1987 года, воспользовавшись паузой перед экзаменами, решил ехать в Ленинград. Уговорил своего земляка-азнакаевца, студента старшего курса нашего института Ильдуса Фарукушина, вернувшегося с афганской войны в 1982 году, составить мне компанию.

Вечером следующего дня мы прибыли на Московский вокзал. Взяв такси, мы назвали водителю адрес: Полюстровский проспект, номер дома указали - 5, решив начать поиск с него, по численному возрастанию. Через полчаса езды по ленинградским проспектам, водитель привёз нас в какую-то заброшенную и безлюдную промышленную зону.

На наше подозрение, таксист пояснил: мол, срезал путь и этой дорогой добраться короче. При этом внезапно вспомнил, что ему нужно срочно позвонить домой, извинился и припарковал такси у телефонной будки, установленной на углу отселённого одноподъездного дома. Зайдя в будку и начав, как нам показалось, с кем-то говорить, – повернулся к нам спиной.

В это мгновение из подъезда выскочили трое крепких молодцев, обежали такси, резким движением открыли задние двери и, приложили к горлу каждого из нас финские ножи. Двое громкими голосами прокричали, что-то вроде: «Деньги и всё ценное, выкладывай – быстро, иначе порежем на ремни». Схема налёта отработанная, в Питере она имеет своё название: – «гоп-стоп».

Мы мгновенно поняли, что происходит, каждый резким движением зацепил за грудки, нависшего над собой налётчика, втянул в салон и начал жёстко бить и душить. Третий из нападавших, стараясь помочь своим подельникам, залез в переднюю пассажирскую дверь, и стал пытаться нанести по нам удары, одновременно оттягивая на себя того что ближе, уже хрипящего от удушья подельника. Таксист в это время с ужасом наблюдал за происходящим из телефонной будки.

Противоборство внутри салона такси переросло в крепкое избиение налётчиков за его пределами на тротуаре. Спустя ещё 5 минут, Ильдус практически уже закончил обработку своего клиента, физиономия которого, напоминала мякоть спелого арбуза. Двое других налётчиков, сопротивление практически уже не оказывали, и, смирившись с поражением, прихрамывая, держась за бока и вытирая с лица кровь, стали спешно покидать место происшествия. В завершающей фазе инцидента, из окон ветхого дома слышались женские крики, в наш с Ильдусом, адрес: «Бандиты! Посмотрите, что делается среди бела дня! Изверги, сейчас милицию вызовем!»

Установив для себя наверняка роль таксиста в организации налёта, мы предложили ему на выбор: либо мы ждём милицию, либо он везёт нас по адресу и остаётся с нами до тех пор, пока мы не отыщем квартиру Стрельцовых. Договорились – о втором. Мы колесили по Полюстровскому проспекту от 5-го к 9-му, 95-му и 99-му домам до позднего вечера. При подъезде к очередному вероятному адресу, выйдя из такси, мы услышали за спиной звук рванувшего с места такси. Водитель решил от нас избавиться.

Оставшись без колёс и отчаявшись найти квартиру Стрельцовых, решили искать адрес через Районный военкомат, откуда Герман призывался в армию. Военкомат был нашим последним шансом. Они-то уж точно должны были знать этот адрес.

Мы узнали у прохожих адрес ближайшего к Полюстровскому проспекту военкомата, поймали другое такси и направились к нему. Когда мы доехали, уже стемнело, к тому же была суббота, так что дверь в РВК была заперта, а на стук никто не реагировал. Мы обошли здание и в тыльной стороне обнаружили служебный вход, постучались. Из-за двери, не утруждая себя особой вежливостью, спросили: «Чего надо?»

Мы сообщили, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афгане товарища. Назвали его фамилию и отчество, год рождения, особо обратили внимание на то, что призван он был с этого Военкомата, назвали дату гибели в Афганистане, просили просто дать точный домашний адрес. Ответ был такой: «Ничего вам не скажу, РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному, а пока идите отсюда подбирать здоровье».

Сделав небольшую паузу, мы вновь стали стучаться в дверь и, конечно, эмоционально объяснили, что мы из другого города и не можем ждать до понедельника. В конце концов, в нашей просьбе не было ничего противозаконного. Голос за дверью окончательно перестал отвечать.

Отчаявшись получить у дежурного РВК адреса Стрельцовых, мы сели на ступени крыльца служебного входа. Пока думали, как быть дальше, увидели, что прибывающий в кромешной тьме внутренний двор Военкомата осветился ярким светом фар двух пар с разных сторон. То были милицейские УАЗы с мигалками и воем сирен. Мы даже не успели понять, что произошло, когда из глаз полетели искры от шквала ударов резиновыми дубинками в исполнении наряда патрульно-постовой службы.

Добросовестно отделав и заковав в наручники, нас повезли в райотдел милиции. Там определили в «обезьянник», куда в течение ночи со всего района продолжали свозится фигуранты чрезвычайных происшествий. Ночью нас допрашивать не стали. Заняв места поудобнее на деревянных скамейках, мы заснули.

Наступило утро. О нас будто забыли. Сдающая дежурство смена не затруднила себя пояснением причин и обстоятельств нашего задержания перед принимающей. Поэтому после завершения всевозможных совещаний и летучек, дошла очередь и до нас. Нас сопроводили к дежурному, мы всё подробно рассказали.

Он тотчас связался с базой данных ГУВД и установил место проживания и телефон семьи Стрельцовых. Проникнувшись захватывающей историей нашего поиска, дежурный приказал наряду патрульно-постовой службы отвезти нас по данному адресу.

На удачу, Людмила Васильевна оказалась дома. Сложно передать ее чувства, когда мы объяснились.

Она пригласила нас войти, и на стене я сразу увидел большой портрет Германа. Все его вещи — книги, магнитофон, кассеты — лежали на своих местах, как будто Герман только что вышел из комнаты...

Вместе с Людмилой Васильевной мы поехали на Северное кладбище, на могилу Германа. Нашему взору предстал свежий ряд могил, воинов погибших в Афганистане. Смотреть на мать, потерявшую на войне сына всегда тяжело, а когда этот сын твой друг... Мы с Ильдусом стояли чуть поодаль и молчали. С памятника улыбался молодой, кудрявый парень.

За ужином дома у Людмилы Васильевны помянули Геру. Утром следующего дня с Ильдусом поехали в магазин обоев. Решили сменить гнетущую обстановку в квартире, где все напоминало о погибшем. И вообще, хотелось оставить о своем приезде добрую память. Обои мы купили, но клеить их Людмила Васильевна нас отговорила, сославшись на предстоящий капитальный ремонт. С этого визита с мамой Геры у нас сложились практически родственные отношения.

Судьбу Людмилы Васильевны никак не назовешь легкой. Великая Отечественная застала ее полугодовалым младенцем в Пскове. В семье были старшие дети — сестра 1938 и брат 1939 года рождения. Немцы депортировали троих маленьких детей и их мать в концентрационный лагерь близ Кенигсберга. Освободили их бойцы Красной армии.

После войны, окончив среднюю школу, Людмила поступила на вечернее отделение в Псковский политехнический институт, познакомилась с будущим мужем Владимиром. 10 апреля 1967 года родился сын Герман. Казалось, все хорошо, но судьба преподнесла очередной удар. В 1971 году в автомобильной катастрофе погибает ее муж. Людмила Васильевна осталась одна с четырехлетним сыном на руках. Свою жизнь отныне она посвятила ребенку.

Гера Стрельцов родился и вырос в Ленинграде, окончил школу хорошо, однако в институт поступать не стал — решил сначала отслужить в армии. Чтобы не терять время даром, поступил в ПТУ «от оборонки». Дождавшись наступления весны и исполнения 18 лет, в апреле 1985 года Герман призвался в ряды Вооружённых сил СССР.

Мы познакомились в первые дни курса молодого бойца, после короткой стычки, последовало примирение, перешедшее в крепкую дружбу. А вскоре мы стали друзьями. Манера поведения, стиль общения этого высокого блондина с голубыми глазами выдавали в нем подлинного интеллигента, жителя культурной столицы России. В редкие минуты отдыха Герман с теплотой и любовью рассказывал мне о родном городе, его истории, людях.

Последняя наша встреча с Германом состоялась ранним туманным утром 15 октября 1985 года на аэродроме Пули-Хумри, нашим подразделениям предстояло участие в армейской операции «Долина».

В ходе операции рота Германа выполняла боевую задачу: выйти на заданный рубеж в районе одного из перевалов, соединяющих Андарабскую

долину с Панджшерским ущельем. Внезапно по передовому дозору, в котором был и рядовой Герман Стрельцов, был открыт кинжальный огонь. Раненный Герман не удержал равновесия и сорвался с отвесной скалы в глубокую пропасть. Шансов выжить у него не было. Когда бой затих, разведчики, используя помощь других подразделений и обеспечив себе прикрытие с гор, подняли тело Германа со дна ущелья.

К могиле Германа Стрельцова, погибшего в Афганистане 33 года назад, и сегодня продолжают приносить цветы его друзья и одноклассники. Это ли не свидетельство того, «каким он парнем был» – «с короткой биографией, великою судьбой».

ЯРКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ о СЛУЖБЕ в АФГАНИСТАНЕ

Наиболее яркой вспышкой по прибытию в родной полк в Афганистан, был не в ногу шагающий строй вернувшихся с операции с пыльными головами и лицами, с опустошёнными глазами, хлебнувших на войне лиха, солдат, нагруженных видами оружия и боекомплектов.

Не забыть трогательность момента убывающих в Союз дембелей, в подогнанных парадках, с орденами и медалями на груди, собравшихся утром у штаба для торжественного прощания, с преклонением колена у знамени полка, и заключительного прохождения торжественным маршем под звуки «Прощания Славянки».

Особым зрелищем в горах было движение миномётной батареи, грузённой плитами, трубами, минами; ровно как гранатомётно-пулемётных взводов мотострелковых рот, с гранатомётами АГС-17 и крупнокалиберными «Утёсами», расчётами ДШК, с треногой и телом, полковой разведывательной роты. Застыли в памяти изнеможённые лица, спустившихся после длительного перехода в горах воинов, с потрескавшимися в кровь губами.

Не забыть, как спустя уже час после выхода личного состава полка и техники на операцию, с мест нападения на транспортные колонны или высадки тактического воздушного десанта, на аэродром Кундуз вертолётами Ми-8 доставляли «200-х» и «300-х». В напряжённые дни операции, на краю взлётной полосы, выстроившись в ряд, постоянно дежурил десяток медицинских УАЗов 452 АТ (буханок), на них из бортов Ми-8 санитары выгружали раненых и на быстрой скорости везли в дивизионный медсанбат.

Не стереть из памяти удручающие впечатления при виде гарнизонного морга сложенных в его дворе высоких штабелей цинковых гробов, равно, как и разгрузку самолёта Ил-76МД «скальпеля», прибывшего из Кабула на аэродром Ташкента с десятками раненных, лежащих на носилках и вереницей безногих, спускающихся по трапу на костылях.

Навечно в моей памяти останутся имена погибших воинов, тех, с кем служил, дружил или близко общался: Ербол Нургалиев, Николай Рачёв, Эдмон Магомедов, Тиркеш Аннакулыев, Юрий Силкин, Сергей Снигерёв,

Герман Стрельцов, Абдуллаев Мукаррамшо (Саид), Владимир Жиденко и другие.

ЧАСТЬ V.

СОБЫТИЯ И

ПРИЧИНЫ ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ДРА

К 1979 году обострилось глобальное противостояние СССР и западных стран, с лидирующей ролью США, на этот период пришёлся также целый ряд неблагоприятных для СССР внешнеполитических событий.

Египет, важный ближневосточный партнер, в обмен на финансовую помощь, сменив политический курс сотрудничества с СССР, перешёл под покровительство США и подписал в Вашингтоне «сепаратный договор с Израилем». А 12 декабря 1979 года министры иностранных дел и обороны стран НАТО подписали договор о размещении в Западной Европе американских ракет средней дальности, способных поражать цели на территории СССР.

В феврале в Иране завершилась исламская революция, монарх - Шах Мохаммед Реза Пехлеви был свержен, к власти в стране, по итогам всенародного референдума, пришёл Аятолла Хомейни, провозгласивший Иран Исламской Республикой (ИРИ). Новая власть запретила политическую деятельность марксистско-ленинской «Народной партии Ирана», её лидеры, и свыше пяти тысяч членов, были уничтожены, десятки тысяч были арестованы. Террор руководства ИРИ по отношению к левой политической партии Ирана, вызвал осуждение со стороны СССР.

Победа в ИРИ - Исламской революции, вызвал перенос Соединёнными Штатами Америки (США) своих интересов в Афганистан, что, по мнению советского руководства, в равной степени вредило безопасности СССР в Центрально-Азиатском регионе.

Иран, являясь центром мирового шиизма, оказывал(вает) существенное влияние на политическую стабильность в Афганистане, посредством – афганских шиитов и исмаилитов, составляющих от 12 до 18 % населения: памирских народов, фарсиванов - на северо-востоке и западе, а также хазарейцев – населяющих восемь провинций центральной части страны.

Также, к началу года существенно осложнились отношения СССР с Китайской Народной Республикой (КНР), в своей внешней политике, Коммунистическая партия Китая (КПК) стремилась укрепиться в роли главного носителя идей коммунизма, опережая КПСС.

Ввод войск КНР в дружественный к СССР Вьетнам, и захват трёх северных провинций в феврале-марте 1979 года, привёл к эскалации напряжённости в Тихом Океане, к берегам Вьетнама была стянута эскадра кораблей Тихоокеанского флота.

Части дальней авиации СССР были переброшены на аэродромы Монголии и ждали приказа на боевое применение. На Дальнем Востоке, в приграничных с КНР районах была развернута крупная сухопутная группировка. Отношения СССР и КНР вошли в острую конфликтную фазу.

В апреле 1979 года КНР вышла из советско-китайского договора 1959 года «О дружбе и взаимопомощи». Поддерживая данное решение КНР, США пообещали вывести свои войска из Тайваня, и предоставить крупные займы на покупку американских промышленных товаров и вооружения. Между Пекином и Вашингтоном были установлены дипломатические отношения, подписан государственный акт США «Закон об отношениях с Тайванем».

«Маоистское» подполье (название по имени Мао Цзэдуна председателя КПК) в Афганистане имело глубокие корни, а Москва была крайне не заинтересована в переориентации Афганистана на КНР. Пекин же, беспокоил ввод Советских войск в Афганистан. Это грозило втягиванием в региональный конфликт уйгуров - мусульманского населения Синьцзянь-Уйгурского автономного округа, живущего на западе КНР. Следует отметить, что преимущественная часть вооружения формирований афганских мятежников, была именно китайского производства.

Дестабилизация военно-политической обстановки в ДРА означала рост влияния США и НАТО у наших южных границ. 3 июля 1979 года, Президент США Джими Картер подписал «Директиву о тайной помощи формированиям афганской оппозиции», положившей начало, секретной операции ЦРУ «Циклон» в Афганистане. Распределение и контроль финансовых потоков и средств вооружения, в рамках секретной операции «Циклон», «Союзу исламских партий афганских моджахедов», ЦРУ осуществляло через пакистанскую межведомственную разведку «ISI».

Антиправительственные восстания, вспыхнувшие в течение года в трети афганских провинций, стали итогом вмешательства США во внутренние дела Афганистана с территории Пакистана. В приграничных с Афганистаном районах Пакистана и Ирана были открыты штаб-квартиры «исламских партий афганских моджахедов» - Альянса Семи «Пешаварская семёрка» - семи суннитских партий (шести пуштунских и одной таджикской) и Альянса восьми «Шиитская восьмёрка» – союза восьми шиитских партий, соответственно.

В исламских и арабских странах был организован сбор средств и пожертвований для вооружённого афганского сопротивления, налажено снабжение оружием и боеприпасами, организована деятельность баз по подготовке военных специалистов и иностранных госпиталей.

Принятию решения о вводе Советских войск в Афганистан предшествовала напряженная работа, специально созданной в 1979 году «комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану» под председательством министра иностранных дел СССР А.А. Громыко.

В комиссию входили: председатель КГБ Ю.В. Андропов; министр обороны маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов; заведующий

международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарёв и другие. Исходя из донесений разведки, Хафизулла Амин, не добившись положительного решения советского руководства на ввод войск, намеревался обратиться за военной помощью к Президенту Пакистана (Исламская Республика Пакистан - ИРП).

По данным отдельных разведывательных источников, предполагалось, что встреча глав ИРП и ДРА была намечена на декабрь 1979 года.

Угроза переориентации Хафизуллы Амина на Исламабад, ближайшего союзника США, тревожила Москву. Финансовая помощь Вашингтона силам афганского сопротивления укрепляла позиции США во всем Южно-Азиатском регионе, ослабляя влияние СССР.

Вместе с тем, урегулирование афганского внутривластного кризиса, без ввода Советских войск, по мнению официального Кабула, результатов дать не могло.

Общее количество просьб афганских руководителей, направленных через советских представителей в Кабуле, достигло двадцати, семь из них, высказывались непосредственно Хафизуллой Амином, другие имели место на официальных и рабочих встречах на высшем уровне, а также в телефонных разговорах руководителей двух государств.

Правовым основанием для ввода Советских войск в ДРА был «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА 1978 года», он предусматривал принятие мер «для обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности двух государств».

Присутствие Советских войск в Афганистане длилось более девяти лет. 14 апреля 1988 были подписаны «Женевские Соглашения», в рамках которых был определён «график вывода советских войск из Афганистана - с 15 мая 1988 до 15 февраля 1989.

В завершении приведу слова Президента Демократической республики Афганистан (1987-1992) Мохаммада Наджибуллы:

«Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано.

Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I.

1. РАЗГОВОР С ДЕДОМ. Случай на войне
2. АЗНАКАЕВО весна 1984 года
3. АСАДАБАД провинция КУНАР апрель 1984 года
4. С КОГО НАЧИНАЛАСЬ РОДИНА
5. ЮНОСТЬ
6. АЛЬБЕРТ ШАЙХУТДИНОВ и ТУРНИР его ПАМЯТИ

7. ТЯЖЁЛОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
8. ДЕД АХМАДУЛЛА
9. ЮНОШЕСКИЕ БЛАГОДЕЯНИЯ
10. МОСКВА, ИНСТИТУТ
11. ФАНУЗ ГАРЕЕВ
12. СЛУЧАЙ в ВОЕНКОМАТЕ
13. СПОР и ПРИЗЫВНАЯ КОМИССИЯ
14. КУРСК и ПОЕЗД в ТУРКЕСТАН
15. ДЕМБЕЛЬ на ВОКЗАЛЕ
16. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ – ОТБОР в РАЗВЕДКУ
17. ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ СЛУЖБЫ
18. КОМАНДИР РР – РОВБА В.И.
19. УЛОВКИ СЕРЖАНТОВ
20. ПОГРЕБЕНИЕ ОКУРКОВ
21. КОМАНДА 3/15
22. УЧЕБНЫЕ ЗАСАДЫ
23. КУРС УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА
24. БАТАЛИИ с ТАНКИСТАМИ
25. ШЕРАБАД
26. ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА
27. АФГАНИСТАН
- ЧАСТЬ II. АФГАНИСТАН: Между прошлым и настоящим
28. БАСМАЧЕСТВО
29. ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОК ДРА
30. ХАБИУЛЛА КАЛАКАНИ (БАЧАЙ-И САКАО)
31. ИБРАГИМ-БЕК
32. УТАН-БЕК
33. КЫЗЫЛ-АЯК
34. МАХМУД-БЕК
35. СЕИД МУБАШИР-ХАН ТИРАЗИ
36. ДЖУНАИД-ХАН
37. ПРИГРАНИЧНЫЙ АФГАНИСТАН 1929-1940 годы
38. ПОХОД ОТРЯДА РККА в АФГАНИСТАН в 1929 ГОДУ
39. ПОХОД ОТРЯДА РККА в АФГАНИСТАН в 1930 ГОДУ
40. «УНИОН» И «ФААЛ». АФГАНСКИЙ ПРОЕКТ «АБВЕРА»
41. СЕИД МУБАШИР-ХАН ТИРАЗИ И «ФААЛ»
42. ВОССТАНИЕ в ПАНДЖШЕРСКОЙ ДОЛИНЕ в 1975 году
43. ЦЕНТРЫ ПОДГОТОВКИ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ
44. ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
45. ЛАГЕРЯ БЕЖЕНЦЕВ – ИСТОЧНИК ЖИВОЙ СИЛЫ
46. ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979-1989)
47. ИРАН.ШИИТСКАЯ ВОСЬМЕРКА
48. США. ОПЕРАЦИЯ «ЦИКЛОН»
49. МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ РАЗВЕДКА ISI
50. ЭТАПЫ И МАРШРУТЫ СНАБЖЕНИЯ ВОЕННОЙ ПОМОЩЬЮ
51. ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ЗАКАЗА
52. ПОМОЩЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
53. ПЕРЕВАЛОЧНЫЕ БАЗЫ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979-1989)
54. БАЗОВЫЕ РАЙОНЫ АФГАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1979-1989)
- ЧАСТЬ III. АФГАНИСТАН: Войсковые операции 1985, 1986
55. ИСТОРИЯ МАРМОЛЬСКИХ ОПЕРАЦИЙ
56. МАРМОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1985 ГОДА

57. ЗАБИУЛЛО и АТТА НУР
58. СИДОР
59. ОПЕРАЦИЯ ДОЛИНА
60. НИКОЛАЙ КАНДАУРОВ – «С КОРОТКОЙ БИОГРАФИЕЙ, ВЕЛИКОЮ СУДЬБОЙ»
61. ПОДВИГ. ПАНДЖШЕР. 1985 год декабрь
62. ИСТОРИЯ ПАНДЖШЕРА и ПАНДЖШЕРСКИЕ ВОЙСКОВЫЕ ОПЕРАЦИИ.
63. ФРАНЦУЗСКИЕ ВРАЧИ в Афганистане
64. КУНАРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1985 года
65. ОПЕРАЦИЯ «МАНЁВР» и ПЛОВ ДЛЯ ШЕРАГИ
66. ГОРНЫЙ ЭТАП «МАНЁВРА»
67. АЛЕКСАНДР ЗЮЗИН
68. ФАЯЗ ЛАТЫПОВ провинция ПАКТИЯ 1986 год
69. ОПЕРАЦИЯ «ЗАПАДНЯ»
70. МЕЛА СВИНЦОВАЯ МЕТЕЛЬ
71. КАБУЛЬСКИЙ ГОСПИТАЛЬ
- ЧАСТЬ IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ
72. ПОЕЗДКА в ЛЕНИНГРАД к МАМЕ ГЕРМАНА
73. ЯРКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ о СЛУЖБЕ в АФГАНИСТАНЕ
- ЧАСТЬ V. СОБЫТИЯ
74. ПРИЧИНЫ ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ДРА

Список использованной литературы

- Богданов В.А. «Афганская война 1979-1989 годы»/ В.А.Богданов – М.: Советский писатель, 2005 г. – 319 с. ISBN 5-265-06354-4
- Барынькин В.М. «40 армия - война в горах»/В.М. Барынькин – М.:ВАПШ, 2002 г. – 234 с.
- Шерматов Г. «Тайная сделка советской власти с главным «басмачом» Средней Азии»/Г. Шерматов
- «Как Красная Армия пошла на сговор с Ибрагим-беком». Г. Шерматов
- «Военная литература Враги мирного труда. Успехи и достижения трудящихся Средней Азии».
- «Басмачество: возникновение, сущность, крах» А.И. Зевелев, Ю.А. Поляков, А.И. Чугунов
- «100 великих военных тайн» А. Валишев, М.Ю. Курушин, Секретные войны СССР: Самая полная энциклопедия А.Окороков.
- Военная литература «Гибнущий враг опасен. Вторжение Ибрагим-Бека»
- «Рейд, не вошедший в историю» Валишев А.А.
- «Конец Ибрагим-бека» А.Арапов.
- «Гражданская война и военная интервенция в СССР / Гл. ред. Хромов С. С.. — М.: Советская Энциклопедия, 1983. - с. 346-704 Командный состав кавалерийских соединений и объединений.
- Герой или авантюрист? (Споры об Энвер-паше)» Д.А. Алимова «Историческое пространство» (2007).
- «Смерть «летучего голландца Востока» Абдуллаев К. (6 августа 2007).
- Советская разведка на Ближнем и Среднем Востоке в 1920—30-х годах. П.В. Густерин — Саарбрюккен, 2014. — ISBN 978-3-659-51691-7.

- «Афганистан в огне. В.М. Примаков
- «Советский Лоуренс» в Афганистане, А.В. Пронин
- «Книга упоминаний о мятеже» - М.: Наука, 1988 Ф. Мухаммад
- «Записки чекиста», Г.С. Агабеков ГПУ. - Берлин, 1930 (переиздание: М., 1992).
- «Советское военное сотрудничество со странами азиатского континента, А.В. О कोरोков // Информационно-аналитическое издание. - М.
- «Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы, Аптекарь П. // Центрально-Азиатский Толстый Журнал / Гл. ред. М. Е. Озмитель.
- «Конец «Лоуренса Советского» (По материалам Пронина А. В.)
- «ЧК за работой — Берлин: Стрела, 1931. — С. Глава XXV, «Сталинская авантюра войны», Агабеков Г. С.
- «Вторжение в Афганистан при... Сталине» // 100 великих загадок XX века. Непомнящий Н. Н. — М.: Вече, 2004. — С. 103—109. — (100 великих). — ISBN 5-94538-470-4.
- «Красные авиаторы на «перекрестке Азии» (1921—1929 гг.) А.Ю. Лашков (кандидат исторических наук, доцент).// Гл. ред. П. Иванов «Авиапанорама» : журнал. - М., 2011. - № 6.
- «Неизвестный Поход в Афганистан» / «ВКИМО» 2009.
- «Сто великих авантюристов. Томас Эдвард Лоуренс (1888 – 1935 — М.: Вече 2000, 2004. - 432 с. - ISBN 5-7838-0437-1.
- «История в лицах, Бачаи Сако, Часть I, Абдуллаев К.
- «Афганистан на пути истории» خیر تاری افغانستان در مسس. Губар М. Г. М. - М.: Наука (Пер. с дари АН СССР, Ин-т востоковедения), 1987. — С. 194-208 с.
- РГВА, Ф. 25895, Оп. 1, Д. 349, Л. 59, 62.
- «Афганская арена. За полвека до 1979 года» В.И. Аблазов
- «История в лицах, Бачаи Сако», Часть II. К. Абдуллаев
- РГВА, Ф. 25895, Оп. 1, Д. 349, Л. 261.
- РГВА // Ф. 25895 // Оп. 1 // Д. 696, Л. 615/об.—617_[1]; Л. 615/об.,617_[2]; Л. 614—615_[3]; Д. 923, Л. 24_[4]; Д. 696, Л. 613_[5]
- «История в лицах. «Наполеон из Локая»» Часть II К. Абдуллаев (кандидат исторических наук) Архивная копия от 4 февраля 2016 на Wayback Machine, 2007.10.09.
- «История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии», А.А. Князев / Под ред. Л. В. Тарасова. — 2-е изд. (переработано и дополнено в 2002 г.). — Бишкек: КРСУ, 2001. — С. 15. — 136 с. — 500 экз. — ISBN 9967-405-97-X.
- «Красное солнце пустыни/Афганский «поход за зипунами»» // Аптекарь П. «Аэропорт» : журнал. — Ростов-на-Дону, сентябрь 2007. — № 7 (36).
- «Афганистан: первые пять лет советской оккупации (с.218 Медицинская помощь Франции, Швеции и Международный комитет Красного Креста) »

- «Afghanistan: The First Five Years of Soviet Occupation» J. Bruce Amstutz DIANE Publishing, 1994.
- «Афганский поход Красной армии (1930)»
- «Афганистан 1919-1978 гг.»
- «Новые ведомости Афганский лабиринт» В. Прохвятилов - Президент Фонда реальной политики
- «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию», Глава 23 «Заговор Наби-хана» Ю.Н. Тихонов
- «Страницы истории Афганистана 1929. Взятие Мазари-Шарифа»
- «Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919-1945). 2007 Глава XXI Заговор Наби-хана 1932 г.» Ю.Н. Тихонов
- «Борьба с басмачами в средней Азии 1918-1938 гг.»
- «История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917-1924 гг.» И.В.Погорельский.
- «Военная литература» Глава VI Хива
- «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию», Ю.Н.Тихонов
- «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию», Стр. 30 Ю.Н.Тихонов
- «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию», Глава 39 «Несостоявшийся поход на Бухару» Ю.Н. Тихонов
- «Ибрагим-бек. История локайского Робин Гуда» Л. Бляхер.
- «Эмир Хабибулла – таджикский король Афганистана» К. Абдуллаев.
- «История в лицах. Ибрагимбек Лакай». Камолуддин Абдуллаев
- «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану» Бурхануддин Х. Кушкаки
- «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию» Ю.Н. Тихонов Глава 39. Несостоявшийся поход на Бухару
- Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера Л.Ф. Соцков ШИФРОТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛОНДОНА
- «РЕЗИДЕНТ АБВЕРА. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера» Л.Ф. Соцков

«Гражданин, политик, воин». А. А. Ляховский, В. М. Некрасов — М.: 2007

Издатель: «Гриф и К» ISBN: УДК 882–94 ББК 83.3

- «Афганская война. Все боевые операции» автор В.А. Рунов жанр :«nonf-military» Издательство: Яуза, Эксмо год:2014 ISBN 978-5-699-70597-9
- «Афганская война (1979—1989). Воспоминания» генерал-лейтенант В.А. Богданов: — М.: Советский писатель, 2005 года
- «Ограниченный контингент» Б.В. Громов
- «В погоне за львом Панджшера» генерал В.А. Меримский
- «Восток дело тонкое» автор Е.Г. Никитенко 15БК 5-17-018154-X (ООО «Издательство АСТ») 15БК 5-271-07363-7 (ООО «Издательство Астрель») УДК 94(581) ББК 63.3(5Афг) Н63
- В.М. ТОПОРКОВ "АФГАНИСТАН: СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В ИСТОКАХ КРИЗИСА" УДК 94(100-87) ББК 63.3(5Афг) Т58 Рекомендовано к печати

Ученым советом ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова» Научный консультант: д-р ист. наук, профессор, О.Н. Широков Рецензенты: д-р полит. наук, канд. юридических наук, профессор А.А. Мкртычян доктор исторических наук, профессор, И.И. Бойко д-р историч. наук, профессор, Т.Н. Иванова Топорков В.М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса /Монография. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – 319 с.

- «Звёзды, пронесённые сквозь ад» командарм 40-й Армии Игорь Родионов
- генерал армии В.Ф. Ермаков книга «АФГАНСКИЙ ЗНОЙ»
- генерал-полковник Б.В. Громов «Ограниченный контингент»
- «Война в Афганистане» Н.И. Пиков Воениздат, 1991
- «Афганистан От войны 80-х до прогноза новых войн» генерал Никитенко Е.Г.
- «Войны и военные конфликты (Афганистан)» автор генерал-майор Е. Г. Никитенко Журнал «Военно-космическая оборона» (ВКО)
- А.Н. Матанцев-Воинов «Зарубежная помощь афганским моджахедам»
- «Трагедия и доблесть Афгана» А.А. Ляховский «Вооружение мятежников, источники получения и способы доставки» Издательство: ЭКСМО, год 2009. ISBN: 978-5-699-32707-2
- «В.И. Варенников: Неповторимое» Книга.5
- «Афганская война. Воспоминания» стр. 140-142 автор книги генерал-лейтенант Богданов В.А. руководитель Южного направления ГОУ Генштаба МО СССР, начальник штаба Оперативной группы Министерства обороны СССР в ДРА (1987-1988 гг.)
- «40 Армия – война в горах» генерал-полковник В.М. Барынькин — начальник ГОУ Генштаба МО РФ, Москва – 2002 год, стр. 77-85 Типография ВАГШ ВС РФ.
- «Особенности подготовки и ведения специфических операций 40 Армии» (по опыту боевых действий в Афганистане) Типография ВАГШ ВС РФ, генерал-полковник Барынькин В.М., доктор военных наук, профессор. Монография. Русское Воздухоплавательное Общество (Военный отдел) город Москва, 1999 год
- *И. Дауди.* Операция «Западня». «Из летописи боевого пути Советских войск в Республике Афганистан» // Армейский сборник: Научно-методический журнал МО РФ. — М.: Редакционно-издательский центр МО РФ, 2016. — № 08. — С. 88-92. — ISSN 1560-036X.
- Боевые операции 40-й Армии
- АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК
- «Трагедия и доблесть Афгана» А.А. Ляховский стр. 114, 153/общ. 345
- Журнал «Армейский сборник» Выдержки о ликвидации базы «Кокари-Шаршари», выпуски 1-6 стр. 2005 год
- «Войны и военные конфликты (Афганистан)» автор генерал-майор Е.Г.Никитенко Журнал «Военно-космическая оборона» (ВКО)

- «Базовые районы Афганистана»
- «Тайны афганской войны» А.А. Ляховский, В.М. Забродин Издательство: Планета., М-1991. ISBN: 5-85250-486-6
- «Уничтожение объектов противника в районах сосредоточения, в базовых и укрепленных районах» — М. Жирохов «Опасное небо Афганистана»
- Газета «Красная Звезда» 22.04.2009 «Дауди имя Героя»
- Газета «Красная Звезда» 22.04.2009 «И вечный бой»
- Мужество: Оставив сердце в Афгане, Журнал «Братишка» май 2011 года
- Документальный фильм М.Лещинского «Спрятанная война»
- Сайт «Герои страны»
- «Наши в Афгане или как «брали» Стингер», А.К. Шульц (разведпункт Герат)
- Статья начальника оперативной группы ГУ Погранвойск КСАПО генерала-полковника Згерского Г.А. «Мармольская операция» журнал «Ветеран границы» № 1-2/99 (ежемесячное приложение журнала «Пограничник Содружества») на Сайте «1-й ММГ Меймене» 47-го Керкинского ПОГО КСАПО
- Статья «Мармольский смертник» «Ставропольская правда» от 14 февраля 2004 г.
- Статья «Неприступная Мармоль» О.Кривопапов 154-й ОоСпН, февраль 1983 г. Газета «Третий тост» № 21 (357), 2007 г. Украинский Союз ветеранов Афганистана (воинов-интернационалистов)
- Статья «Мармольская Операция» Мазари-Шариф «Мармоль» Статья: «Героическим событиям Афганской войны посвящается» «Мармольская операция» Мазари-Шариф 1983г. ст.лейтенант Олег Белов
- Лётчик В.Зубов о «Мармольской операции» статья «В небе над Афганистаном» «Граница России» №5, 4-10 февраля
- ПВ КГБ СССР в Афганистане
- Статья «Операция в горах Альбурз», фото «Трофеи Альбурза» июль 1985 года автор Холявко Г.В. Из воспоминаний Холявко Г.В., замполита 2 погз 1 ММГ 47 ПОГО, Фото укрепрайонов на «Мармольской операции», сделанное военнослужащими погранвойск КСАПО ПВ СССР
- «Афганистан. Пещерные комплексы моджахедов, талибов и Аль-Каиды» автор Мир Бахманьяр «Afghanistan Cave Complexes 1979 - 2004» - «Mountain Strongholds of the Mujahideen Taliban & Al Qaeda» Author: Mir Bahmanyar (Fortress 26) By Stephen Turnbull, Publisher: Os Publishing 2004 64 Pages ISBN 184176776X. PDF 14 MB
- «Горные Крепости моджахедов, талибов, Аль-Каиды» автор Мир Бахманьяр (Author: Mir Bahmanyar)
- «Горная крепость (моголов) в Самангане» (6 фотографий) David Flamholz Follow «Buddhist cave complex, Samangan, Afghanistan»

Публикации автора:

- Статья "Комбат с позывным Кобра" журнал "Армейский сборник" февраль 2016 г.
- Статья «Плов для Шераги» журнал "Армейский сборник" март 2016 г.
- Статья «Кабульский госпиталь» журнал "Армейский сборник" март 2016 г.
- Статья "Операция Западня" журнла "Армейский сборник" август 2016 г.
- Статья "Мармольские операции" журнал "Армейский сборник" ноябрь 2016 г.
- Статья "ШАГНУВШИЕ В БЕССМЕРТИЕ" газета Московский комсомолец 15.02.2017 г.
- Статья "ШАГНУВШИЕ В БЕССМЕРТИЕ" газета Казанский репортер 15.02.2017 г.
- Статья "Дважды прошедшие" газета Казанский репортер 23.02.2017 г.
- Статья "КРЕПЧЕ СТАЛИ" газета Казанский репортер 01.04.2017 г.
- Рассказ «Кабульский госпиталь. Незабываемое» автор И. Дауди в повести Б. Н. Пастухова «Друзей моих прекрасные черты» Глава.4 «Афганистан: Времена и Люди»
- Статья "С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА" на портале Героев Советского Союза и Российской Федерации
- Статья "ШАГНУВШИЕ в БЕССМЕРТИЕ" на портале Героев Советского Союза и Российской Федерации
- Статья "ПАМЯТИ ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВА БОРИСА РУНОВА" на портале Клуб Героев Советского Союза и Российской Федерации
- Статья "ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО - Комбат с позывным "Кобра" на сайте Союза ветеранов ВИИЯ
- Статья "ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО - Комбат с позывным "Кобра" на сайте Российская Ассоциация Героев
- Статья "Он построил мост через Эльбу" (Герой Отечества Борис Рунов) - журнал "Армейский сборник" декабрь 2017 г.
- Статья "АФГАНИСТАН - взгляд в прошлое" на портале Российская Ассоциация Героев
- Статья "Как "ПЕСНЯ ходит на Войну" на портале Российская Ассоциация Героев
- Статья "Как песня на войну ходила" газета Красная звезда 15.02.2018 г.
- Статья "Иначе было нельзя" журнал Армейский сборник февраль 2018 г.
- Статья "Афганистан - взгляд в прошлое: Расстановка сил" ч.1 газета Казанский репортер 13.02.2018 г.

- Статья "Афганистан - взгляд в прошлое: Накануне войны" ч.2 газета Казанский репортер 24.02.2018 г.
 - Статья "Афганистан - взгляд в прошлое: Ввод войск" ч.3 газета Казанский репортер 22.11.2018 г.
 - Статья "Мела свинцовая метель" журнал Армейский сборник август 2018 г.
 - Статья "За того парня" газета Казанский репортер 30.09.2018 г.
 - Статья "С короткой биографией, с великою судьбой" журнал Армейский сборник февраль 2019 г.
-